Литературно художественный сборникъ

ЖИЗНЬ

СОДЕРЖАНІЕ СБОРНИКА:

ПОТАПЕНКО, И. Н. Послѣдняя шалость.—АНДРЕЕВЪ ЛЕОНИДЪ. Держите вора.—КУПРИНЪ, А. И. Осенніе цвѣты.—СОЛЛОГУБЪ ФЕДОРЪ. Опечаленная невѣста.—КАМЕНСКІЙ АНАТОЛІЙ. Весна.—ЛЕНСКІЙ В. Весной повѣяло. — СВИРСКІЙ А. Во тьмѣ. — Т. АРДОВЪ. Свиданіе и др. СТИХИ: А. РОСЛАВЛЕВЪ, АЛЕКСАНДРЪ БЛОКЪ, К. ФОФАНОВЪ, ИЛЬЯ ГУРВИЧЪ, ДМИТРІЙ ЦЕНЗОРЪ, ЯКОВЪ ГОДИНЪ и др.

Литературно-художественный сборникъ

журнала

„ЖИЗНЬ“

СОДЕРЖАНІЕ СБОРНИКА:

ПОТАПЕНКО, И. Н. Послѣдняя шалость. — АНДРЕЕВЪ ЛЕОНИДЪ. Держите вора. — КУПРИНЪ, А. И. Осеньніе цвѣты. — СОЛОГУБЪ ФЕДОРЪ. Опечаленная невѣста.—КАМЕНСКІЙ АНАТОЛІЙ. Весна.— ЛЕНСКІЙ В. Весной повѣяло.—СВИРСКІЙ А. Во тьмѣ.—Т. АРДОВЪ. Свиданіе и др.

СТИХИ:

А. РОСЛАВЛЕВЪ, АЛЕКСАНДРЪ БЛОККЪ, К. ФОФОНОВЪ, ГУРВИЧЪ, ЦЕНЗОРЪ ДМИТРІЙ, ГОДИНЪ ЯКОВЪ и др.

Спб [1908]

Типографія «Сѣверъ», Спб., Садовая, 60.

ПОСЛѢДНЯЯ ШАЛОСТЬ.

I.

По широкой гранитной лѣстницѣ одного изъ старыхъ большихъ домовъ на Васильевскомъ островѣ, неподалеку отъ набережной, тихо, раздумчиво подымался высокій господинъ въ длинномъ пальто съ перетяжкой на спинѣ, въ странной шапкѣ съ какими то заворотами, съ приподнятымъ воротникомъ. Въ фигурѣ его была какая то нескладность, лицо у него было сѣрое, обросшее незначительной бородкой съ просѣдью, черты этого лица были мало выразительны, незамѣтны.

Звали его Петромъ Михайловичемъ Старчинымъ. Онъ поднялся во второй этажъ, позвонилъ и, пока отпирали ему дверь, отдыхалъ. Онъ стоялъ передъ дверью, обтянутой темно-краснымъ сукномъ, и въ упоръ глядѣлъ на мѣдную дощечку, на которой были вырѣзаны хорошо знакомыя ему слова: «Левъ Сергѣевичъ Рамзановъ».

Но такъ какъ ему довольно долго не отпирали, онъ взялся за дверную ручку, нажалъ ее и дверь безпрепятственно растворилась. Онъ чуть-чуть усмѣхнулся и вошелъ въ большую свѣтлую переднюю, снялъ пальто, пристроилъ его на вѣшалку, оставилъ тутъ же и калоши и вошелъ въ огромную гостиную, полъ которой былъ устланъ дорогимъ пышнымъ ковромъ. Неторопливо онъ оглядѣлъ всѣ углы комнаты, подошелъ къ двери справа, потомъ слѣва, и послѣ двухъ-минутнаго изслѣдованія убѣдился, что ни одна душа въ домѣ не замѣтила его прихода, что во всѣхъ комнатахъ нѣтъ никакого движенія, тишина, какъ будто въ этомъ домѣ прекратилася жизнь.

Тогда онъ приблизился къ глубокому помѣстительному креслу, опустился въ него и терпѣливо ждалъ. «Вотъ домъ, думалъ онъ, куда всякій можетъ войти, взять, что ему понравится и уйти; даже лакеи не показываются».

Онъ замѣтилъ на небольшомъ кругломъ столикѣ кнопку электрическаго звонка, протянулъ руку и нажалъ ее. Онъ слышалъ, какъ въ отдаленной людской раздался продолжительный и громкій звонъ. Но никто не поспѣшилъ на этотъ звонъ, ни откуда не доносились торопливые шаги. Тогда онъ началъ осматривать стѣны, на которыхъ висѣло множество картинъ въ рамахъ и просто этюдовъ и набросковъ, какъ будто небрежно прилѣпленныхъ къ обоямъ. Все это было ему слишкомъ хорошо знакомо, потому что много лѣтъ уже онъ посѣщалъ этотъ домъ въ качествѣ близкаго родственника и своего человѣка. Каждая изъ этихъ картинъ, которыя почти всѣ принадлежали кисти одного и того же мастера, хозяина этого дома, чье имя было начертано на мѣдной доскѣ у входной двери, пережила періодъ, когда Петръ Михайловичъ Старчинъ стоялъ передъ нею по получасамъ и восхищался каждымъ штрихомъ, каждой тѣнью на ней. Теперь ужъ онъ ко всѣмъ имъ привыкъ и взоръ его разсѣянно переходилъ отъ одной къ другой.

Но вотъ глаза его остановились и какъ бы замерли. Онъ поднялся и подошелъ близко къ картинѣ, которая еще не была повѣшена на стѣнку, хотя была уже въ рамѣ и стояла просто у стѣны.

«Восхитительно, божественно,—сказалъ онъ чуть слышнымъ голосомъ,—какъ все, что онъ пишетъ. Экій неувядающій талантъ, размышлялъ Петръ Михайловичъ, не сводя глазъ съ картины.— Да, Богъ отобралъ свои дары у милліоновъ и все это вложилъ въ его душу»...

И странное выраженіе глазъ у него было въ эти минуты. Восхищеніе смѣшивалось въ нихъ какъ бы съ горечью или досадой. Это было восхищеніе не простого зрителя, а художника, который любитъ и понимаетъ красоту, но самъ безсиленъ изобразить ее. Это было что то похожее на зависть.

Минутъ десять простоялъ онъ передъ картиной, потомъ опять подошелъ къ столу и вновь нажалъ кнопку; снова гдѣ то раздался звонъ.

Старчинъ ходилъ по мягкому ковру взадъ и впередъ, въ движеніяхъ его было замѣтно волненіе, но шаги совсѣмъ не были

слышны. Онъ продолжалъ размышлять все на ту-же тему: «да, опять, значитъ, на выставкѣ публика будетъ разсѣянно торопливо глядѣть на все, кромѣ его картины. И это повторяется въ теченіе многихъ лѣтъ. Счастливецъ Левъ Сергѣевичъ! Избранникъ, вотъ ужъ по истинѣ избранникъ».

— А, наконецъ то вы сдѣлали мнѣ честь, почтеннѣйшій Степанъ Макарычъ!—промолвилъ онъ, повернувшись къ двери и увидѣвъ вошедшаго слугу.—Не потревожилъ ли я васъ?—съ мягкой и добродушной ироніей спрашивалъ онъ.—Не разбудилъ ли? Не оторвалъ ли отъ пріятной бесѣды, а?

Степанъ Макарычъ, давно служившій въ этомъ домѣ. былъ еще не старъ, но довольно уже пожилой человѣкъ, съ лицомъ бритымъ и сильно поношеннымъ. Тонкій, худощавый, сутоловатый, съ длинными руками, онъ имѣлъ фигуру нелѣпую, двигался медленно, какъ то странно раскачиваясь, точно не былъ увѣренъ ни въ одномъ своемъ движеніи и, когда дѣйствовалъ, исполняя приказанія, то у него былъ видъ человѣка, какъ будто болтающагося безъ дѣла и лишняго въ домѣ. Но онъ любилъ поговорить и въ особенности съ Петромъ Михайловичемъ, который относился къ нему добродушно и даже допускалъ нѣкоторую фамильярность.

Степанъ Макарычъ ухмыльнулся. — Все шутить изволите, Петръ Михайловичъ,—сказалъ онъ очень спокойнымъ голосомъ, въ которомъ было много сознанія собственнаго достоинства.—Мы, извѣстно, больше на кухнѣ пребываемъ, оттого и не слышно.

— Дѣлать вамъ, видно, нечего,—сказалъ Старчинъ.

— Вотъ ужъ истинно—нечего дѣлать, ужъ это вы въ самую точку попали, Петръ Михайловичъ,—отозвался лакей.

А держатъ васъ зачѣмъ?

— Собственно для виду. Левъ Сергѣевичъ желаютъ, чтобы все было какъ слѣдуетъ, потому какъ они красоту во всемъ...

Старчинъ разсмѣялся.—Это ты, что-ли, красоту дѣлаешь? Никакъ не ожидалъ этого. Ну, ладно. Сдѣлай милость, скажи кому нибудь, что я здѣсь. Дома-то есть кто нибудь?

— Какъ же! Барыня у насъ всегда дома. И Наталья Львовна есть.

— А Левъ Сергѣевичъ?

— Со вчерашняго дня не видѣли. Ну, да мы къ этому привыкли и даже не безпокоимся.

— Кто это мы, скажи пожалуйста?

— Мы, т. е. вообще... Оно такъ по видимости какъ будто и секретъ, а между прочимъ намъ извѣстно, что Левъ Сергѣевичъ очень даже увлекательный по дамской части.

— Что?—сердито нахмурившись, прикрикнулъ на него Старчинъ,—ты просто старый дуракъ и слишкомъ много врешь отъ бездѣлья... Ступай доложи сестрѣ, что я здѣсь.

— Слушаю-съ, Петръ Михайловичъ,—отвѣтилъ лакей, сразу перемѣнивъ фамильярный тонъ на лакейскій. Затѣмъ онъ чуть слышными шагами прошелъ черезъ гостиную и скрылся за дверью съ лѣвой стороны.

Суровая складка такъ и застыла на лицѣ Старчина.

Въ движеніяхъ его теперь выражалось негодованіе. Онъ думалъ о томъ, до какой откровенности дошелъ избранникъ. Прислуга въ этомъ домѣ уже не стѣсняется, громко говоритъ про него правду. «А добродѣтельная супруга все покрываетъ и молится на него... Это ужъ просто свинство»—свирѣпо думалъ Петръ Михайловичъ. Эти думы были нарушены появленіемъ молоденькой блѣднолицей худощавой дѣвушки, которая быстро шла къ нему.

— Здравствуй, дядя,—сказала она слабымъ, но въ то-же время яснымъ и мягкимъ голосомъ.

— А, Натанъ, здравствуй,—воскликнулъ Петръ Михайловичъ и, подойдя къ дѣвушкѣ, поцѣловалъ ее въ щеку. Но затѣмъ, какъ бы сейчасъ же забывъ о ней, онъ продолжалъ ходить по комнатѣ.

У Наташи было странное дѣтское лицо съ какимъ то постояннымъ, никогда несходящимъ съ него выраженіемъ грусти. Часто къ этому выраженію примѣшивался оттѣнокъ тревоги. Черты лица ея были тонкія и въ нихъ отмѣчалась необыкновенно острая чувствительность. При малѣйшемъ неожиданномъ шорохѣ она вздрагивала и какъ бы помимо воли осматривалась. Она и теперь съ тревогой смотрѣла на дядю, который не переставалъ ходить по комнатѣ.

— Ты, дядя, чѣмъ то взволнованъ?—спросила она.

— Нѣтъ, такъ... Пустяки. Давно папа кончилъ эту картину?—спросилъ онъ, остановившись и указавъ глазами на новую картину.

— Дней пять уже.

— Да? Ну что же, тебѣ нравится?

— Ты спрашиваешь? Развѣ можетъ кому нибудь не нравиться то, что написалъ папа. А тебѣ развѣ не нравится, дядя Петръ?

Петръ Михайловичъ почему то пожалъ плечами.—О, напротивъ. Чудная картина.

Онъ опять прошелся нѣсколько разъ по комнатѣ.—Отчего ты такъ блѣдна и въ глазахъ у тебя какая-то грусть? Ты чѣмъ нибудь разстроена?—спросилъ онъ.

— Я?—съ несовсѣмъ искреннимъ удивленіемъ промолвила Наташа.—О, нѣтъ, тебѣ это показалось, дядя.

Старчинъ подошелъ къ ней, взялъ ея руку и нѣжно погладилъ.—Милый Натанъ, если-бъ я не любилъ тебя, ты могла бы обмануть меня словами, но я тебя люблю и потому чувствую, что у тебя на душѣ не все ладно. Ну, исповѣдуйся же дядѣ, можетъ и утѣшу.

По лицу Наташи разлилось выраженіе какого то новаго безпокойства; она сказала дрожащимъ слабымъ голосомъ.—Ахъ, дядя... Я и сама не знаю.

— Ну, вотъ то-то и оно. Страдаешь и сама не знаешь отчего. Такъ. Повидимому, все идетъ какъ слѣдуетъ, а между тѣмъ чувствуется будто... что то неладно, что то тревожное носится въ воздухѣ... Такъ?

— Почемъ ты знаешь, дядя? Ты какъ будто заглянулъ въ мою душу... Тебѣ извѣстно? У насъ что-нибудь случилось? Отъ насъ скрываютъ? Намъ боятся сказать? Да? Ну, дядя, говори же, говори.

— Нѣтъ... Натанъ... Ничего такого, ничего,—глуховатымъ голосомъ сказалъ Старчинъ и, осторожно опустивъ ея руку, отвернулся отъ нея, подошелъ къ большому продолговатому столу и началъ разсѣянно перелистывать лежавшій на немъ альбомъ.

— Я тебѣ не вѣрю, дядя,—съ прежней тревогой сказала Наташа:—вѣдь я вижу ясно, что у насъ въ домѣ какая то неправда. Гдѣ то, въ чемъ то есть неправда, намъ что то недосказываютъ. Мнѣ и Алексѣю. Почему мама смотритъ сурово? Почему она улыбается какъ то черезъ силу? Почему у ней часто бываютъ красные глаза? Вотъ и сейчасъ я къ ней вошла, она наскоро вытерла слезы и улыбнулась, но такъ, что мнѣ захотѣлось плакать. Развѣ мама несчастна? Развѣ можно быть несчастной съ такимъ человѣкомъ, какъ папа?

Старчинъ неодобрительно покачалъ головой.—Какъ нынѣ рано портятся нервы. Семнадцать лѣтъ тебѣ, въ жизни ничего не смыслишь, а ужъ умѣешь дрожать отъ волненія. Ну, успокойся же. А вотъ кстати—помнишь, какъ прошлогодній проектъ съѣздить на Иматру тогда не удался, а теперь я свободенъ. Уговоримъ Алексѣя и втроемъ покатимъ. Это оживитъ тебя, ты вѣдь засидѣлась въ Петербургѣ.

Наташа не успѣла отвѣтить на его предложеніе. Вошла высокая, стройная женщина съ пріятнымъ, уже замѣтно поблекшимъ лицомъ. На ней было черное платье, придававшее ей строгій видъ. Это была Людмила Михайловна, родная сестра Старчина. Въ лицахъ ихъ не сразу можно было разглядѣть сходство. Въ особенности отличали Людмилу Михайловну глаза,—большіе, темные, выразительные, тогда какъ глаза Петра Михайловича были тусклые и незамѣтные. Она поздоровалась съ братомъ и извинилась, что заставила долго ждать. Они поговорили объ Алексѣѣ, о его картинѣ, которая была выставлена въ академіи среди ученическихъ работъ, о томъ, что у него есть талантъ, о томъ, что если онъ будетъ работать, то можетъ выдвинуться и унаслѣдовать славу отца.

— А кстати, Левъ Сергѣевичъ уѣзжаетъ?—промолвилъ Старчинъ и при этомъ пристально посмотрѣлъ на сестру.

Людмила Михайловна нахмурилась.—Да, онъ взялъ работу... Тутъ гдѣ то недалеко есть старый дворецъ... Ему поручили возстановить живопись...

— Такъ...—промолвилъ Старчинъ и нѣкоторое время помолчалъ.—Гдѣ же этотъ старый дворецъ обрѣтается?

— Тутъ, по балтійской дорогѣ,—отвѣтила Людмила Михайловна.

— Я знаю наперечетъ всѣ старинныя постройки и не помню, чтобы въ этихъ мѣстахъ было что нибудь подобное.

Людмила Михайловна выразительно и какъ то настойчиво посмотрѣла на брата.—Ты, очевидно, забылъ. Конечно, ты забылъ, Петя,—промолвила она.

— Чего добраго... Вѣдь легко позабыть...—отозвался Старчинъ и нетерпѣливо постучалъ пальцами по столу.—Ну-съ, а эти дни... Вотъ эти два дня, что его нѣтъ дома... Это тоже работа какая нибудь?

Людмила Михайловна еще больше нахмурилась, даже разсердилась, но видно было, что она всѣми силами старалась скрыть раздраженіе.—Я думаю... Онъ всегда занятъ... Ты же знаешь, какъ онъ много работаетъ.

— Да, я знаю, какъ онъ много работаетъ,—сказалъ Старчинъ и какъ то угрюмо замолчалъ.

Онъ не замѣчалъ, но Людмила Михайловна очень хорошо это видѣла, что Наташа все время ихъ отрывочнаго разговора чутко прислушивалась къ ихъ словамъ и страшно волновалась. Вдругъ дѣвушка поднялась съ мѣста и какимъ то прерывистымъ голосомъ, отрывисто бросая слова, заявила:—вы могли бы просто сказать мнѣ, чтобъ я вышла; это лучше, чѣмъ недомолвки...—и она быстро выскочила изъ комнаты. Людмила Михайловна съ упрекомъ покачала головой.—Ты совершенно неисправимъ, Петя; какъ это мнѣ больно... Ты задаешь вопросы, на которые я должна лгать. Мнѣ такъ тяжело лгать передъ дѣтьми.

— Эхъ... А ты думаешь, что безъ этого ложь не чувствуется въ каждомъ углу этого дома, въ каждой складкѣ этихъ портьеръ, въ каждой пылинкѣ, летающей въ воздухѣ!—энергично заворчалъ Старчинъ.—Ты ошибаешься, сестра. Ты жестоко ошибаешься. Дѣтямъ не надо говорить правду, они сами отлично чувствуютъ фальшь. Если-бъ ты слышала, какимъ потокомъ нервныхъ рѣчей Наташа разразилась здѣсь передъ твоимъ приходомъ! Она прямо говоритъ, что гдѣ то, въ чемъ то есть неправда: это ея слова.

— Это очень жаль и надо приложить всѣ старанія, чтобы убѣдить ее въ противномъ,—съ глубокой убѣжденностью сказала Людмила Михайловна.

Старчинъ нетерпѣливо поднялся съ мѣста.—Но зачѣмъ, зачѣмъ, зачѣмъ?—воскликнулъ онъ.—Послушай, сестра, по отношенію къ мужу ты праведница. Да, да, праведница, подвижница, не отрицаю. Ты принесла себя ему въ жертву. Ты приносишь ему эту дорогую жертву каждый день, каждый часъ, но какъ же ты допускаешь, чтобы отношенія между дѣтьми и отцомъ были построены на лжи, вѣчной лжи, которая покрываетъ его пороки и въ ихъ глазахъ бросаетъ тѣнь на тебя. Это непостижимо...

— Ну, хорошо, хорошо! оставимъ это, Петя,—нетерпѣливо сказала Людмила Михайловна.—Ты видѣлъ его новую картину?

— Да, видѣлъ, конечно, и любовался; за него пишутъ доб-

рые духи... Въ то время, какъ онъ повѣсничаетъ, они пишутъ...

Въ это время въ передней явственно послышался голосъ Льва Сергѣевича—веселый, открытый, добродушный. Людмила Михайловна выпрямилась и сильно понизивъ голосъ, сказала брату:—надѣюсь, Петя, ты не позволишь себѣ ни одного лишняго слова.

Левъ Сергѣевичъ вошелъ не одинъ, за нимъ по пятамъ слѣдовалъ Алексѣй. Отецъ говорилъ ему.—Нѣтъ, право, вещица недурна! Это я тебѣ говорю по совѣсти, дружище!—И говоря это, одобрительно хлопалъ его по плечу.

II.

Это была удивительно замѣтная фигура, сразу, при какихъ бы то ни было обстоятельствахъ, всякому бросавшаяся въ глаза. Высокій ростъ, поразительная для его пятидесяти лѣтъ стройность, прекрасно сохранившіеся длинные, курчавые волосы, большой открытый лобъ и какъ бы вычеканенныя черты лица, окаймленныя длинной русой бородой, все это составляло то, что привлекало къ Льву Сергѣевичу общую симпатію. Голосъ у него былъ ясный, сочный, голосъ человѣка, увѣреннаго въ каждомъ своемъ шагѣ, избалованнаго, привыкшаго отовсюду слышать одобреніе. Онъ сумѣлъ до сихъ поръ сохранить гармоничность своей фигуры и только въ послѣдніе нѣсколько лѣтъ было замѣтно, что онъ чуть-чуть потолстѣлъ. Его появленіе въ домѣ сразу вносило оживленіе, даже тогда, когда онъ не произнесъ еще ни слова.

— А,—весело воскликнулъ онъ, замѣтивъ прежде всего Старчина и съ раскрытыми объятьями направляясь къ нему.—Милый шуринъ, наконецъ то я вижу тебя. Не балуешь ты насъ,—говорилъ онъ, цѣлуясь со Старчинымъ. Потомъ онъ пошелъ къ женѣ и поцѣловалъ у нея руку.—Что это, Люда, ты такъ блѣдна сегодня? съ искреннимъ сочувствіемъ сказалъ онъ,—не такъ здорова, а? Ну, вотъ это мнѣ не нравится... Я заѣхалъ въ академію, взглянулъ на работы нашихъ птенцовъ. Вѣдь у нихъ тамъ выставка. Нашелъ тамъ Алешу и захватилъ его съ собой. Стоитъ и любуется на свое созданіе. Ха, ха, ха! Еле оторвалъ его...

— Что ты, папа!.. Вотъ ужъ неправда,—чуть-чуть смутившись, возразилъ Алексѣй, такой же высокій и стройный, какъ отецъ, и лицомъ похожій на него.—Вотъ уже неправда. Ты нашелъ меня въ скульпторномъ отдѣлѣ.

— Ха, ха, ха!—весело, звонко смѣялся Левъ Сергѣевичъ.—Ну, не сердись, я пошутилъ. Нѣтъ, я говорю серьезно: изъ Алешки будетъ толкъ. Ну, шуринъ, мой милый, строгій шуринъ,—промолвилъ онъ ласково трепля Петра Михайловича по плечу,—а ты видѣлъ его картину? Видѣлъ, конечно, и не одобрилъ, и полагаю, за то самое, за что я одобряю. Ты вѣдь у насъ врагъ размаха, проповѣдникъ смиренія въ искусствѣ... А гдѣ же мой Натанъ? Она дома?

— Здравствуй, папочка!—раздался въ это время близъ него голосъ Наташи, которая вошла и радостно бросилась къ нему и стала цѣловать его.

— Ну, всѣ значитъ тутъ,—почти съ умиленіемъ говорилъ Левъ Сергѣевичъ,—слава Богу, что я съ вами. Ничего на свѣтѣ такъ не люблю, какъ попасть наконецъ домой и быть съ вами.

Но при этомъ его взглядъ случайно остановился на лицѣ Людмилы Михайловны, и глаза его, и голосъ вдругъ сдѣлались грустными.—Но мама, наша мама что то печальна... Вотъ только это больно. Ахъ много бы далъ я за то, чтобы видѣть ее веселой...

Людмила Михайловна сдѣлала усиліе и улыбнулась. Она сказала:—пустое, я вовсе не печальна; право, это про меня все разсказываютъ сказки.

— Да?—вдругъ опять повеселѣвшимъ голосомъ и съ веселыми глазами воскликнулъ Левъ Сергѣевичъ.—Ну, вотъ это прекрасно, это мнѣ гораздо больше нравится. Когда ты смотришь ясно и мнѣ весело.

— Я слышалъ, ты взялъ работу и уѣзжаешь, Левъ Сергѣевичъ?—слегка впадая въ суровость, спросилъ Старчинъ.

— Да... Тутъ по балтійской дорогѣ!—какъ то скороговоркой отвѣтилъ Рамзановъ,—тамъ, знаешь, надо кой-что подмазать.

Людмила Михайловна нахмурила брови и поднялась.—Что это ты такъ вдругъ, Люда? ты уходишь?—спросилъ Левъ Сергѣевичъ.

— Да. Я вспомнила,—дрожащимъ голосомъ, но видимо стараясь владѣть собой, отвѣтила Людмила Михайловна.—Надо распорядиться... Извини пожалуйста, я сейчасъ...

Она повернулась къ двери и быстро вышла въ переднюю.

Опять глаза Льва Сергѣевича стали печальными, опять въ его голосѣ послышалась грустная нотка.—Ахъ, какъ это жаль, какъ это жаль!—съ искреннимъ сожалѣніемъ промолвилъ онъ.—Дѣти, подите, успокойте мать, она чѣмъ то разстроена...

Алексѣй и Надя съ видомъ покорности отправились вслѣдъ за Людмилой Михайловной.

Левъ Сергѣевичъ и Старчинъ остались вдвоемъ. Рамзановъ совершенно искренно волновался по поводу настроенія Людмилы Михайловны. Онъ безпокойно ходилъ по комнатѣ и все ахалъ по этому поводу. Старчинъ далъ ему нѣсколько минутъ на то, чтобы онъ сосредоточился на своемъ чувствѣ, затѣмъ онъ тихонько откашлялся и сказалъ, стараясь, чтобы голосъ его не звучалъ сурово, какъ это было ему свойственно.

— Вотъ, ты, Левъ Сергѣевичъ, говоришь: чѣмъ то разстроена... Конечно, ты сказалъ такъ при дѣтяхъ, но самъ ты отлично знаешь, чѣмъ разстроена Людмила.

Левъ Сергѣевичъ быстро обернулся къ нему и воскликнулъ глубоко недоумѣвающимъ голосомъ:—Чѣмъ же, голубчикъ? Почему ты думаешь, что я знаю? Я не знаю.

— Вѣрю, что передо мной ты не наивничаешь, Левъ Сергѣевичъ, но жену то ты считаешь слишкомъ наивной...

— Голубчикъ, Петръ, ради Создателя, говори яснѣй, чѣмъ разстроена Людмила—восклицалъ Рамзановъ и въ искренности его недоумѣнія нельзя было ни на минуту сомнѣваться.

— Ты ѣдешь на три недѣли возстановлять старинную живопись?

— Ну, да... Но что же тутъ удивительнаго?

— Конечно, и твой неизмѣнный спутникъ Кустянскій сопровождаетъ тебя?—продолжалъ допросъ Старчинъ.

— Да, онъ обѣщалъ мнѣ это. Но что же? Ты же знаешь, что мы съ нимъ неразлучны.

— Послушай, Левъ Сергѣевичъ, всякій гимназистъ знаетъ, что никакихъ такихъ старинныхъ картинъ тамъ нѣтъ и не можетъ быть. Это придумано неискусно, а главное—беззаботно и небрежно. А знаютъ, что есть на свѣтѣ актриса Свѣтланова, что она лѣтомъ играетъ тутъ по балтійской дорогѣ и занимаетъ тамъ дачу, что ты будешь писать ея портретъ... Гм... Писать портретъ,—

это довольно извѣстный пріемъ, Левъ Сергѣевичъ, и этимъ никого не введешь въ заблужденіе.

— Гм... Да... какъ то вдругъ заметавшись по комнатѣ, невнятно промолвилъ Рамзановъ,—ну, положимъ, что такъ, я дѣйствительно изъ осторожности. Къ чему же плодить излишнія огорченія? Однако послушай,—вѣдь Свѣтланова совершенно порядочная женщина! неужели ты думаешь...

— Постой,—довольно рѣзко остановилъ его Старчинъ,—вѣдь это опять слова и слова. Свѣтланова—порядочная женщина и пригласила тебя на дачу, конечно, съ самыми чистыми намѣреніями: ей хочется, чтобы ты написалъ ея портретъ. Но ты? Ты, неужели ты станешь утверждать, что твои намѣренія также чисты?

— Ну, мой милый, не будемъ говорить о моихъ намѣреніяхъ,—чуть-чуть раздражительно сказалъ Левъ Сергѣевичъ.—Но, неужели Люда знаетъ? Какимъ образомъ? Откуда? Откуда?

Петръ Михайловичъ покачалъ головой.—Откуда? да развѣ ты умѣешь что-нибудь скрыть? Ты—широкая натура, любящая все дѣлать съ шумомъ и трескомъ, чтобы было во всю. Твои лакеи знаютъ всѣ подробности твоей жизни. А ты удивляешься, что ихъ знаетъ жена, которая тебя обожаетъ и слѣдитъ за каждымъ твоимъ шагомъ. Да и какъ ты могъ допустить на минуту, что она повѣритъ въ эту поѣздку послѣ того, какъ ты всю жизнь сочинялъ эти работы и поѣздки, которыя оказывались выдумками, и она это узнавала, нестерпимо мучилась и прощала... Вспомни, вѣдь ты измѣнялъ ей чуть ли не на зарѣ вашей брачной жизни; а ужъ что было потомъ и вспоминать тошно.

Левъ Сергѣевичъ волновался, каждое слово шурина, казалось, западало въ его душу и находило тамъ благодарную почву. Уже въ глазахъ его не было выраженія небрежности или досады, оно замѣнялось сочувствіемъ, которое съ каждой минутой становилось все глубже и глубже, наконецъ, онъ сказалъ дрожащимъ, трогательнымъ голосомъ.—Да, ты правъ, ты правъ... я негодяй, кругомъ негодяй... Натура проклятая, дикая, неудержимая... Такъ, такъ: Люда святая, а я негодяй...

— Ахъ, ахъ,—промолвилъ Старчинъ, съ глубокимъ сожалѣніемъ, глядя на его взволнованное лицо и какіе то чувствительные жесты:—всѣ эти покаяныя слова я слышалъ отъ тебя тысячу

разъ, но послѣ нихъ ты дѣлалъ новыя безумства. Не надо ихъ, къ черту ихъ! Что за нелѣпость—эта дикая натура!.. неудержимая! Удержи ее, на то умъ и характеръ. Вѣдь тебѣ не девятнадцать лѣтъ, а пятьдесятъ, въ эти годы натура уступаетъ мѣсто разсудку. Послушай, Левъ Сергѣевичъ, я рѣшился говорить съ тобой объ этомъ, не смотря на прямое запрещеніе сестры, рѣшился потому, что ея долголѣтнія муки тяжелымъ камнемъ лежатъ на моей душѣ. Да, я считаю себя виноватымъ въ ея горькой судьбѣ.

И Старчинъ, не смотря на возраженіе и протесты со стороны Рамзанова, высказался. Да, онъ считаетъ себя виноватымъ, онъ проклинаетъ легковѣріе, которое проявилъ когда то въ молодости.

Они въ одно время были студентами академіи и Старчинъ тогда уже поклонялся юному таланту, который еще въ академіи началъ блестяще развертываться. Онъ благоговѣлъ передъ Рамзановымъ. То было обычное заблужденіе неопытнаго юнца: ему казалось, что грудь, вмѣщающая въ себѣ этотъ божественный огонь, такой горячій и яркій, что въ этой груди могутъ жить только самыя возвышенныя чувства и благородный характеръ.

Съ Рамзановымъ онъ быстро сошелся; этому помогло его поклоненіе и онъ гордился этой дружбой; для него составляло счастье сознавать, что они товарищи, вмѣстѣ работаютъ,—въ одной мастерской.

Самъ онъ въ то время уже почти ясно сознавалъ, что въ немъ этого божественнаго огня совсѣмъ нѣтъ. Это былъ скромный рисовальщикъ съ ничтожнымъ дарованіемъ; за всю жизнь онъ не сумѣлъ подняться выше ремесла и, когда онъ встрѣчалъ искренній талантъ, то падалъ передъ нимъ ницъ, какъ передъ божествомъ, недосягаемымъ идеаломъ.

И когда онъ познакомилъ Рамзанова со своей сестрой, то ему казалось, что онъ этимъ осчастливилъ ее. Когда же онъ замѣтилъ у Рамзанова первые проблески чувства къ ней, то ликованію его не было границъ. Но въ этомъ еще не вся вина его. Главная вина въ томъ, что еще раньше, чѣмъ познакомить ее съ Рамзановымъ, онъ говорилъ ей восторженныя рѣчи о немъ, онъ сдѣлалъ все для того, чтобы поселить въ ея сердце благоговѣніе передъ нимъ. И онъ достигъ этого: она поклонялась ему, еще не зная его. И конечно при первомъ же знакомствѣ она была покорена однимъ его взглядомъ.

И что-же? Уже со второго года супружества Рамзановъ, ничѣмъ не смущаясь, началъ давать волю своимъ необузданнымъ порывамъ. Увлеченіе за увлеченіемъ, измѣна за измѣной. Онъ сдѣлалъ свою жизнь рядомъ тріумфовъ на двухъ поприщахъ: искусства и любви, а ея жизнь была непрерывной мукой.—О, никогда я не прощу себѣ этого знакомства и сближенія,—говорилъ Старчинъ, какъ то сгорбившись и съ угрюмымъ лицомъ.—Ну, хорошо! Это было и прошло. Оставимъ прошлое. Но, теперь тебѣ ужъ пятьдесятъ лѣтъ, твои дѣти выросли, страсти должны были остынуть. Неужели теперь ты не можешь побороть себя? Вѣдь ты взялъ отъ жизни свою львиную долю, дай же что нибудь и ей, твоей женѣ. Вѣдь для нея нѣтъ ничего внѣ тебя. Подумай же о ней и дай ей возможность хоть остатокъ жизни прожить спокойно и счастливо.

Тутъ Старчинъ вдругъ поднялся и, глядя на него какъ то не прямо, прибавилъ:—я высказалъ, что думалъ, и больше мнѣ съ тобой нечего дѣлать. А ты подумай объ этомъ и устыдись. А затѣмъ прощай.

И онъ уже сдѣлалъ движеніе, чтобы повернуться къ двери, но въ это время Левъ Сергѣевичъ съ величайшимъ волненіемъ подбѣжалъ къ нему и схватилъ его за руку.—Нѣтъ, нѣтъ, постой, Петя, голубчикъ мой... Старый дружище... Говори еще, казни меня, я стою этого...

— Нѣтъ, ужъ казни себя самъ, это будетъ дѣйствительнѣе,— отозвался Старчинъ.

Левъ Сергѣевичъ съ волненіемъ забѣгалъ по комнатѣ.—Да, да, да... Вѣдь этакая я въ самомъ дѣлѣ скотина, старое животное, эгоистъ до мозга костей...

Онъ остановился передъ зеркаломъ и началъ разсматривать свое лицо.—Вѣдь посмотришь на себя, такъ даже противно. Вонъ борода сѣдѣетъ, а туда же, въ папильоны лѣзетъ, по цвѣточкамъ порхаетъ... Нѣтъ, скажи ради Бога, и что такое эта Свѣтланова? Самая обыкновенная женщина. Нѣтъ, ты подумай, чего мнѣ недостаетъ? Жена ангелъ, вѣдь Люда ангелъ,—въ самомъ дѣлѣ, въ самомъ дѣлѣ. Такихъ женщинъ нѣтъ больше въ цѣломъ мірѣ. Дѣти чудныя, обожаютъ меня. Меня окружаетъ тишина, покой, нѣжная забота, знай себѣ только—работай, да работай. Нѣтъ, я просто глупъ и подлъ, а ты, Петръ Михайловичъ, мой истинный

другъ. Спасибо! воскликнулъ онъ, крѣпко пожимая руку Старчина.—Отнынѣ къ черту всѣ эти мерзости, къ черту, къ черту, къ черту... Кустянскому пошлю записку, что никуда не поѣду. Вотъ пойду къ Людѣ и буду цѣловать ея ножки...

И онъ стремительно направился налѣво, гдѣ была комната Людмилы Михайловны. Она сидѣла въ креслѣ, задумчиво опустивъ голову, и подперевъ ее рукой. При его шумномъ появленіи она вздрогнула и тревожно подняла голову. Но онъ не далъ ей даже подумать: онъ быстро наклонился, взялъ ея руки и началъ цѣловать ихъ.—Люда, мой ангелъ, тысячный разъ я передъ тобой виноватъ, тысячный разъ я оскорбилъ тебя... Ну, прости, прости... Никуда я не поѣду и больше ужъ никогда этого не будетъ. Слышишь? Слышишь-ли? никогда! Ну, да, ты имѣешь право не вѣрить, я такъ часто обманывалъ тебя... Ахъ, ну какъ-же мнѣ увѣрить тебя въ этомъ?.. Милая, если-бъ ты могла заглянуть въ мою душу, ты увидѣла-бы, до какой степени я раскаялся, до какой степени я искрененъ...

Людмила Михайловна не вырвала отъ него рукъ и не отстранилась отъ него; она улыбнулась тихой грустной улыбкой:—развѣ ты когда нибудь былъ неискрененъ?—промолвила она,—я знаю, что ты теперь искренно каешься. И ты убѣжденъ, что этого никогда больше не будетъ, ты не лжешь, ты не умѣешь лгать. Если ты иногда говоришь мнѣ неправду, то только потому, что жалѣешь меня. Я все это знаю, Левъ, все знаю, но... Это только до перваго новаго впечатлѣнія...

Левъ Сергѣевичъ отпустилъ ея руки, выпрямился и лицо его выражало глубокую обиду.—Люда, это даже жестоко. Ты смотришь на меня, какъ на какого то въ конецъ испорченнаго негодяя, для котораго уже нѣтъ надежды на исправленіе. Но вѣдь и святые были когда то грѣшниками... Я вспомнилъ всю нашу жизнь, этотъ безпрерывный рядъ жестокихъ обидъ съ моей стороны, этотъ неистощимый океанъ любви, великодушія и прощенія съ твоей. Я вспомнилъ всѣ пролитыя тобой слезы и вдругъ просвѣтлѣлъ, переродился, развѣ ты не видишь, что я весь проникнутъ этимъ новымъ чувствомъ, я потрясенъ имъ... И ты... Ты все-таки сомнѣваешься... Люда, милая, дорогая, ангелъ мой... Ну, вотъ видишь, я со слезами умоляю тебя: на этотъ разъ повѣрь мнѣ, Люда.

Глаза его дѣйствительно полны были слезъ; казалось, онъ былъ потрясенъ... Людмила Михайловна поднялась, подошла къ нему и положила руку ему на плечо.—Ахъ, полно, что ты? Я вѣрю всему, всему вѣрю... Ну, вотъ видишь, я счастлива.

Левъ Сергѣевичъ началъ цѣловать ея руки и говорить о томъ, что онъ былъ глупецъ и негодяй, что онъ безсовѣстно огорчалъ своего лучшаго друга.—Ахъ, съ какимъ свѣтлымъ чувствомъ я засяду теперь въ мастерскую и примусь за свою большую картину. Я сегодня точно вновь на свѣтъ родился.

Въ это время послышались осторожные шаги лакея, который вошелъ и остановился на порогѣ.

— Василій Васильичъ пришли,—доложилъ Степанъ Макарычъ.

Левъ Сергѣевичъ вдругъ повеселѣлъ и лицо его оживилось какъ-то по новому.—Кустянскій? Ну, вотъ и прекрасно... сейчасъ къ нему выйду... Пойдемъ, Люда, онъ будетъ въ восторгѣ, когда увидитъ тебя веселой, вѣдь онъ любитъ тебя, какъ и меня.

— Ну, въ этомъ позволь мнѣ сомнѣваться, — промолвила Людмила Михайловна.

— Сомнѣваться въ Базилѣ?.. Никогда!.. Если-бъ ты знала, сколько разъ мнѣ отъ него изъ за тебя доставалось...

Онъ взялъ ее подъ руку и повелъ въ гостиную.

III.

Василій Васильевичъ Кустянскій дожидался ихъ здѣсь. Это былъ человѣкъ средняго роста, коренастый, плотный, съ небольшимъ брюшкомъ, съ тщательно выбритымъ по актерски лицомъ, съ низко остриженными сѣдоватыми волосами на головѣ, съ быстрыми проницательными глазками. Одѣтъ онъ былъ въ темно-сѣрый пиджакъ, въ цвѣтѣ галстуха была видна легкая франтоватость, одежда сидѣла на немъ элегантно и отъ него чуть-чуть пахло духами. Видно было, что человѣкъ этотъ еще заботился о своей наружности.

Онъ подошелъ къ Людмилѣ Михайловнѣ и поцѣловалъ у нея руку и сейчасъ же замѣтилъ, что сегодня лицо у нея необыкновенно веселое и бодрое.

Левъ Сергѣевичъ точно угадалъ его мысли и поддержалъ

ихъ. Онъ говорилъ, какъ бы продолжая прерванный разговоръ.— Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, въ самомъ дѣлѣ... Ты посмотри, Базиль, какъ она сохранилась, моя Люда. Что я особенно цѣню въ ней, какъ эстетикъ—это то, что она никогда не позволяетъ себѣ распускаться. Большинство замужнихъ женщинъ, когда имъ перевалило за сорокъ, когда у нихъ подросли дѣти, начинаютъ какъ-бы умышленно портить свою наружность. У нихъ заводятся какія-то безобразныя затрапезныя платья, вѣчно онѣ растегнуты, все у нихъ расползается, онѣ начинаютъ толстѣть, теряютъ всякую форму, отъ нихъ начинаетъ нести какой-то нравственной затхлостью, даже языкъ портится,—у нихъ являются вульгарныя слова, грубые обороты, они перестаютъ краснѣть... Однимъ словомъ, дѣлаютъ все, чтобы перестать быть привлекательными. А вотъ Люда совсѣмъ не то: годы сдѣлали ее еще изящнѣе... Клянусь честью, что если бы я увидѣлъ тебя теперь въ первый разъ на балу, то я влюбился бы въ тебя.

Людмила Михайловна смѣялась, а Кустянскій апплодировалъ.—Браво, браво,—восклицалъ онъ,—я очень удачно попалъ къ вамъ. Въ самомъ дѣлѣ, я расчитывалъ только на обѣдъ и вдругъ... Гм... а кстати, обѣдъ-то у васъ все-таки будетъ?..

— О, грубый прозаикъ!—замѣтилъ Рамзановъ.

— Что дѣлать. У меня дѣйствительно есть дурная привычка каждый день обѣдать.

— Въ самомъ дѣлѣ, надо объ этомъ подумать!—сказала Людмила Михайловна и ушла распорядиться на счетъ обѣда.

Рамзановъ предложилъ своему пріятелю перейти въ мастерскую. Онъ еще не былъ тамъ сегодня, а между тѣмъ у него была привычка большую часть времени проводить тамъ. Они направились въ кабинетъ Льва Сергѣевича, вышли черезъ маленькую одностворчатую дверь на черную лѣстницу, поднялись наверхъ и вошли въ огромную помѣстительную свѣтлую комнату, великолѣпно обставленную дорогими художественными вещицами, увѣшенную живописными тряпками и заваленную безконечнымъ множествомъ этюдовъ и картинъ.

Здѣсь они всегда чувствовали себя на холостомъ положеніи и Кустянскій, подчиняясь привычкѣ, тотчасъ же снялъ съ себя пиджакъ и въ жилетѣ, закуривъ папиросу, развалился на широ-

комъ мягкомъ диванѣ, обитомъ коричневой кожей и обтянутомъ какой то необыкновенной турецкой матеріей.

Левъ Сергѣевичъ ходилъ изъ угла въ уголъ мастерской, приводя въ порядокъ разбросанные этюды, а Кустянскій лѣниво вынулъ изъ кармана часы и взглянулъ на нихъ.

— Ну-съ, Левъ Сергѣевичъ,—промолвилъ онъ, слегка потягиваясь:—вамъ было угодно, чтобы я, какъ Рауль въ оперѣ, слѣдовалъ за вами въ неизвѣстное мнѣ мѣсто. Съ свойственнымъ вамъ легкомысліемъ, мой драгоцѣнный другъ, вы затѣяли какую-то новую интрижку. Не такъ ли? Моя дружба, конечно, оскорблена этой таинственностью, но, такъ какъ она истинная дружба, то я и на это согласенъ, и вотъ я явился. Вы назначили семичасовый поѣздъ неизвѣстной мнѣ желѣзной дороги. Теперь больше пяти. Къ шести мы кончимъ обѣдъ и къ семи поспѣемъ на поѣздъ.

— Какой тамъ поѣздъ!—откликнулся изъ дальняго угла Левъ Сергѣевичъ.—Никакихъ поѣздовъ я знать не хочу.

— Ахъ, это отмѣняется?..—воскликнулъ Кустянскій, выпуская изо рта дымъ кольцами:—Гм... Такъ, такъ...

— Да, Василій Васильевичъ, отмѣняется и вообще навсегда это отмѣняется; такъ это и заруби себѣ на носу.

— Я такъ и зарублю себѣ на носу!—сказалъ Кустянскій и началъ насвистывать какой-то веселый мотивъ.

— Увѣряю тебя, что это серьезно,—все еще возясь въ дальнемъ углу, говорилъ Рамзановъ:—Человѣкъ дѣлаетъ безумства, но наступаетъ же моментъ, когда имъ овладѣваетъ благоразуміе. Вѣдь согласись самъ, мое поведеніе по отношенію къ женѣ возмутительно!

— Именно: возмутительно,—отвѣтилъ Кустянскій и опять принялся свистать.

— До поры до времени — продолжалъ Рамзановъ, — можно было еще оправдываться избыткомъ силъ, молодостью, но теперь мои сѣдины не позволяютъ этого и, не говоря уже о томъ, что это непорядочно, я просто рискую быть смѣшнымъ.

Кустянскій на это не сказалъ ни слова, а только усиленно насвистывалъ. Левъ Сергѣевичъ обернулся къ нему и посмотрѣлъ на него неодобрительно.—Что за противная манера у тебя насвистывать, когда съ тобою говорятъ серьезно?

— Голубчикъ, я просто жду, пока ты все это кончишь. Надо же мнѣ чѣмъ нибудь въ это время заниматься.

— Ну, да, потому что ты этому не вѣришь.

Кустянскій слегка приподнялся и, перемѣнивъ позу, оперся на локоть. Онъ говорилъ, продолжая отъ времени до времени выпускать дымъ колечками:—Нѣтъ, милый, это ты самъ себѣ не вѣришь, оттого и стараешься говорить такъ горячо и убѣдительно. Ты хочешь увѣрить себя въ этомъ больше, чѣмъ меня. Но вспомни, сколько разъ въ жизни ты говорилъ мнѣ эти рѣчи! Сколько разъ раздавались эти слова: „Глубоко, серьезно и навсегда"! И дѣло кончалось новымъ безумствомъ. Какъ же мнѣ не свистать, мой другъ, когда я все это знаю наизусть, какъ таблицу умноженія.

Левъ Сергѣевичъ съ досадой швырнулъ на полъ какой-то этюдъ, бывшій у него въ рукахъ, и совсѣмъ обернулся къ Кустянскому.—Ты настоящій дьяволъ, Базиль,—воскликнулъ онъ:—ты подстерегаешь мои хорошіе порывы, и обдаешь ихъ холодомъ. Въ моей жизни ты всегда игралъ роль какого-то демона искусителя. Не будь твоего вліянія, быть можетъ я давно былъ бы хорошимъ семьяниномъ и порядочнымъ человѣкомъ.

Теперь Кустянскій уже совсѣмъ поднялся и сѣлъ на диванѣ и въ его маленькихъ глазахъ загорѣлись искорки.

— Чертъ возьми! — воскликнулъ онъ, энергично хлопнувъ себя ладонью по колѣнку.—Я возвращаю тебѣ этотъ упрекъ цѣликомъ! Я твой демонъ искуситель! я развращаю тебя! Мой милый другъ, ты забылъ, какъ это было; ну, такъ вотъ что: я тебѣ напомню; слушай-ка, слушай. Мы встрѣтились съ тобой много лѣтъ тому назадъ; я былъ скромнымъ чиновникомъ и начальство не могло нахвалиться моей серьезностью и дѣловитостью. Я подавалъ блестящія надежды, характеръ у меня былъ тихій, застѣнчивый. Я, какъ институтка, мечталъ о сиреневой аллеѣ, о розахъ, о любви, о тихомъ семейномъ счастьи и болѣе, чѣмъ кто нибудь, былъ способенъ на это. И вотъ я встрѣтилъ тебя случайно на какомъ-то оффиціальномъ обѣдѣ; ты былъ уже тогда въ славѣ, все тебѣ поклонялось, всѣ курили тебѣ фиміамъ,—побылъ я съ тобой два часа и влюбился въ тебя. Чертъ тебя знаетъ, что въ тебѣ такое есть,—какое-то обаяніе, какая то сила, которая всѣхъ привлекаетъ. Я влюбился въ тебя, въ твой талантъ, въ твой характеръ, въ твою

львиную голову, въ твое счастье. Есть такіе счастливцы, которые никому не дѣлаютъ добра, а всѣ ихъ любятъ ни за что—ни про что. И съ этой минуты я подпалъ подъ твое вліяніе и сдѣлался твоимъ рабомъ. Я привязался къ тебѣ, какъ собака. Я сопровождалъ тебя всюду и участвовалъ во всѣхъ твоихъ безумствахъ. Иногда я ясно видѣлъ, что вотъ это—безобразіе, нелѣпость, даже мерзость, но ты какъ то всему умѣлъ придавать такой красивый колоритъ и все облекать въ формы такого милаго добродушія, что, стоило тебѣ только появиться, какъ измѣнялся мой взглядъ на вещи. Я развращаю тебя!.. Сколько разъ въ минуты трезвости и благоразумія я нападалъ на тебя за легкомысліе. Сколько разъ я умолялъ тебя остановиться и оцѣнить глубокое чувство твоей жены, этой удивительно великодушной, любящей женщины, передъ которой я преклоняюсь! Ты соглашался со мной, чувствительно жалъ мнѣ руку и... при первомъ же случаѣ увлекался и увлекалъ меня! И къ черту пошли мои сиреневыя мечты о тихомъ семейномъ счастьѣ, отчасти туда же полетѣла моя карьера. Вѣдь для тебя не тайна, что я въ продолженіи многихъ лѣтъ ухаживалъ за Свѣтлановой, пользовался ея взаимностью, что я семь разъ собирался на ней жениться, но, благодаря тебѣ, все какъ-то не успѣвалъ, откладывалъ, а теперь уже это сдѣлалось невозможнымъ. Чертъ возьми,—быть можетъ я былъ бы отцомъ многочисленнаго семейства, еслибъ не встрѣтился съ тобой; быть можетъ я былъ бы министромъ! А теперь я старый холостякъ, бобыль и твоя собака, которой ты, могучій левъ, даешь пинка за вѣрную собачью службу.

Левъ Сергѣевичъ сперва слушалъ его съ досадой, потомъ въ глазахъ его появилось раскаянье и, наконецъ, онъ былъ тронутъ этимъ послѣднимъ воззваніемъ своего друга и подойдя къ нему, присѣлъ рядомъ съ нимъ и началъ успокоительно поглаживать его по плечу.—Ну, ну, Базиль, не горячись, я дѣйствительно не правъ, ты всегда былъ моимъ хорошимъ вѣрнымъ другомъ и я обязанъ тебѣ многими прекрасными незабвенными минутами...

— Святаго раскаянія?..—промолвилъ Кустянскій и, повернувшись къ нему, посмотрѣлъ ему прямо въ глаза и вдругъ они оба громко разсмѣялись.—Ахъ, ты старый грѣшникъ!.. Ну, такъ кто же изъ насъ демонъ искуситель? а?

— Что дѣлать, братъ, что дѣлать!—говорилъ Рамзановъ:— Натура проклятая, никакъ ее въ стойло не поставишь,—рвется...

— То-то, братъ... Значитъ, я имѣю право свистать?

— Нѣтъ, нѣтъ, голубчикъ,—протестующимъ голосомъ воскликнулъ Рамзановъ, — на этотъ разъ — серьезно: баста, баста, баста!

— Повтори еще сотню разъ,—сквозь зубы замѣтилъ Кустянскій,—это иногда помогаетъ.

— Проклятый скептикъ! — сказалъ Левъ Сергѣевичъ, поднялся съ дивана и перешелъ въ кресло.—Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, Василій Васильевичъ, ты разбери,—стоитъ ли изъ-за... Ну, однимъ словомъ изъ за кого бы то ни было—разрушать домашній миръ! Разбери серьезно. Ну, что такое можно найти въ той женщинѣ, чего не было бы въ этой? Вѣдь въ сущности всѣ женщины одинаковы. Возьми ты любую женщину, самую умную, самую изящную, самую порядочную... Возьми, напримѣръ, Свѣтланову.

— Свѣтланову?—вдругъ встрепенувшись, переспросилъ Кустянскій,—почему же непремѣнно Свѣтланову?

— Но вѣдь это я только къ примѣру, при томъ же твоя исторія съ нею давно отошла въ преданіе. Я хочу сказать: вотъ женщина достойная всякаго уваженія, даже поклоненія; но Люда вѣдь ни въ чемъ не уступаетъ ей.

— Правильно.

— Ну и выходитъ,—продолжалъ Рамзановъ,—что вся моя жизнь есть результатъ неудержимой нравственной разнузданности, извращенія вкуса, распущенности и заслуживаетъ не только порицанія, но и презрѣнія.

Кустянскій всплеснулъ руками.—Послушай, но вѣдь ты просто безсовѣстный человѣкъ: вѣдь эти самыя слова я говорилъ тебѣ всегда и повторялъ еще недѣлю тому назадъ. Вѣдь это плагіатъ, чертъ возьми! Ну, слава Богу, что ты хоть призналъ это. Что-жъ, Левъ Сергѣевичъ, я радъ, я искренно радъ этому...

Въ маленькую дверь, которая вела на лѣстницу, вошелъ, осторожно протискиваясь, Степанъ Макарычъ. Почему-то у него видъ былъ какой-то таинственный и говорилъ онъ въ полголоса.

— Левъ Сергѣевичъ... Тамъ...

— Ну, что тамъ?—спросилъ его Рамзановъ.

— Тамъ дама-съ.

Кустянскій сейчасъ же всполошился и началъ быстро напяливать на себя пиджакъ:—ну, голубчикъ, я пойду туда, къ Людмилѣ Михайловнѣ.

— Я не вижу въ этомъ надобности!—сказалъ Рамзановъ.— Ты спросилъ фамилію?

— Какъ-же съ! онѣ сказали—госпожа Свѣтланова.

— Что? Свѣтланова? У меня?

— Свѣтланова у тебя? одновременно съ этимъ восклицаніемъ промолвилъ Кустянскій. Онъ успѣлъ влѣзть только въ одинъ рукавъ пиджака да такъ и застылъ въ этой позѣ.—Гм... Это поразительно! Во всякомъ случаѣ я теперь останусь. И это ты, Левъ Сергѣевичъ, долженъ объяснить мнѣ...

— Ступай, Степанъ, проси,—приказалъ Рамзановъ и, когда лакей ушелъ, онъ съ видимымъ смущеніемъ и сильно запинаясь, пытался объяснить.—Видишь-ли... я самъ, мой милый... Какъ бы тебѣ сказать... самъ удивленъ...

— Послушай,—слегка наступая на него, говорилъ Кустянскій:—я съ нею знакомъ и друженъ двѣнадцать лѣтъ и ни разу не удостоился этой чести; тебя я представилъ ей всего мѣсяцъ тому назадъ и она уже у тебя...

— Но чего же ты волнуешься, мой другъ?—успокоительно говорилъ Рамзановъ.—Вѣдь у тебя съ нею исторія кончена, ты самъ говорилъ...

— Да почему это ты такъ напираешь на это, скажи пожалуйста! Да и вообще, вообще... А впрочемъ,—прибавилъ онъ, махнувъ рукой,—въ самомъ дѣлѣ, что мнѣ до этого? Я совершенно равнодушенъ. Я вотъ сяду здѣсь и буду безпристрастнымъ свидѣтелемъ.

— Ну, вотъ и прекрасно! Ахъ да... Гм... вотъ что... Я тебѣ наскоро разскажу это. Я обѣщалъ написать ея портретъ. Надо условиться. Ну, вотъ и все. Понимаешь?

На это Кустянскій не успѣлъ откликнуться. Отворилась маленькая дверь и вошла Свѣтланова.

IV.

На ней было длинное манто изъ легкой матеріи стального цвѣта фантастическаго покроя, со множествомъ складокъ; въ рукѣ она держала небольшой дорожный сакъ, въ другой зонтикъ. Строй-

ная фигура ея нисколько не портилась нѣкоторой полнотой; пріятное, миловидное лицо ея дышало здоровьемъ, въ немъ не было и слѣдовъ усталости; щеки ея были румяны, отъ нея вѣяло веселостью и довольствомъ. Красивые сѣрые глаза были не лишены задора и какъ-бы вызывали на легкій шутливый споръ; въ нихъ свѣтился умъ и увѣренность въ себѣ, какъ у человѣка, который всѣмъ обязанъ только самому себѣ и ни въ чьей поддержкѣ ненуждается.

Она вошла и, прежде чѣмъ заговорить, тихонько засмѣялась и этимъ какъ-бы намѣтила тонъ предстоящаго разговора и характеръ своего визита.

— Ужъ вы меня, ради Бога, не судите строго!—промолвила она мягкимъ и въ тоже время какимъ-то необыкновенно звучнымъ голосомъ:—я такъ боялась, что вы забудете о вашемъ обѣщаніи.

— Помилуйте,—воскликнулъ Рамзановъ, встрѣтивъ ее у самыхъ дверей и поцѣловавъ ея руку.—Я только объ этомъ и мечтаю! И какая вы добрая, что заѣхали! Нельзя придумать ничего лучше, чтобы привести меня въ восторгъ! Садитесь-же, милая Ольга Андреевна!

— И вы подумайте, какъ я рисковала,—когда женщина спрашиваетъ хозяина, въ то время, когда въ домѣ есть хозяйка...

— О, въ этомъ домѣ никогда ни о комъ не думаютъ дурно и никого не осуждаютъ,—сказалъ Рамзановъ.

— Но иногда удивляются немного!—вдругъ раздался густой голосъ Кустянскаго, который, чтобы быть замѣченнымъ ею, всталъ и подошелъ къ камину.

Ольга Андреевна быстро повернула голову и, увидѣвъ его, разсмѣялась,—Боже!—воскликнула она,—вы здѣсь? Я не замѣтила васъ,—вѣдь я близорука. Здравствуйте, Василій Васильевичъ!..

Кустянскій не сдвинулся съ мѣста и только издали холодно поклонился ей.—Мое почтеніе, Ольга Андреевна!—строго корректнымъ тономъ произнесъ онъ.

— Однако, какъ вы строги сегодня,—кокетливо сказала Свѣтланова.

— Не обращайте на него вниманія!—посовѣтовалъ ей Левъ Сергѣевичъ,—онъ сегодня не въ духѣ. Садитесь же.—И онъ пододвинулъ ей кресло.

— Напротивъ, я сегодня превосходно настроенъ!—саркастически откликнулся Кустянскій.

— Василій Васильевичъ, я слѣдую совѣту хозяина и не стану обращать на васъ вниманія,—сказала Свѣтланова и сѣла на пододвинутое ей кресло.

Кустянскій опять издали полконился ей, затѣмъ перешелъ къ роялю и довольно долго перелистывалъ тамъ ноты, разсматривалъ альбомы, подходилъ къ окну и смотрѣлъ въ него и вообще видно было, что онъ принималъ всѣ мѣры, чтобы показать полное равнодушіе и невниманіе ко всему происходящему. Въ дѣйствительности-же онъ прислушивался къ каждому слову.

— Но какимъ образомъ вы здѣсь?—спрашивалъ Рамзановъ,—я считалъ, что вы на дачѣ и уже играете.

— О, да, уже шесть дней, но я просто пріѣхала сдѣлать кой какія закупки,—сегодня я не занята въ театрѣ. А на дачѣ у меня прелестно. Чудный садикъ, великолѣпный видъ на рѣку. Я увѣрена, что вы тамъ напишете сотню этюдовъ для вашихъ будущихъ картинъ.

— Да, но...—промолвилъ Рамзановъ, видимо приходя въ замѣшательство.—Видите-ли, это придется отложить... Произошли такія обстоятельства...

— Какъ отложить? Что вы, что вы? Это невозможно!—воскликнула Свѣтланова обѣими руками отмахиваясь отъ его возраженій:—я настроилась, приготовилась... Вы навѣрно напишете чудный портретъ,—вѣдь тутъ многое зависитъ отъ настроенія оригинала. Не правда ли, Василій Васильевичъ?—прибавила она, слегка повернувъ голову къ Кустянскому.

— Не знаю-съ,—угрюмо отвѣтилъ Василій Васильевичъ, продолжая разсматривать картины въ альбомѣ.

— Все это такъ, такъ...—по прежнему еще въ замѣшательствѣ говорилъ Рамзановъ,—но дѣло въ томъ, Ольга Андреевна... Вы должны мнѣ это простить.

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, я ничего не хочу слышать и ничего не прощу... Я держусь правила, что никогда ничего прощать не слѣдуетъ. Какъ вы думаете объ этомъ, Кустянскій?

— Да-съ!—выразительно отвѣтилъ Василій Васильевичъ, оставивъ на минуту альбомъ,—я совершенно такого же мнѣнія.

— Но увѣряю васъ, Ольга Андреевна, что обстоятельство совсѣмъ особаго рода.

— Я ихъ не признаю,—рѣшительно возразила Свѣтланова.—

Помилуйте, я столько хлопотала, я отыскала вамъ дачу, совсѣмъ рядомъ съ моей и крыльцо выходитъ въ мой садъ... Миленькая дачка, три комнаты съ стеклянной галлереей, которую мы обратимъ въ мастерскую и вы будете тамъ писать мой портретъ. Но, наконецъ, вы обѣщали, всякій долженъ держать свое обѣщаніе,— не такъ ли, Василій Васильевичъ?

— Это зависитъ отъ условій!—сказалъ Кустянскій.

— А, вотъ какъ! но покрайней мѣрѣ изъ семи одно? А? Ха, ха... Или вы и этого не находите? Ахъ, я заболталась!—воскликнула она, взглянувъ на часы, которые стояли на каминѣ,—уже половина шестого, а я должна заѣхать еще въ три мѣста. И такъ, я не прощаюсь,—прибавила она вставая,—мы ѣдемъ сегодня вмѣстѣ.

— Но повѣрьте же, Ольга Андреевна...—началъ было Рамзановъ, но она подняла руки и закрыла уши.

— Ничего не хочу слышать,—мы ѣдемъ вмѣстѣ. До свиданія... До свиданія, Василій Васильевичъ,—промолвила она и быстро проскользнула въ маленькую дверь.

Левъ Сергѣевичъ въ глубокомъ волненіи началъ бѣгать по мастерской, Кустянскій же повернулся къ нему, скрестилъ на груди руки и молча смотрѣлъ на него.

— Что за удивительная женщина!—воскликнулъ Рамзановъ.

— Да? Вы это находите, Левъ Сергѣевичъ?—промолвилъ Кустянскій, продолжая стоять въ своей торжественной позѣ.

— Я нахожу, что ты просто напросто дуракъ,—говорилъ Рамзановъ.—Двѣнадцать лѣтъ знакомъ, пользовался ея расположеніемъ, считался женихомъ и не женился. Ты просто слѣпецъ!

— Да, я слѣпецъ,—молвилъ Василій Васильевичъ,—это я очень хорошо вижу. И такъ, вы, Левъ Сергѣевичъ, получили приглашеніе помимо меня. Въ одинъ мѣсяцъ знакомства вы настолько успѣли овладѣть вниманіемъ Ольги Андреевны, что она при мнѣ приглашаетъ васъ къ себѣ на дачу, совершенно игнорируя меня и не заикнувшись обо мнѣ ни однимъ словомъ. Это великолѣпно. Такой стремительный успѣхъ у такой женщины, какъ Ольга Андреевна, это вѣнецъ вашихъ побѣдъ. Поздравляю васъ.

Левъ Сергѣевичъ остановился передъ нимъ и посмотрѣлъ на него съ удивленіемъ.—Но послушай, Базиль, что за тонъ? Вѣдь ты же самъ сказалъ, что твоя исторія съ нею кончена и ты совершенно равнодушенъ.

— О, я готовъ повторить это съ глубокимъ убѣжденіемъ: да, да, да... Я безконечно равнодушенъ.

— Такъ что, если бы я... Если бы я согласился поѣхать... Ты, разумѣется, не лишилъ бы меня своего общества?

— Ну, нѣтъ, ужъ на этотъ разъ извините, Левъ Сергѣевичъ, я предоставилъ бы вамъ ѣхать одному. Вы будете пожинать лавры, а я буду подметать вслѣдъ за вами листочки, которые вы по неосторожности обронили,—покорно васъ благодарю!

— Ты не поѣхалъ бы со мной? Да ты тутъ пропалъ бы съ тоски. Развѣ ты можешь пробыть безъ меня больше двадцати четырехъ часовъ? Ахъ, какая досада, что теперь это невозможно!— прибавилъ онъ, съ видомъ нерѣшительности почесывая свой затылокъ.—Я просто въ отчаяніи! Вѣдь въ самомъ дѣлѣ я обѣщалъ ей. Неловко, ужасно неловко, а главное портретъ, понимаешь—портретъ!

— О, понимаю,—сказалъ Кустянскій, подражая его тону.— Еще бы... Но можетъ быть, дѣло можно какъ нибудь поправить? А?

— Невозможно; вѣдь ты же самъ знаешь, что я обѣщалъ Людѣ, что никуда не поѣду; не могу же я нарушить обѣщаніе.

— Гм... Да, конечно,—видимо издѣваясь надъ нимъ, говорилъ Кустянскій,—твое слово всегда было свято... А жаль. Признаюсь тебѣ, я давеча слегка поломался и разыгралъ ревнивца, а въ сущности мнѣ конечно все равно, но между нами сказать—что за чудная женщина Ольга Андреевна! Ты только разбери ее: ужъ я не говорю о томъ, что она умница, но какъ она изящна!

— Да, да,—съ увлеченіемъ подхватилъ Рамзановъ,—у нея удивительная посадка головы! Это живая Венера милосская. Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, я смотрю—какъ художникъ. Я встрѣчалъ въ своей жизни не мало красавицъ, а она, строго говоря, даже некрасива... Но удивительное дѣло, она какъ то умѣетъ приковывать къ себѣ, на нее никогда не устанешь глядѣть.

Кустянскій комически вытянулъ губы и началъ насвистывать тотъ самый мотивъ, который насвистывалъ раньше, а Левъ Сергѣевичъ продолжалъ съ прежнимъ увлеченіемъ.

— Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, ни одного фальшиваго штриха, ни малѣйшей натяжки; даже какъ актриса—у нея, положимъ, выдающагося таланта нѣтъ,—но она беретъ вотъ этой удивительной изящной простотой.

— Фью, фью!—неуклонно свисталъ Кустянскій.

— Опять ты съ своей глупой манерой,—досадливо замѣтилъ Левъ Сергѣевичъ.

— Продолжай, мой другъ, продолжай, я слушаю.

— Нѣтъ, надо же говорить правду,—продолжалъ Рамзановъ,—ну, я слабъ, податливъ, безхарактеренъ, что вамъ угодно: но не могу же я отрицать факта, что, когда она глядитъ на меня, я весь таю, я превращаюсь въ влюбленнаго юношу.

— Съ просѣдью... Гм...

— Ну, это предразсудокъ, что такое сѣдина, когда въ груди горитъ огонь? По моему, она украшеніе и только. Эхъ, голубчикъ, Базиль, надо жить, пока кровь горяча... Право!

Кустянскій вынулъ изъ кармана часы и взглянулъ на нихъ.—А вѣдь на поѣздъ еще поспѣть можно,—сказалъ онъ и при этомъ лицо его сохраняло очень серьезное выраженіе.

— Что ты, что ты?—возразилъ Левъ Сергѣевичъ съ такимъ видомъ, какъ будто объ этомъ не могло быть даже и рѣчи.—Я же говорю тебѣ, что далъ слово Людѣ.

— Да вѣдь Ольгѣ Андреевнѣ ты прежде далъ слово.

— Это, братъ, софизмъ, не больше.

— Положимъ, что софизмъ, но имъ можно воспользоваться. Нѣтъ, кромѣ шутокъ, Левъ Сергѣевичъ, ловко ли это? Обѣщалъ и портретъ, и то-се, и вдругъ не пріѣхать? Ну, покрайней мѣрѣ поѣхать и извиниться.

— Гм...—видимо хватаясь за его соображеніе, произнесъ Рамзановъ:—а знаешь, это идея. Поѣхать, посидѣть часъ-другой, а потомъ и удрать... Однимъ словомъ, надо это сдѣлать такъ, чтобы вышло порядочно.

— Ха, ха... Онъ хочетъ сдѣлать подлость такъ, чтобы вышло порядочно...

— Нѣтъ, нѣтъ... Но въ самомъ дѣлѣ неловко... Ну, что тутъ такого? Поѣхать, посидѣть часокъ и вернуться... Ну, или даже переночевать можно. Такъ ты говоришь—не поздно еще? Вотъ и отлично. Людѣ я напишу записку. Ну, напишу ей, что экстренное дѣло, что я вернусь завтра. Вотъ сейчасъ и напишу.—Онъ быстро подошелъ къ столу, взялъ листикъ бумажки и написалъ двѣ строчки.

— Гм... Непремѣнно завтра?—сказалъ Кустянскій.

— Ну, развѣ что нибудь непредвидѣнное. Постой, можно и такъ написать: но во всякомъ случаѣ долго не задержусь.

Онъ опять подошелъ къ столу, зачеркнулъ прежде написанное и написалъ новыхъ двѣ строчки.—Ну, вотъ и ладно.

— Ладно-ли, Левъ Сергѣевичъ?—съ убійственнымъ спокойствіемъ спросилъ Кустянскій.

— Ладно; такъ надо торопиться. О, уже шесть, надо Степана позвать,—онъ позвонилъ.—Степанъ, стоявшій за дверью, тотчасъ же вошелъ.—Извощика и мой чемоданъ, а это письмо барынѣ.

Степанъ вылетѣлъ исполнять приказаніе.

— Но послушай, зачѣмъ же тебѣ чемоданъ мой другъ?—спросилъ Кустянскій.—Вѣдь ты завтра вернешься.

— Ну, такъ, на всякій случай... Я безъ чемодана, что безъ рукъ. Можетъ, этюдъ набросаю...

— Гм... Да... Вотъ развѣ этюдъ...—онъ посмотрѣлъ на часы.—Однако, Левъ Сергѣевичъ, тебѣ надо торопиться.

— Почему ты говоришь *тебѣ?* А ты? Развѣ ты не ѣдешь?—съ наивнымъ изумленіемъ спросилъ Рамзановъ.

— Разумѣется, нѣтъ, вѣдь меня же не звали.

— Базиль,—съ глубокимъ упрекомъ покачавъ головой, промолвилъ Левъ Сергѣевичъ,—неужели же ты, ты меня покинешь, неужели же у тебя хватитъ на это жестокости?

— Ха, ха! Вотъ эгоизмъ, доходящій до наивности,—сказалъ Кустянскій, комически важнымъ жестомъ указывая на стоявшаго передъ нимъ друга.

— Ну, да, я эгоистъ, я самое скверное, самое низкое, самое наблагодарное животное. Но, Базиль, голубчикъ, милый, дорогой Базиль, поѣдемъ вмѣстѣ. Ну, понимаешь ли ты, я безъ тебя какъ будто неполный человѣкъ. Базиль, другъ...

— Послушай,—на этотъ разъ уже въ самомъ дѣлѣ серьезно сказалъ Кустянскій,—я дѣйствительно твой другъ и я поѣду. Да, чертъ возьми, я поѣду! Но даже и дружбу не слѣдуетъ доводить до абсурда, а потому знай: Ольгу Андреевну я тебѣ по дружбѣ не уступлю. Я буду бороться съ тобой, какъ съ врагомъ. Знай это...

— Идетъ!—уже совсѣмъ настроившись на веселый ладъ, воскликнулъ Рамзановъ,—мирными средствами бороться, но не вра-

ждовать! Но послушай, развѣ это не дьявольски трогательно: наша дружба до того крѣпка, что насъ не можетъ поссорить даже женщина!

Онъ взялъ шляпу, Кустянскій сдѣлалъ тоже. Василій Васильевичъ сказалъ:—Ну-съ, я готовъ, Левъ Сергѣевичъ: твоя вѣрная собака слѣдуетъ за тобой. Только вотъ что, мой милый: позволь мнѣ напослѣдокъ хорошенько посвистать тебѣ: фью, фью, фью!..

Левъ Сергѣевичъ глубоко вздохнулъ.—Ахъ, ахъ, ты правъ, Базиль... Батюшки,—прибавилъ онъ, торопливо взглянувъ на часы,—такъ поздно! ѣдемъ, ѣдемъ.

И они оба вышли изъ мастерской и стали быстро сбѣгать внизъ по лѣстницѣ, а Степанъ тащилъ за ними чемоданъ.

V.

Уже около двухъ недѣль пріятели жили на дачѣ по балтійской желѣзной дорогѣ, немного побольше часу ѣзды отъ Петербурга. Къ желѣзной дорогѣ почти примыкало небольшое село, но въ виду того, что мѣстность здѣсь была сухая много было зелени, протекала недурная рѣченка, петербуржцы устроили тутъ для себя дачное мѣсто.

Здѣсь былъ построенъ лѣтній театръ, въ немъ играла постоянная драматическая труппа. Дачникамъ жилось не слишкомъ весело, но и не скучно.

Ольга Андреевна не шутила, когда сообщала о томъ, что нашла для Рамзанова дачу. Дача эта примыкала къ небольшому садику, который былъ общимъ и для дачи занимаемой самой Свѣтлановой. Они только позднимъ вечеромъ расходились, все же остальное время проводили вмѣстѣ.

Свѣтланова предоставила въ ихъ распоряженіе свою кухню и свою столовую, они вмѣстѣ обѣдали и завтракали, а чай пили въ садикѣ около дачи Свѣтлановой.

Жизнь текла мирно. Рамзановъ въ самомъ дѣлѣ принялся за портретъ Ольги Андреевны и дѣло шло у него хорошо. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ исправно ухаживалъ за хозяйкой, но дѣло у него тутъ шло довольно неопредѣленно. Хотя онъ и не привыкъ къ тонкой наблюдательности, какъ человѣкъ, которому всегда

везло и которому не для чего было дѣлать усилія, тѣмъ не менѣе онъ замѣчалъ, что Ольга Андреевна какъ то страннымъ образомъ дѣлитъ свои симпатіи между ими двумя. Большую часть времени она проводила съ нимъ, у нихъ происходили долгіе разговоры, она видимо кокетничала съ нимъ, но при этомъ бросала не совсѣмъ спокойные взгляды въ сторону Василія Васильевича, и хотя съ виду мало обращала на него вниманія, тѣмъ не менѣе какъ то всегда старалась удержать его при себѣ. Сперва онъ не придавалъ этому значенія, и смотрѣлъ на это, какъ на простую любезность хозяйки, но когда замѣтилъ, что его собственное ухаживаніе стоитъ на мѣстѣ, онъ сталъ присматриваться и началъ думать, что въ образѣ дѣйствій Ольги Андреевны кроется какая-то двойная игра.

Но само собою разумѣется, что это его въ сущности мало тревожило. Въ его отношеніи къ молодой женщинѣ не было ничего серьезнаго; если бы онъ разстался съ нею сегодня, то завтра же могъ-бы отдаться какому нибудь новому впечатлѣнію и безъ малѣйшихъ потрясеній забыть о ней.

Поэтому жилось ему здѣсь очень вольготно. Ему нравилось вниманіе, какое ему оказывала хозяйка, свобода, которой онъ пользовался, мирное теченіе жизни, и онъ готовъ былъ здѣсь сидѣть безъ конца. Домой онъ послалъ за это время два письма, въ которыхъ въ кратцѣ сообщалъ, что его задержала работа и выражалъ надежду, что скоро пріѣдетъ.

Кустянскій чувствовалъ себя совсѣмъ иначе. Кажется, за свое долгое знакомство съ Ольгой Андреевной онъ ни разу еще не оставался въ близкомъ сосѣдствѣ съ нею и не встрѣчался такъ часто, какъ теперь. И старая привязанность къ этой женщинѣ, къ которой онъ когда то пылалъ самой настоящей страстью, мало по малу возрождалась въ немъ. И ужъ ему съ каждымъ днемъ становилось все болѣе и болѣе непріятнымъ то исключительное вниманіе, какое оказывала Ольга Андреевна Рамзанову.

Онъ не то, чтобы ревновалъ, потому что отлично понималъ, что серьезнаго увлеченія со стороны Свѣтлановой тутъ нѣтъ, но все-таки это его порядочно раздражало и онъ часто пускалъ шпильки по адресу своего друга. Онъ не пропускалъ случая отравить ему день напоминаніемъ о Петербургѣ, о томъ, какъ онъ не сдержалъ своего слова, даннаго женѣ и, наконецъ, просто о томъ, что у него есть жена и дѣти.

Левъ Сергѣевичъ въ этихъ случаяхъ фыркалъ на него и злился, но, разумѣется, они не ссорились и вообще въ жизни дачниковъ не происходило никакихъ серьезныхъ столкновеній.

Въ то утро Левъ Сергѣевичъ по обыкновенію выкупался въ рѣкѣ и, неся подъ мышкой полотенце, возвращался къ дачѣ. Онъ вошелъ въ садикъ въ тотъ самый моментъ, когда молодой смышленный и очень исполнительный лакей Свѣтлановой спускался съ крыльца съ подносомъ, на которомъ лежали хлѣбъ масло и сливки.

Левъ Сергѣевичъ оглядѣлъ садикъ неподалеку отъ крыльца и убѣдился въ томъ, что самоваръ и кофейникъ со всѣми принадлежностями уже были тутъ и лицо его оживилось пріятной улыбкой.

— А, у васъ ужъ все готово,—воскликнулъ онъ обращаясь къ лакею,—прелестно. Вотъ это я люблю!

— Хорошо изволили выкупаться, Левъ Сергѣевичъ?—почти фамильярно спросилъ Лакей.

— Чудно, братъ. Вода свѣжая, прозрачная. Ну-ка, плесни чего нибудь.

— Кофею или чаю прикажете?

— Все равно... Ну, пожалуй, чаю.

Лакей налилъ ему стаканъ чаю и поставилъ передъ нимъ, а затѣмъ прибавилъ.—На масло обратите вниманіе, Левъ Сергѣевичъ, настоящее нѣмецкое, извольте попробовать. Намъ привозитъ нѣмка. Отличная нѣмка-съ.

— Великолѣпно, благодушно замѣтилъ Левъ Сергѣевичъ, принимаясь за столь рекомендованное масло.—А Ольга Андреевна еще изволитъ спать?

— Пробудились. Теперь они свой туалетъ дѣлаютъ.

— Ну, ступай съ Богомъ, братецъ; налилъ ты мнѣ чаю, далъ хлѣба съ масломъ, а остальное я самъ сдѣлаю.

— Слушаю-съ, Левъ Сергѣевичъ,—отвѣтилъ лакей и удалился.

Левъ Сергѣевичъ, съ величайшимъ наслажденіемъ пилъ чай и ѣлъ хлѣбъ съ масломъ, которое дѣйствительно оказалось превосходнымъ. Когда онъ выпилъ стаканъ, то вдругъ ему показалось, что одному оставаться здѣсь скучно и тогда онъ подумалъ о Кустянскомъ. Неужели онъ еще спитъ? Кустянскій никогда не ходилъ купаться, онъ боялся холодной воды и не умѣлъ плавать.

— Базиль, а Базиль,—громко крикнулъ онъ по направленію къ маленькой дачѣ, которую они занимали.

— Ну-у?—послышалось оттуда.

— Ты проснулся, что-ли?

— Сейчасъ выйду.

Черезъ минуту послѣ этихъ словъ Василій Васильевичъ дѣйствительно появился на крыльцѣ одѣтый въ легкую парусиновую пару.

— А ты уже пищу принимаешь?—громко спросилъ онъ.

— Я, братъ, выкупался и чувствую себя на седьмомъ небѣ,—отвѣтилъ Левъ Сергѣевичъ.

— Да вѣдь ты счастливецъ, ты рѣдко съ него спускаешься...

Онъ сошелъ по ступенькамъ на землю и скоро очутился около чайнаго стола.

— Но ты же собирался идти на этюды, а? — сказалъ онъ, садясь около стола.

— Ахъ милый, одному идти скучно. Я надѣялся упросить Ольгу Андреевну... Налить тебѣ?

— Не безпокойся, я самъ налью.—Онъ налилъ себѣ чашку кофе и подлилъ сливокъ.

— Этюды съ Ольгой Андреевной? Ну, это, братъ, искусство особаго рода,—прибавилъ Кустянскій.

— Это и есть настоящее искусство. Искусство только и можетъ существовать подъ покровительствомъ женщины; она вдохновляетъ. Художникъ всегда долженъ быть влюбленъ, невлюбленный художникъ, это нелѣпость. Колоритъ его созданій будетъ соотвѣтствовать характеру красоты предмета его вздоховъ.

— Вотъ новая теорія, созданная послѣ хорошаго купанія! — воскликнулъ Кустянскій. — А послушай, вѣдь мы съ тобой здѣсь уже около двухъ недѣль. А?

— Да, въ самомъ дѣлѣ? А я и не замѣтилъ, какъ пролетѣло время.

— Да, братецъ, около двухъ недѣль, — знаменательнымъ тономъ подтвердилъ Кустянскій.

— Ты чего же это такъ подчеркиваешь? — спросилъ Рамзановъ.

— Нѣтъ, ничего... Я вспомнилъ одну записку.

— Какую записку?

— Въ которой ты обѣщалъ вернуться завтра или послѣ завтра...

Левъ Сергѣевичъ вскипѣлъ и порывисто отодвинулъ отъ себя стаканъ съ чаемъ.—Тебѣ непремѣнно хочется испортить мнѣ день. Не понимаю, зачѣмъ тебѣ это надо!

Кустянскій звонко разсмѣялся.—Ха, ха... Какъ не понимаешь? Тебѣ же извѣстно, что здѣсь я твой врагъ, а нѣтъ высшаго наслажденія, какъ доставить врагу нѣсколько отвратительныхъ минутъ.

— Перестань пожалуйста, ты опять начинаешь паясничать,— досадливо сказалъ Левъ Сергѣевичъ, поднялся и началъ ходить по полянѣ около стола.

— Ну, послушай, я же пошутилъ, — уговаривалъ его Кустянскій.

— Совершенно излишняя шутка, ты мнѣ испортилъ чай.

— О, великодушный страдалецъ! Женѣ своей въ теченіе двадцати лѣтъ ты портишь жизнь; теперь задумалъ испортить мои хорошія отношенія къ женщинѣ, и все это пустяки... Но ему испортили стаканъ чаю, и онъ, какъ Юпитеръ, мечетъ громы и молніи. Нѣтъ, я отдалъ бы половину своего казеннаго содержанія за то, чтобы мнѣ отыскали другой экземпляръ такого милаго эгоиста.

— Замолчи пожалуйста,—сердито проворчалъ Рамзановъ.

— Ну, это насиліе!

Левъ Сергѣевичъ подошелъ къ нему близко и сталъ передъ нимъ лицомъ къ лицу.

— Ну, скажи пожалуйста, что ты отъ меня хочешь? Ты хочешь, что-бы я уѣхалъ домой? Изволь. Прекрасно. Я сегодня же уѣду, сейчасъ же уѣду, вотъ только прощусь съ Ольгой Андреевной и прямо на поѣздъ. По крайней мѣрѣ доставлю тебѣ удовольствіе.

— Фью, фью, фью!—просвисталъ Кустянскій.

— Ты просто сдѣлался невыносимъ.

— Ага-а! Это борьба, братъ, борьба. Ты привыкъ, чтобы все плыло въ твои руки безпрепятственно, ну, а на этотъ разъ я тебѣ всюду насажаю гвоздей, чтобы ты хоть слегка исцарапалъ свои балованныя руки. Ага!.. Не нравится?.. Того, братъ, того!

Они оба обратили вниманіе къ балкону, такъ какъ на немъ показалась Ольга Андреевна. Она была въ свѣтломъ платьѣ, ши-

рокомъ, вродѣ капота, которое очень шло къ ней. Она остановилась на минуту, прищурила глаза и посмотрѣла на нихъ.

— Вы ссоритесь? Ха, ха...—весело разсмѣялась она. — Это любопытно! Я никогда не видала, какъ вы ссоритесь и даже не могу представить себѣ этого.

Левъ Сергѣевичъ тотчасъ же взбѣжалъ по ступенькамъ на террасу, подбѣжалъ къ Ольгѣ Андреевнѣ, поцѣловалъ ей руку и галантно помогъ ей сойти на землю.

— О, что вы, что вы, голубушка, — возразилъ онъ. — Мы никогда не ссоримся. Да если бы было и такъ, то одного вашего появленія было бы достаточно, чтобы разогнать цѣлую грозовую тучу! Знаете, какъ восходящее солнце разгоняетъ утренній туманъ.

— Вы меня совсѣмъ избалуете вашимъ краснорѣчіемъ, — съ тонкой усмѣшкой произнесла Ольга Андреевна, приблизившись къ столу.—Надѣюсь, вамъ подали все, какъ слѣдуетъ. Вы не голодны? Здравствуйте, Кустянскій—прибавила она и протянула ему лѣвую руку.—А вы не краснорѣчивы... Отъ васъ не дождешься ни одного любезнаго слова.

— Левъ Сергѣевичъ забралъ себѣ всѣ и мнѣ ни одного не оставилъ. Мнѣ пришлось-бы только повторять его, а это мнѣ не по чину.

— Какъ странно, господа, на васъ дѣйствуетъ дачный воздухъ,—сказала Ольга Андреевна:—одного дѣлаетъ слишкомъ снисходительнымъ, а другого слишкомъ злымъ.

— Да, странно дѣйствуетъ дачный воздухъ,—повторилъ Кустянскій—онъ дѣлаетъ васъ, Ольга Андреевна, къ одному слишкомъ снисходительной, а къ другому слишкомъ... слишкомъ...

— Слишкомъ справедливой? Да?—докончила за него Ольга Андреевна, мелькомъ взглянувъ на него.

— Браво, браво, совершенно вѣрно!—воскликнулъ Левъ Сергѣевичъ и зааплодировалъ ей.

— Ты это находишь?—сквозь зубы спросилъ Кустянскій.

— Да, да, нахожу и очень радъ, что ты наказанъ...

— Вы опять ссоритесь, господа,—упрекнула ихъ Ольга Андреевна.—Ахъ, да, Левъ Сергѣевичъ, вѣдь вы собирались пораньше отправиться на этюды.

— А видите-ли,—замѣтилъ Кустянскій,—онъ у насъ очень

избалованъ и желаетъ, чтобы его и тамъ развлекали пріятной бесѣдой.

— Экій ты язвительный человѣкъ, Василій Васильевичъ,—сказалъ ему Рамзановъ.

— Язвительный? Но зато ты неуязвимъ.

— Какъ развлекали?—спросила Ольга Андреевна.

— Ну, какъ,—объяснилъ Кустянскій,—чтобы рядомъ съ нимъ сидѣла прелестная женщина вродѣ васъ и своимъ щебетаніемъ вдохновляла его.

— Ахъ, какія глупости!

— Какъ вамъ сказать?—промолвилъ Левъ Сергѣевичъ:—это только редакція злостная, а въ сущности онъ правъ. Я надѣялся, что вы со мной пойдете.

— Это не удастся, Левъ Сергѣевичъ, у меня еще много дѣла. Я тоже хочу выкупаться и кромѣ того надо повторить роль. Въ часъ у меня репетиція. Ну, значитъ, надо раньше позавтракать...

— Ахъ, какія все это скучныя вещи,—воскликнулъ Рамзановъ.

— А мы вотъ какъ сдѣлаемъ—продолжала Ольга Андреевна:—вы отправляйтесь сейчасъ, а мы часовъ въ одиннадцать придемъ за вами. Все таки вы что нибудь успѣете.

— Мы? Кто же это мы?

— Надѣюсь, что Василій Васильевичъ не откажется дождаться и проводить меня.

— Гм...—проворчалъ Левъ Сергѣевичъ.

— Признаюсь, даже не ожидалъ такой чести...—суховато откликнулся съ своей стороны Кустянскій.

— Но все-таки вы ее принимаете?—спросила Ольга Андреевна и посмотрѣла на него долгимъ взглядомъ.

— Съ нѣкоторымъ опасеніемъ, что даже изъ нея выйдетъ для меня какое-нибудь зло. Боюсь данайцевъ, даже дары несущихъ.

— Я ни за что не даю ручательства,—сказала Ольга Андреевна.

— Ну, что-жъ, я рискую!—промолвилъ Кустянскій.

— Послушай, Базиль,—предложилъ ему Левъ Сергѣевичъ—я охотно съ тобою помѣняюсь.

— Къ сожалѣнію, я не умѣю писать этюды!—возразилъ Василій Васильевичъ.

— Идите, идите, Левъ Сергѣевичъ,—поощрила его Свѣтланова,—я хочу, чтобы вы побольше у меня наработали: а передъ обѣдомъ засядемъ за портретъ. Послушайте, Иванъ,—кликнула она лакея, который стоялъ на террасѣ,—принесите сюда ящикъ съ красками.

Иванъ ушелъ и скоро вернулся съ ящикомъ.

— Ахъ, какъ это скучно!—лѣнивымъ тономъ промолвилъ Левъ Сергѣевичъ; однако-жъ, покорно взялъ ящикъ.—Ну, до свиданія. Только ужъ вы не засиживайтесь, пожалуйста. Воображаю, какой скучный выйдетъ этюдъ!

И онъ не спѣшной, лѣнивой походкой вышелъ изъ садика и пошелъ по деревенской улицѣ къ рѣкѣ, гдѣ былъ лѣсокъ и гдѣ онъ давно уже намѣтилъ себѣ мѣстечко для этюдовъ.

VI.

Съ минуту они сидѣли за столомъ молча. Ольга Андреевна, казалась какъ будто нѣсколько смущенной, и можетъ быть, даже не находила словъ для начала разговора. Въ сущности, они до сихъ поръ еще ни разу не оставались вдвоемъ, вѣчно между ними былъ Рамзановъ. Кустянскій нарочно, чтобы подчеркнуть свою обиду, не начиналъ разговора. Наконецъ, ему стало неловко и онъ сказалъ.

— Вы, кажется, хотѣли купаться, Ольга Андреевна?

— Я раздумала, я буду пить съ вами чай,—отвѣтила Ольга Андреевна и чуть замѣтно улыбнулась.

— Это могло-бы сдѣлать меня счастливымъ, если-бы...

— Если-бы не грозило скукой?—перебила Ольга Андреевна.

— Нѣтъ, не это.

— А что-же?

— Что? Вы хотите знать, что?—съ шутливой угрозой спросилъ Кустянскій.

— Да, я хочу знать, что?

— Нѣтъ, ужъ лучше мнѣ этого не высказывать.

— А если я попрошу васъ высказать?

— Я все-таки промолчу.

— А если я потребую этого?—настойчиво спрашивала Ольга Андреевна.

Кустянскій пожалъ плечами.—Вы потребуете? По какому-же праву?

— По праву стараго друга, Василій Васильевичъ.

— Вотъ что! Право стараго друга!—промолвилъ Кустянскій и голосъ его на этотъ разъ звучалъ уже очень серьезно.—Мнѣ тоже казалось, что я обладаю этимъ правомъ. Но, когда въ моемъ присутствіи съ усиленной любезностью вы приглашали къ себѣ въ гости новаго друга, а по моему адресу даже не заикнулись объ этомъ, я сталъ думать, что дружба нѣсколькихъ недѣль можетъ быть сильнѣе и крѣпче двѣнадцатилѣтней.

— И однако-же вы здѣсь?—съ лукавой усмѣшкой замѣтила Ольга Андреевна.

— Да, здѣсь, въ жалкой роли какого-то необходимаго приложенія къ Льву Сергѣевичу. Почемъ знать, быть можетъ на меня здѣсь смотрятъ, какъ на неизбѣжное зло!

— Вы, можетъ быть, еще хотите сказать что-нибудь въ такомъ родѣ?—спросила Ольга Андреевна, не глядя на него.

— О, да, я могъ-бы сказать очень многое.

— Такъ пожалуйста говорите, а потомъ, когда вы кончите, я скажу...

— Извольте,—согласился Василій Васильевичъ:—чувства не вѣчны, разумѣется, а у женщинъ въ особенности. Я признаю за каждымъ право измѣнять имъ. Вчера вы были ко мнѣ благосклонны, сегодня стали равнодушны. Вы такъ чувствуете,—что съ этимъ подѣлаешь? Но когда человѣкъ въ продолженіи двѣнадцати лѣтъ питалъ къ вамъ нѣжныя чувства—вы вѣдь это знаете—и имѣлъ нѣкоторое основаніе думать, что и ему отвѣчаютъ приблизительно тѣмъ же, послѣ того, какъ ему было отведено въ вашемъ сердцѣ опредѣленное и очень почетное мѣсто, послѣ того, какъ онъ не безъ основанія считалъ себя вашимъ неизмѣннымъ другомъ и вы вдругъ отнимаете отъ него все это и начинаете выражать ему не только равнодушіе, но и пренебреженіе, почти не замѣчаете его, игнорируете совершенно, кокетничаете въ его присутствіи съ другимъ, это ужъ становится дѣломъ почти жестокимъ. Да-съ, Ольга Андреевна, я преклонялся передъ твердостью вашего сердца, ваше постоянство приводило меня

въ благоговѣйное изумленіе, но вотъ мнѣ пришла несчастная мысль представить вамъ Рамзанова, которымъ вы такъ интересовались, и что-же? Какой-нибудь мѣсяцъ знакомства скомкалъ все—и вашу твердость и ваше постоянство. Я съ изумленіемъ вижу васъ у него, вы чуть-ли не униженно просите, чтобы онъ былъ вашимъ гостемъ, вы на моихъ глазахъ пускаете въ ходъ всѣ пружины женскаго кокетства, чтобы только добиться его благосклоннаго согласія, забывая даже сказать мнѣ пару любезныхъ словъ, и наконецъ вы здѣсь ухаживаете за нимъ, какъ за маленькимъ богомъ.

— Прелестно! Вы говорите превосходно. Вы сегодня удивительно краснорѣчивы!—промолвила Ольга Андреевна.

— Это къ чему-же, позвольте васъ спросить?—сказалъ Василій Васильевичъ съ легкимъ оттѣнкомъ даже несвойственной ему желчности.

— Къ тому, что моя рѣчь послѣ вашей покажется слишкомъ скромной и блѣдной...—отвѣтила Ольга Андреевна:—я скромная актриса, Василій Васильевичъ, я привыкла говорить готовыя слова, а потому позвольте мнѣ обратиться къ моей маленькой записной книжечкѣ.

Она вынула изъ кармана миніатюрную записную книжку въ изящномъ переплетѣ изъ слоновой кости и раскрыла ее. Она продолжала.—Я не веду дневника, но имѣю обыкновеніе записывать значительные факты моей жизни. Вотъ слушайте: «31-го декабря 1890 года мнѣ представили Кустянскаго. Это первый мужчина, съ которымъ, послѣ смерти моего мужа, я не скучала въ продолженіи сорока минутъ».

— Благодарю Васъ,—сказалъ Кустянскій и слегка церемонно наклонилъ голову.

— Не перебивайте,—промолвила Ольга Андреевна и опять заглянула въ книжку:—«сегодня, въ новый годъ, Кустянскій сдѣлалъ мнѣ визитъ. Мнѣ нравится его простота и искренность. Онъ уменъ, оригиналенъ, не фатъ и, кажется, у него доброе сердце». Слушайте дальше: «2 февраля. Кустянскій стремительно ухаживаетъ за мной, но я стараюсь быть съ нимъ ровной. Онъ мнѣ рѣшительно нравится. Но къ чему это? Счастье дается намъ для того, чтобы мы его теряли... Такъ лучше вовсе не брать его».

— Чистѣйшій сентиментализмъ,—сказалъ Кустянскій.

— О, вѣдь это было двѣнадцать лѣтъ назадъ,—замѣтила

Ольга Андреевна и опять стала читать по книжкѣ: «7 марта. Платье для бенефиса обошлось чертовски дорого»... Ахъ, это не относится къ дѣлу.

— Это тоже значительный фактъ вашей жизни?—язвительно спросилъ Кустянскій.

— О, да. Платье для бенефиса? Еще бы. Его иногда труднѣе сдѣлать, чѣмъ выбрать и разучить пьесу... Но однако слушайте: «1893 годъ, 31 декабря. Ровно три года знакомства. Кустянскій объяснился мнѣ въ любви. Мнѣ стоило страшныхъ усилій отвѣтить ему холодно. Въ сущности я давно люблю его. Но надо еще испытать его».

— Ну, вотъ, ну вотъ,—вдругъ оживившись заговорилъ Кустянскій,—я потерялъ голову и ходилъ какъ сумасшедшій, я перепуталъ всѣ дѣла въ департаментѣ, я чуть запоемъ не запилъ съ горя, а она холодно и спокойно занималась испытаніемъ... Жестокость сидѣла въ васъ и тогда уже.

— Ахъ, да погоди-же,—съ шутливой досадой сказала Ольга Андреевна,—дальше слѣдуетъ вотъ что: «странный человѣкъ... Иногда мнѣ кажется, что онъ послѣ припадка глубокаго чувства вдругъ охладѣваетъ ко мнѣ. Онъ способенъ на двѣ недѣли скрыться съ своимъ другомъ Рамзановымъ... Я начинаю чувствовать вражду къ этой дружбѣ... 1895, 5 октября. Кустянскій опять объяснился. Я не выдержала и отвѣтила признаніемъ. Онъ походилъ на сумасшедшаго отъ счастья. 6 ноября наша свадьба». Не перебивайте, Василій Васильевичъ! «записка отъ Кустянскаго. Неотложная поѣздка. Умоляетъ отложить свадьбу до января. Опять съ этимъ Рамзановымъ. Меня начинаетъ бѣсить эта дружба». Погодите, погодите, вотъ дальше: «Январь прошелъ, свадьбы не было. Мы какъ то ее замолчали и стали говорить о маѣ»... Нѣтъ, нѣтъ не перебивайте.

— Но вѣдь это же все извѣстно и мнѣ и вамъ,—замѣтилъ Кустянскій;—не понимаю, зачѣмъ это.

— Вамъ это скучно?—спросила Ольга Андреевна.—Хорошо, я буду пропускать подробности. Э, э, гм... «въ маѣ Рамзановъ неожиданно уѣхалъ въ Финляндію... свадьбы, конечно не было»... Помните еще вы налгали въ телеграммѣ, будто у васъ плевритъ... Ну-съ... «Онъ стоялъ передо мной на колѣняхъ и просилъ прощенія, я простила... мм... Свадьба въ августѣ... Они въ Крыму.

Августъ прошелъ уже... Мм... Крупное объясненіе... Онъ плакалъ, называлъ себя негодяемъ... Опять простила... Свадьба въ февралѣ. Внезапно исчезъ и три недѣли не являлся. Туманное письмо... Хочетъ стрѣляться... Я встревожена. Пять дней кутили вмѣстѣ съ Рамзановымъ съ цыганами... Свадьбы не было». Вы не помните, который это разъ?

Кустянскій демонстративно сѣлъ верхомъ на стулъ и отвернулся отъ нея.

— Не помню-съ,—сердито отвѣтилъ онъ.

— А мы сейчасъ сосчитаемъ: 6 ноября, январь, май, августъ, февраль, потомъ тутъ еще есть три даты, итого восемь разъ.

— Извините пожалуйста: семь!—сказалъ Кустянскій.

— Но вѣдь я же при васъ считала; восемь, Василій Васильевичъ.

— Я очень хорошо помню, что семь.

— Вы тоже записывали?

— Нѣтъ не записывалъ, а такъ помню.

— Вы просчитались, навѣрное.

— Нѣтъ-съ, я очень хорошій счетчикъ и у меня прекрасная память.

— Вотъ какъ! вы, значитъ, все это помните? А я думала, что подобныя вещи можно дѣлать только въ безпамятствѣ. Но скажите, Василій Васильевичъ, неужели вы тогда любили меня?

— Ха...—воскликнулъ Кустянскій и быстро вмѣстѣ со стуломъ повернулся къ ней лицомъ,—я и теперь люблю васъ, нисколько не меньше, даже больше, въ милліонъ разъ больше. Но... Впрочемъ, къ чему я это говорю? Послѣ того, что произошло, это не можетъ имѣть значенія.

— Ха, ха, ха...—звонко разсмѣялась Свѣтланова.

— Конечно, вамъ еще остается осмѣять меня.

— Вы удивительно наивны, не смотря на ваши сорокъ шесть лѣтъ,—сказала Ольга Андреевна.

— Извините: сорокъ пять-съ!

— Вы допускаете, что женщина, умѣвшая простить вамъ семь такихъ страшныхъ обидъ,—продолжала Свѣтланова,—и, не смотря на ваши увлеченія и невниманіе къ ней, впродолженіи многихъ лѣтъ остававшаяся вамъ вѣрной, что такая женщина способна легкомысленно увлечься человѣкомъ, котораго встрѣтила

вчера и совсѣмъ не знаетъ... Нѣтъ, Василій Васильевичъ, вы судите по себѣ. Мужчины дѣйствительно способны на это. Ради пары прекрасныхъ глазъ, кокетливо взглянувшихъ на нихъ, они готовы забыть многолѣтнюю привязанность, а женщины, о легкомысліи которыхъ вы такъ много говорите, на это неспособны, потому что вы, господа, любите въ насъ только наружность, а мы любимъ въ васъ душу.

— Но позвольте однако, что же все это значитъ?—спросилъ Кустянскій и съ недоумѣніемъ развелъ руками.

— А вотъ что: послѣдніе мѣсяцы я почти не видѣла васъ. Вы забѣгали иногда ко мнѣ на десять минутъ или пропадали по цѣлымъ недѣлямъ, вы привязались къ вашему другу, Рамзанову, до того, что не могли дышать безъ него. Я ясно видѣла, что начинаю терять васъ все больше и больше. Когда я подумала: можно ли расчитывать на то, что вы пріѣдете ко мнѣ на дачу погостить?—я отвѣтила себѣ: никогда. Вы пріѣдете на одинъ часъ и затѣмъ начнете торопиться. Я убѣдилась, что вы сдѣлались неотдѣлимой частью Рамзанова, ваша личность совершенно потонула въ немъ. Тогда я рѣшила, что, если хотятъ видѣть васъ, то должны приглашать не васъ, а Рамзанова. Безъ него вы не явитесь; а если пріѣдетъ онъ, то вашъ пріѣздъ обезпеченъ. Я не виновата, Василій Васильевичъ, что вы поставили себя въ такое положеніе. И вотъ почему я настойчиво просила васъ представить его мнѣ и вотъ почему я была съ нимъ, можетъ быть, слишкомъ любезна, кокетничала и заискивала... Я его ненавижу за то, что онъ отнялъ васъ у меня, но онъ пріѣхалъ и вы здѣсь, вы никуда не торопитесь, я могу по крайней мѣрѣ говорить съ вами спокойно...

Слушая эти слова, Кустянскій сперва впалъ въ недоумѣніе, а потомъ вдругъ просвѣтлѣлъ, оживился, вскочилъ съ мѣста и подбѣжалъ къ ней. Онъ схватилъ ея руку и началъ цѣловать. — Голубушка, милая, дорогая, родная, такъ вотъ что! ну какая же вы дивная! И вы позволите еще разъ предложить вамъ руку и сердце?

— Это уже въ девятый?

— Въ восьмой. Ей-ей въ восьмой, голубушка, и въ послѣдній!

— Въ послѣдній? Вы ручаетесь?

— Да вѣдь ручательство мое ничего не стоитъ, я его дискредитировалъ... Знаете что: пойдемте и сейчасъ повѣнчаемся. Тогда ужъ будетъ вѣрно.

— Нѣтъ, мой другъ, это будетъ ужъ очень эксцентрично, мы повѣнчаемся черезъ двѣ недѣли. Но если... Если... вы понимаете? То это будетъ не только послѣдній разъ, но и послѣдній нашъ разговоръ. А теперь пойдемте къ вашему другу... Все-таки я должна за нимъ ухаживать, а не то ему надоѣстъ, онъ уѣдетъ и вы за нимъ.

— О, никогда, ни въ какомъ случаѣ! Нѣтъ, нѣтъ, вы убили меня вашимъ великодушіемъ... Давайте-ка вашу руку.

Онъ предложилъ ей руку, она взяла.

VII.

Въ Петербургѣ сильное волненіе было только первые дни, когда узнали, что Левъ Сергѣевичъ остался на дачѣ на неопредѣленное время.

Алексѣй и Наташа посмотрѣли на это, какъ на самое простое дѣло: папа получилъ работу, папа живетъ работой. Чтожъ тутъ удивительнаго?

Но не такъ смотрѣли на дѣло Людмила Михайловна и Старчинъ. Петръ Михайловичъ буквально взбѣсился, когда было получено отъ Рамзанова письмо, извѣщавшее о томъ, что работа задержитъ его на нѣсколько недѣль.

— Вѣдь это же невообразимое вѣроломство,—говорилъ онъ.— Это уже не обыкновенная измѣна, а что-то заранѣе обдуманное, тутъ есть планъ... Это значитъ, что въ тѣ минуты, когда онъ увѣрялъ тебя и меня въ своемъ раскаяніи, онъ въ сущности зналъ, что обманываетъ насъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, Петя, ты ошибаешься, — говорила Людмила Михайловна съ глазами красными отъ слезъ. — Это дурно, это ужасно,—то, что онъ дѣлаетъ, но все-таки это такое же увлеченіе, какъ и всегда. Онъ былъ искрененъ, когда каялся, а черезъ полчаса послѣ того онъ былъ искрененъ, когда нарушалъ обѣщаніе.

— Ну, знаешь, милая моя сестра, я прежде считалъ въ тебѣ это святостью, а теперь думаю, что это просто на-просто постыдная слабость. Эхъ, если бы я могъ дѣйствовать свободно, я съумѣлъ бы обойтись съ нимъ какъ слѣдуетъ.

— Что ты сдѣлалъ бы? — съ тревогой спросила Людмила Михайловна.

— Что я сдѣлалъ бы? А вотъ что: сказалъ бы дѣтямъ. Вотъ если бы они узнали, да упрекнули бы его, я посмотрѣлъ бы, что онъ запоетъ.

— Боже тебя сохрани, никогда этого не дѣлай, прошу тебя, умоляю тебя... — сильно взволновавшись, съ мольбой говорила Людмила Михайловна.

Петръ Михайловичъ махнулъ на нее рукой и рѣшилъ больше этого разговора съ ней не продолжать.

Но по мѣрѣ того, какъ проходили дни, а Рамзановъ не возвращался, въ головѣ его все больше и больше созрѣвала мысль о томъ, чтобы воспользоваться этимъ случаемъ и устроить нѣкоторое движеніе въ этомъ дѣлѣ. Вѣдь въ теченіе чуть ли не двадцати лѣтъ изъ года въ годъ происходятъ подобныя исторіи. Постоянно изъ за нихъ бываютъ домашнія потрясенія, но дѣло стоитъ на мѣстѣ. Левъ Сергѣевичъ снова начинаетъ и такъ тянется безъ конца. А конецъ положить необходимо, неизбѣжно. Это давно стало уже неприлично. О похожденіяхъ Рамзанова говоритъ вся столица. Дѣти стали большія и это надо объяснить какимъ то чудомъ, что до сихъ поръ никто изъ доброжелателей Рамзанова не разсказалъ имъ ни одного похожденія ихъ отца. Очевидно ихъ щадили.

Рано или поздно это случится, такъ ужъ лучше пусть они узнаютъ это домашнимъ способомъ, чѣмъ отъ кого нибудь посторонняго.

И у него созрѣвалъ и все больше и больше развивался планъ. Уже давно обѣщалъ Алексѣю и Наташѣ, что свезетъ ихъ на Иматру. Но все это откладывалось. Зимой находили, что надо ѣхать лѣтомъ, а лѣтомъ откладывали на зиму.

Такъ какъ Рамзановы въ этомъ году, благодаря непостоянному образу жизни Льва Сергѣевича, совсѣмъ не выѣхали на дачу, то ему легко было убѣдить Людмилу Михайловну въ томъ, что дѣтямъ полезно будетъ хоть на нѣсколько дней прокатиться подальше отъ Петербурга и подышать свѣжимъ воздухомъ.

Алексѣй и Наташа были довольны и съ радостью согласились. И вотъ они уложили самыя необходимыя вещи въ чемоданъ, сѣли на извощиковъ и поѣхали по направленію къ финляндскому вокзалу

А когда они доѣхали до Литейнаго проспекта, Старчинъ остановилъ извощиковъ и тутъ же на улицѣ устроилъ маленькое совѣщаніе. Онъ сказалъ:

— Вотъ что, друзья мои, я вашей матери обѣщалъ везти васъ на Иматру, но въ сущности, я задумалъ нѣчто лучшее. Мы поѣдемъ лучше по балтійской дорогѣ и сдѣлаемъ сюрпризъ вашему папѣ.

— Превосходно! — воскликнули въ одинъ голосъ Алексѣй и Наташа.—Папа будетъ очень тронутъ.

— Ну, еще бы!—какимъ то неопредѣленнымъ тономъ замѣтилъ Старчинъ.—Такъ вотъ мы и повернемъ на балтійскій.

И они измѣнили направленіе. Прежде чѣмъ рѣшиться на это, Старчинъ собралъ самыя точныя свѣдѣнія о мѣстности, гдѣ временно основывался Рамзановъ. Онъ ни на минуту не сомнѣвался въ томъ, что вся исторія о замкѣ и старинной живописи выдумана имъ отъ начала до конца. Онъ узналъ кое-что о посѣщеніи его мастерской актрисой Свѣтлановой и вообще у него составилось опредѣленное убѣжденіе, что Рамзановъ, просто напросто увлекся этой актрисой и ради нея застрялъ въ дачномъ мѣстѣ. Онъ навелъ справки, гдѣ слѣдуетъ, объ адресѣ Свѣтлановой и нашелъ, наконецъ, что у него достаточно свѣдѣній для того, чтобы предпринять это важное путешествіе.

И вотъ они пріѣхали на балтійскій вокзалъ. Поѣзда тотчасъ не было, пришлось прождать имъ около часу, но они ждали весело, потому что идея Старчина имъ очень нравилась.

Вотъ они сѣли въ вагонъ. Путешествіе длилось около часу, скоро они пріѣхали въ дачное мѣсто и вышли изъ вагона. Старчинъ зналъ эти мѣста. Ему было извѣстно, что здѣсь имѣется нѣчто вродѣ гостинницы, куда онъ и повелъ своихъ племянниковъ.

— Я, положимъ, узналъ, гдѣ живетъ вашъ отецъ, (онъ назвалъ улицу и дачу) но это недостовѣрно. Вы посидите здѣсь съ полчасика, а я пойду кой-куда и наведу точныя справки,—сказалъ онъ.

Онъ дѣйствительно отправился наводить справки, но не о Рамзановѣ, такъ какъ для этого не было никакихъ путей, а о Свѣтлановой. Это можно было сдѣлать только въ театрѣ, онъ туда и пошелъ.

Но Алексѣй былъ нетерпѣливъ, ему не сидѣлось. И такъ какъ Старчинъ сказалъ имъ предположительный номеръ дачи и улицу, то онъ предложилъ, не дожидаясь дяди, отправиться туда. Наташа поддержала его и они отправились на дачу, которую занимала Свѣтланова. Но по дорогѣ имъ пришла мысль послать телеграмму Людмилѣ Михайловнѣ о томъ, что они не на Иматрѣ, а здѣсь.

Они явились сюда скоро послѣ того, какъ Ольга Андреевна съ Кустянскимъ ушли къ рѣкѣ, гдѣ Левъ Сергѣевичъ дѣлалъ свой этюдъ. Посуда послѣ чаю была еще не убрана. Калитка садика была отворена, они безпрепятственно вошли въ нее и не нашли въ садикѣ ни души.

— Да здѣсь ли это?—спросила Наташа, такъ какъ она не твердо запомнила номеръ.

— Я тебѣ говорю что здѣсь. Дача номеръ 37. Вѣдь это она и есть. А вотъ погоди, мы спросимъ, кто то спускается съ террасы,—сказалъ Алексѣй, увидѣвъ появившагося на ступенькахъ Ивана.—Скажите пожалуйста, вѣдь это дача номеръ 37?

— Она самая-съ.

— Левъ Сергѣевичъ Рамзановъ здѣсь остановился?

— Они здѣсь, только не въ этой дачѣ, а вонъ въ той,—сказалъ Иванъ, указывая черезъ садъ на маленькую дачу.—Садъ то собственно къ нашей дачѣ принадлежитъ, но имъ гулять позволяется.

— Онъ дома? Его можно видѣть?—спросила Наташа.

— Нѣтъ, сейчасъ они ушедши. А вы подождите, коли есть время. Они этакъ черезъ часикъ можетъ и придутъ. Вотъ тутъ присядьте и подождите,—прибавилъ Иванъ и, забравъ часть посуды, ушелъ съ нею въ домъ.

Наташа сѣла и принялась осматривать садикъ и дачу.—Миленькій садикъ!—сказала она.

— Не дуренъ, а все-таки дачный, не то, что въ деревнѣ,—отвѣтилъ Алексѣй.—Воображаю какъ папа будетъ пріятно изумленъ! Я думаю, онъ обрадуется!

— Еще бы! Скука, должно быть, возиться съ этой живописью въ старомъ дворцѣ. А дворецъ вѣроятно гдѣ нибудь вдали. Его нигдѣ не видно.

— Должно быть. Воображаю, дядя вернулся въ гостинницу и забилъ тревогу, хватившись насъ.

Въ это время съ улицы стали доноситься къ нимъ торопливые тяжелые шаги, которые все приближались и вдругъ въ калиткѣ появилась высокая сутуловатая фигура, въ которой они тотчасъ же узнали Петра Михайловича Старчина. Онъ видимо страшно торопился и усталъ.

— Какъ вы такъ скоро, дядя?—спросилъ его Алексѣй.

— Да вѣдь я бѣжалъ, какъ угорѣлый,—сказалъ Старчинъ, сѣлъ на стулъ и началъ отдыхать.—Не нашелъ васъ въ гостинницѣ и сейчасъ же догадался, что вы сыграли со мной эту штуку. Ну, дѣти, это не хорошо, вы нарушили дисциплину. Васъ отпустили съ условіемъ, чтобъ вы во всемъ меня слушались. Зачѣмъ вы убѣжали?

— Да такъ, насъ взяло нетерпѣніе. При томъ же надо было послать телеграмму.

— Кому это телеграмму?—съ испугомъ въ глазахъ спросилъ Старчинъ.

— Разумѣется, мамѣ,—сказалъ Алексѣй.—Теперь, когда мы здѣсь, зачѣмъ же ей лгать? Она будетъ только спокойна и рада, что мы поѣхали къ папѣ. Я не вижу въ этомъ ничего дурного.

Въ глазахъ Петра Михайловича можно было замѣтить какое-то странное замѣшательство.—Дурного, конечно, ничего нѣтъ,—сказалъ онъ,—но, кажется, это было лишнимъ. Напрасно вы не сказали мнѣ этого раньше. Что-же вы спросили кого нибудь объ отцѣ?

— Да, здѣсь былъ человѣкъ, должно быть лакей. Мы спросили, но папы нѣтъ дома, онъ должно быть скоро придетъ, по всей вѣроятности онъ на работѣ; а вонъ и дача, которую онъ занимаетъ, подойдемте къ ней поближе.

Это предложеніе Алексѣя было принято и они всѣ трое прошли черезъ садикъ и приблизились къ маленькой дачѣ.

— Вотъ и дверь открыта,—сказала Наташа.

— Въ самомъ дѣлѣ,—воскликнулъ Алексѣй.—Да вотъ идея: войдемъ туда и переставимъ всю мебель.

— Ха, ха...—разсмѣялась Наташа,—отличная мысль! Перетасуемъ все и уйдемъ, папа придетъ и будетъ ломать голову...

При этихъ словахъ Наташа и Алексѣй поднялись по ступенькамъ на террасу.

— Постойте,—остановилъ Старчинъ.—Какъ же вы рѣшаетесь входить безъ позволенія?

— Въ папину комнату?—сказала Наташа,—какія же у него могутъ быть отъ насъ тайны?

— Почемъ знать,—неопредѣленно откликнулся Старчинъ.

— Дядя вѣчно со строгостями,—замѣтилъ Алексѣй,—но разумѣется пойдемъ, Наташа.

Но Наташа въ это время уже скрылась внутри дачи.

— Послушай,—остановилъ Алексѣя Петръ Михайловичъ.—Напрасно ты поощряешь сестру. Мало-ли какія могутъ тамъ встрѣтиться неожиданности... Вѣдь они живутъ на холостую ногу!

— Кто это они?—съ недоумѣніемъ спросилъ Алексѣй.

— Ну, какъ кто? Ужъ если твой папа здѣсь, такъ значитъ и Кустянскій тоже, вѣдь они неразлучны.

Наташа вышла изъ дачи и лицо у нея было крайне смущенное, на немъ выражалось глубокое недоумѣніе.—Я ничего не понимаю!—промолвила она нетвердымъ голосомъ.—Вѣроятно, это другой художникъ живетъ здѣсь и лакей ввелъ насъ въ заблужденіе: это не папина комната.

— Вотъ видишь,—съ чуть замѣтнымъ укоромъ, сказалъ Старчинъ, обращаясь къ Алексѣю.

— Что же ты нашла тамъ?—спросилъ Алексѣй.

— Не совсѣмъ конченный женскій портретъ, дамская накидка. Шпильки на столѣ... Зачѣмъ все это можетъ быть у папы?

— Ну, что-жъ тутъ удивительнаго?—сказалъ Алексѣй,—онъ пишетъ чей нибудь портретъ... Да, но если онъ занятъ заказомъ когда же онъ пишетъ его?

Наташа спустилась съ террасы на землю.—Нѣтъ, я просто ошиблась,—сказала она,—папа не живетъ здѣсь.

— А постойте, я взгляну,—предложилъ Алексѣй,—я узнаю папину кисть по двумъ мазкамъ.

Алексѣй вошелъ въ дачу. Наташа стояла внизу, испытывая тревожное ожиданіе. А Петръ Михайловичъ съ необыкновеннымъ волненіемъ ходилъ взадъ и впередъ около ступенекъ террасы. Наконецъ Алексѣй появился.

— Это папина работа. И я знаю чей это портретъ. Это портретъ актрисы Свѣтлановой. Можетъ быть онъ еще не началъ работу тамъ... И пока взялъ эту, или же работа оставляетъ ему много свободнаго времени. Дядя, отчего ты такъ странно ходишь? Какъ будто взволнованъ чѣмъ то?

— Ахъ, нѣтъ, право... Тебѣ такъ кажется,—откликнулся Старчинъ, но продолжалъ нервно ходить взадъ и впередъ. «Мнѣ кажется, что я играю низкую роль», думалъ онъ при этомъ. Ужъ онъ начиналъ колебаться и жалѣть. Въ самомъ ли дѣлѣ онъ поступилъ неопрометчиво?

Иванъ опять появился на террасѣ большой дачи, Алексѣй сдѣлалъ ему знакъ, чтобы подошелъ поближе и тотъ исполнилъ его желаніе.

— Послушайте, — обратился къ нему Алексѣй, — господинъ Рамзановъ уже работаетъ тамъ?

— А собственно гдѣ?—спросилъ Иванъ.

— Во дворцѣ... Въ этой старинной постройкѣ, гдѣ онъ долженъ возстановлять живопись.

Иванъ съ величайшимъ изумленіемъ посмотрѣлъ на него.— Да у насъ никакой такой постройки нѣтъ. Какіе у насъ тутъ дворцы? А насчетъ живописи, это дѣйствительно,—барынинъ потретъ они съ утра до вечера рисуютъ. Вотъ и вся ихняя живопись.

— И вы это навѣрно знаете?—строго спросилъ его Алексѣй.

— Да помилуйте, я здѣшній житель, всѣ дома тутъ знаю, какъ бы они были мои собственные. Какъ же мнѣ не знать? Вотъ странные господа! А это, что вы въ чужую дачу залѣзли, нехорошо, извините.

И сказавъ это нравоученіе, Иванъ пошелъ обратно и опять занялся посудой.

Алексѣй тоже спустился съ крыльца.—Насъ здѣсь мисцифицируютъ, дядя,—сказалъ онъ Старчину, который продолжалъ ходить видимо съ усилившимся волненіемъ.—Объясни же пожалуйста, вѣдь это мучительно! Вѣдь папа уѣзжая сказалъ, что у него здѣсь работа. Потомъ онъ писалъ это. Вѣдь онъ говорилъ о старинномъ дворцѣ, не выдумалъ же онъ этотъ дворецъ!

Петръ Михайловичъ на минуту остановился, посмотрѣлъ на него и въ глазахъ у него было выраженіе крайней нерѣшительности.—Пожалуйста не кипятись, Алексѣй,—нетвердымъ голосомъ сказалъ онъ,—можетъ быть онъ и правъ, этотъ человѣкъ, почему не допустить этого?

— Допустить, что папа солгалъ намъ? Но это ужъ слишкомъ, дядя. Впрочемъ я давно замѣтилъ, что ты несправедливъ къ папѣ... Вѣроятно у васъ какія нибудь счеты есть.

— Можетъ быть, можетъ быть,—все еще нерѣшительно ворчалъ Старчинъ,—ну, да, да, я былъ несправедливъ...

Онъ переживалъ мучительное колебаніе. Все способствовало тому, что-бы онъ выполнилъ свой планъ «открытія глазъ» и въ тоже время ему трудно было рѣшиться на это. Онъ ясно видѣлъ, что этимъ повергнетъ ихъ въ отчаяніе.

Наташа, которая все это время молчала, вдругъ заговорила порывистымъ дрожащимъ голосомъ и глаза ея при этомъ запылали.—Нѣтъ, это все не такъ, не знаю почему, но я чувствую, что все это не такъ, я словно въ какой то ловушкѣ... Опять эта ложь, эта неправда, которая мнѣ чудится всегда дома, отъ которой я не знаю куда дѣваться. Дядя, вѣдь это все не такъ?

— Что, дитя мое не такъ?—успокоивающимъ голосомъ спросилъ ее Старчинъ.

— Ахъ, я не знаю что,—нервно отозвалась Наташа:—что-то... Но я же не виновата, что я такъ чувствую.

Старчинъ на этотъ вопросъ не отвѣтилъ, прошелся взадъ и впередъ еще нѣсколько разъ и наконецъ остановился; онъ сказалъ:—ахъ, дѣти, еслибъ вы знали, какъ мнѣ тяжело говорить объ этомъ! Но это необходимо. И за этимъ я васъ привезъ сюда.

— Зачѣмъ привезъ?

— Боже мой!—почти вскрикнула Наташа и, какъ-то вся вздрогнувъ, закрыла лицо руками.

— Да, тяжело это, — говорилъ Старчинъ, видимо наконецъ рѣшившись.—Слушайте. Но только будьте снисходительны ко всѣмъ, ко всѣмъ... Я давно съ нетерпѣніемъ жду, когда вы сдѣлаетесь взрослыми на столько, чтобы понять это. Отецъ вашъ прекрасный человѣкъ, кто же этого не знаетъ? кто же не уважаетъ его? Кто не любитъ? Но въ характерѣ его есть одна несчастная черта... Нѣтъ, знаете что,—перебилъ онъ самъ себя:—мы уйдемъ отсюда, пойдемъ къ себѣ въ гостинницу и придемъ позже. Здѣсь какъ-то неудобно...

Они всѣ трое пошли къ выходу и затѣмъ направились въ гостинницу. Петръ Михайловичъ продолжалъ:

— Да, есть, говорю, одна несчастная черта: удивительное, поразительное легкомысліе; простите меня, дѣти, что я говорю вамъ это про вашего отца. Но вы потомъ поймете, почему это надо и оправдаете меня. Да, легкомысліе, ужасное лекомысліе

юноши, не смотря на его лѣта и сѣдины. И ваша мать всю свою брачную жизнь страдала отъ этого. Я долженъ сказать это вамъ: измѣна, раскаяніе, и опять измѣна... И это безъ конца... Ну, полно, Наташа, нечего плакать!—прибавилъ онъ, увидѣвъ что Наташа беззвучно проливаетъ слезы.

— Дядя,—почти возмущеннымъ голосомъ воскликнулъ Алексѣй,—можно ли этому повѣрить?

— Надо вѣрить, надо вѣрить, мой другъ. Я самъ долго не вѣрилъ, а потомъ... Нѣтъ, не сталъ бы я этимъ шутить съ вами. Да, дѣти мои,—продолжалъ Старчинъ,—вотъ вы часто обвиняли мать за то, что она своими слезами и необъяснимыми припадками грусти омрачаетъ настроеніе отца. Ну, вотъ вамъ и причина. Ваша бѣдная мать обожаетъ его, какъ и вы, все прощаетъ ему и все скрываетъ отъ васъ. Это забота ея жизни. Да-съ, такъ вотъ чѣмъ объясняются частыя отлучки вашего отца. Все это выдумки, и здѣсь никакой старинной постройки, никакого дворца у него нѣтъ, а есть совсѣмъ другое.

— Здѣсь?—воскликнулъ Алексѣй,—значитъ это была не правда, ты можешь это доказать, дядя? Вѣдь ты тоже можешь ошибаться.

— Ошибаться... Да, я хотѣлъ бы ошибаться... Но онъ мнѣ самъ почти сказалъ это.

— Онъ обманулъ тебя, онъ пошутилъ...—сказалъ Алексѣй.

— Алексѣй, я понимаю твое недовѣріе. Ты не хотѣлъ бы, чтобы это было такъ. Но развѣ ты знаешь меня за человѣка, способнаго говорить про другого дурно безъ достаточныхъ основаній? Я, можетъ быть, избралъ жестокое средство, но это послѣднее средство. Не думайте, дѣти, что я пріѣхалъ сюда мстить. Боже сохрани! Я надѣюсь, что когда онъ увидитъ, что вы знаете правду, онъ устыдится и можетъ быть у вашей матери будетъ хоть нѣсколько лѣтъ спокойной жизни.

— Нѣтъ, это ужасно, дядя, то, что ты говоришь,—сквозь слезы сказала Наташа.

— Успокойся, Наташа,—молвилъ Петръ Михайловичъ,—теперь вамъ почти нѣтъ необходимости ходить на эту дачу. Я скажу ему, что вы знаете и этого довольно. Пойдемте. Да вотъ еще что... На счетъ этой женщины... Про нее я ничего не знаю дурного. Въ высшей степени порядочная женщина.

— Да, да,—говорилъ Алексѣй, когда они приближались къ отелю.—Теперь я понимаю. Теперь я многое понимаю. Ахъ, какъ обманчива жизнь! Бѣдная мама, чего ей стоило всю жизнь ради насъ дѣлать счастливый видъ въ то время, какъ она была глубоко несчастна. Боюсь, что не выдержу и буду говорить съ отцомъ рѣзко и мои упреки ему покажутся слишкомъ горькими; но я буду говорить съ нимъ, я непремѣнно долженъ говорить.

— Ну, хорошо, хорошо, это потомъ, а теперь вотъ и гостинница.

И они всѣ трое скрылись за дверью, которая вела въ гостинницу.

VIII.

На этюдахъ у Льва Сергѣевича въ этотъ день что-то не клеилось. День стоялъ чудный, небо было ясно, какъ разъ въ той сторонѣ, куда были обращены художественные взоры Рамзанова, въ воздухѣ плавали бѣлые облачки, картинно и граціозно мѣняясь каждую минуту. Онъ сидѣлъ на берегу узенькой рѣченки, передъ нимъ разстилался живописный уголокъ, который онъ давно уже облюбовалъ и много дней собирался набросать. Казалось, все благопріятствовало ему, не было только подходящаго настроенія.

Что-то тревожило его въ послѣдніе дни и именно тогда, когда онъ оставался одинъ. Въ обществѣ, состоящемъ хотя бы изъ одного Кустянскаго, онъ совсѣмъ забывалъ обо всемъ остальномъ мірѣ и дѣлался настоящимъ цыганомъ, готовымъ жить въ шатрѣ или подъ открытымъ небомъ. Но когда онъ оставался одинъ, по временамъ какой то червякъ грызъ его. Это случилось теперь. Утреннее напоминаніе Кустянскаго о петербургскомъ домѣ порядочно таки отравило ему не только чай, но цѣлое утро. Въ сущности онъ не былъ настолько наивенъ, чтобы не понимать значеніе своего поступка. Всю жизнь онъ продѣлывалъ съ Людмилой Михайловной такія штуки, но никогда еще раскаяніе его не доходило до такого пафоса, какъ въ этотъ разъ. И, можетъ быть, никогда еще не поступалъ онъ такъ вѣроломно, какъ именно теперь. Чертъ знаетъ, что такое! вѣдь это вышло совсѣмъ по мальчишески. Собраться обѣдать, точно нарочно услать жену сдѣлать кой-какія распоряженія для этого обѣда и вдругъ удрать

неизвѣстно куда. А удравши, не являться домой въ теченіи двухъ недѣль подъ предлогомъ несуществующей работы въ несуществующемъ дворцѣ. Когда подумаешь объ этомъ, то просто отказываешься понять, какъ онъ могъ пуститься на такую продѣлку. А Кустянскій? Онъ, который заявляетъ о своемъ необыкновенномъ почтеніи къ Людмилѣ Михайловнѣ, развѣ онъ серьезно попробовалъ остановить его? Нисколько. Онъ паясничалъ и злилъ его и этимъ самымъ заставлялъ его на зло ему дѣлать глупости.

Само собой разумѣется, что эти размышленія не шли такъ далеко, чтобы у него явилось желаніе сейчасъ же сѣсть на поѣздъ и поѣхать въ Петербургъ. Они порождали только отвратительное настроеніе и этимъ дѣло ограничивалось.

Онъ, однако, заставилъ себя взять въ руки кисть и палитру и началъ набрасывать пейзажъ. Выходило не важно. Поработавъ такимъ образомъ съ полчаса, онъ оставилъ кисть, отложилъ въ сторону свой пюпитръ, и, откинувшись на спину, разлегся на травѣ, подложивъ подъ голову, вмѣсто подушки, руки. Такъ лежалъ онъ довольно долго, безплодно глядя въ небеса. Но вотъ послышались шаги, онъ догадался, что это идутъ съ дачи и, поднявшись, повернулъ голову назадъ по направленію къ дорогѣ. Шагахъ въ двадцати отъ него шли Свѣтланова и Василій Васильевичъ. Но Левъ Сергѣевичъ былъ несказанно удивленъ, когда разглядѣлъ, что они необыкновенно нѣжно идутъ подъ ручку. Онъ поднялся больше и сталъ на колѣни и въ этой позѣ застылъ.

— Ужасно пріятно видѣть столь внезапное единеніе душъ!— иронически замѣтилъ онъ.

Ольга Андреевна разсмѣялась. Они подошли къ нему и она оставила руку Кустянскаго.

— Однако, вы не слишкомъ усердно работаете,—сказала она, совсѣмъ не отвѣчая на его замѣчаніе.

— Не работается!—сказалъ Рамзановъ.

— Странно! А день такой чудный, это должно располагать...

— Мое настроеніе не соотвѣтствуетъ настроенію дня,—мрачно замѣтилъ Левъ Сергѣевичъ.

— У него на сердцѣ ночь!—промолвилъ Кустянскій.

— Право, едва-ли кто нибудь разобралъ бы, что у меня на сердцѣ...

— Что-же, будете писать еще?—спросила Свѣтланова.

— Едва ли что нибудь выйдетъ.

— Очевидно и мое присутствіе васъ не вдохновляетъ.

— Очевидно... Потому что оно, кажется, не имѣетъ въ виду этого...

— О, какой вы сегодня ворчунъ! Въ такомъ случаѣ лучше повернемъ домой, по крайней мѣрѣ неторопливо позавтракаемъ, а то вѣдь я стану спѣшить на репетицію.

Левъ Сергѣевичъ не возражалъ. Онъ согласился, что это будетъ самое лучшее. И вотъ онъ поднялся, захватилъ ящикъ, въ который спряталъ свой неудачный этюдъ и они отправились обратно. Кустянскій, какъ ни въ чемъ не бывало, предложилъ Ольгѣ Андреевнѣ руку, та взяла и они шли, весело болтая и смѣясь. Левъ Сергѣевичъ шелъ то рядомъ съ ними, то позади, неся свой ящикъ съ красками. Лицо его было пасмурно, онъ изподлобья посматривалъ на идущую около него пару, которая казалась ему какъ бы новой; до такой степени странной въ его глазахъ являлась эта комбинація.

Въ послѣднее время Кустянскій держался особнякомъ, въ особенности въ присутствіи Ольги Андреевны. Казалось, онъ считалъ свой многолѣтній романъ съ этой женщиной дѣйствительно совершенно оконченнымъ. И вдругъ такая нѣжность. Но Левъ Сергѣевичъ во всю дорогу ни слова не сказалъ объ этомъ. Вѣдь объ этомъ надо было говорить въ шутливомъ тонѣ, а онъ не ощущалъ въ своей душѣ никакого позыва къ шуткѣ. Давно уже онъ не переживалъ такого отвратительнаго состоянія души.

Когда они пришли въ садикъ, Иванъ уже возился со столомъ, приготовляя его къ завтраку. Они такъ и вошли: впереди Кустянскій, ведя подъ руку Ольгу Андреевну, а позади Левъ Сергѣевичъ съ ящикомъ въ рукѣ.

— Ну, завтракать, завтракать!—весело говорила Ольга Андреевна,—не то я опоздаю на репетицію. Давай-ка, Иванъ, поскорѣе.

— Сію минуту, барыня,—откликнулся Иванъ и бѣгомъ пустился на террасу.

Левъ Сергѣевичъ положилъ на столъ ящикъ съ красками и тутъ же около него сѣлъ. Ольга Андреевна вопросительно взглянула на него.—Что это вы такой мрачный, Левъ Сергѣевичъ? вы устали?

— Нисколько,—сурово отвѣтилъ Рамзановъ,—я ничего не дѣлалъ, поэтому не могъ устать. Просто нервы разстроились.

— Странно. Такой превосходный день сегодня... Мы вотъ съ Василіемъ Васильевичемъ отлично настроены, мы весело болтаемъ около васъ, а вы точно скала неприступная.

— Да, вотъ именно: мы съ Василіемъ Васильевичемъ. Подумаешь, какъ много въ этомъ для меня утѣшительнаго! Вообще вы поступили со мной вѣроломно: вы заставили меня одного идти на этюды, проскучать цѣлый часъ, а потомъ отказались даже идти со мной подъ руку...

— Я отказалась? А развѣ вы мнѣ предлагали?

— Это было безполезно. Я видѣлъ, что у васъ къ этому нѣтъ ни малѣйшаго расположенія.

— Вы наказаны за ваше стремленіе читать въ душѣ... А впрочемъ, это правда, я дѣйствительно отказалась бы...

— Почему же это, наконецъ?—съ обиженнымъ видомъ спросилъ Рамзановъ.

— Ну, не сердитесь пожалуйста,—говорила ему Свѣтланова,—вѣдь это же только справедливо. Я совсѣмъ забросила Кустянскаго, а онъ вѣдь мой старый другъ. Надо же и ему оказать вниманіе. Ужъ вы не можете пожаловаться. Кажется, за вами здѣсь ухаживаютъ. Впрочемъ, я думаю, что на васъ такъ дѣйствуетъ голодъ, оттого вы и мрачны. Сейчасъ дадутъ завтракать. Поскорѣе, Иванъ, поскорѣе. Ахъ, Боже мой!—вдругъ вспомнила она,—я совсѣмъ забыла, что меня ждетъ кухарка, она должна изготовить подъ моимъ руководствомъ одно необыкновенное блюдо: дрозды по китайски.

— Довольно нелѣпое блюдо,—по прежнему мрачно отозвался Рамзановъ.—Въ Китаѣ нѣтъ дроздовъ.

— Ну, это ничего не значитъ; а вотъ у насъ будутъ дрозды по китайски.

И она поднялась на террасу и скрылась въ домѣ. Левъ Сергѣевичъ продолжалъ сидѣть мрачно и даже не смотрѣлъ на своего друга. А Кустянскій подошелъ къ нему сзади, положилъ ему руку на плечо и сказалъ.

— Ну, могучій левъ, комаръ тебѣ досаждаетъ и ты злишься и рычишь... А? А знаешь, по моему, это уже жадность... Ты какой-то ненасытный... Ей-ей...

Левъ Сергѣевичъ стряхнулъ его руку, всталъ и началъ ходить по близости.

— Отстань ты отъ меня,—нетерпѣливо и ворчливо воскликнулъ онъ.

— Что, нервы разстроены?—видимо издѣвался надъ нимъ Кустянскій.

— Ну, да, нервы, нервы... Что-же, по твоему, у меня нервы не могутъ разстроиться?

— Да что ты, барыня, что-ли?.. Ха, ха...

— Послушай, —промолвилъ Левъ Сергѣевичъ, остановившись и взглянувъ на него въ упоръ.—Ты, кажется, начинаешь издѣваться надо мной? Это новость!

— Ха, ха, какъ ты однако это строго!.. А что же, милый, тебѣ надо мной можно, а мнѣ надъ тобой нельзя? Такъ, что-ли? Ну, да не бѣгай, успокойся; вонъ видишь, Иванъ несетъ что то съѣстное, такъ мы лучше съ тобой позавтракаемъ, тогда ты и подобрѣешь. Ну, садись. Вотъ я уже сѣлъ.

И онъ дѣйствительно сѣлъ за столъ и даже подвязалъ къ шеѣ салфетку. Иванъ принесъ кушанье и поставилъ на столъ.

— А тутъ васъ спрашивали, Левъ Сергѣевичъ,—сказалъ Иванъ.

Левъ Сергѣевичъ съ разгону остановился.—Меня? Кто такой?..

— Какіе-то молодой человѣкъ и барыня; сперва это они вдвоемъ тутъ побыли, а потомъ пришелъ еще одинъ. Я просилъ ихъ подождать, сказалъ, что вы скоро вернетесь, да они не дождались. Должно такъ полагать, что потомъ опять придутъ.

— Странно,—сказалъ Левъ Сергѣевичъ, дѣйствительно удивляясь этому визиту, но ему и въ голову не пришло, что это могли быть его дѣти. Эта мысль, если-бъ даже и пришла, показалась бы ему совершенно невѣроятной.

— Только очень невѣжливые господа,—продолжалъ Иванъ.

— А что такое?—спросилъ Левъ Сергѣевичъ.

— Да какъ же? вдругъ въ дачу залѣзли...

— Въ какую дачу?

— Да въ вашу же, въ нашу я бы не пустилъ.

— А зачѣмъ же ты пустилъ въ нашу?

— Да вѣдь она ваша, а не наша! Надъ вашей я правъ не имѣю...

— Экій ты правовѣдъ, скажи пожалуйста!—замѣтилъ Кустянскій,—ну залѣзли въ дачу и что же дальше?

— Да дальше ничего, зашли и вышли, а потомъ и совсѣмъ ушли.

— Очень это странно,—сказалъ Левъ Сергѣевичъ.

— Но что же тутъ страннаго?—замѣтилъ Василій Васильевичъ:—какой нибудь благотворительный вечеръ. Обыкновенно на такіе вечера приглашаютъ студенты и курсистки. Это такъ принято. Ну, пришли просить твоего участія, какія нибудь тамъ живыя картины или что нибудь въ такомъ родѣ. Имя Рамзанова не такъ часто встрѣчается, оно можетъ сдѣлать сборъ.

— Но въ дачу-то, въ дачу зачѣмъ лѣзть?—сказалъ Рамзановъ.

— Ну это просто добродушное провинціальное нахальство. Страсть какъ любопытно посмотрѣть на чемъ сидитъ, на чемъ лежитъ и куда плюетъ знаменитость.

— Можетъ быть... Но это мнѣ не нравится,—промолвилъ Левъ Сергѣевичъ:—ужъ навѣрно эти господа изъ Петербурга; совсѣмъ не входитъ въ мои расчеты чтобы кто нибудь зналъ о моемъ пребываніи здѣсь и вообще, вообще я страшно разстроенъ, и, знаешь ли, Василій Васильевичъ, я думаю уѣхать въ Петербургъ; я вижу, что порядочно надоѣлъ здѣсь; при томъ же тамъ навѣрно безпокоятся. Вѣдь въ сущности это по отношенію къ Людѣ непростительная подлость съ моей стороны. Рѣшительно, я уѣду. Первымъ же поѣздомъ.

— Гм... Такъ, такъ!—своимъ обыкновеннымъ дразнящимъ тономъ замѣтилъ Кустянскій.—Но поѣздъ идетъ въ три часа, теперь объ этомъ еще рано думать и я совѣтую тебѣ сѣсть и позавтракать. Право же, это никогда не вредно.

— Ахъ, отстань пожалуйста! Я разстроенъ.

— Гм... Твой любимый филей! Ты посмотри, какъ онъ вкусно глядитъ на тебя.

— Еще бы! Зажаренный, какъ топоръ...—мрачно сказалъ Левъ Сергѣевичъ, покосившись на филей, лежавшій на блюдѣ.

— Удивительно! нѣтъ, право, ты представляешь собой поразительную фигуру: когда ты разстроенъ, такъ ужъ вся природа должна принимать въ этомъ участіе и тутъ непремѣнно и филей долженъ быть плохо зажаренъ, и солнце тускло свѣтить, и

розы дурно пахнуть; знаешь, ты представляешь рѣдкостный типъ законченнаго эгоиста. Ну, почему ты оклеветалъ этотъ филей? Вѣдь онъ превосходный филей. Вотъ посмотри, я разрѣзалъ, онъ нѣжный, съ кровью, шампиньоны, душа моя, пахнутъ, какъ ландыши. Ну, просто прелесть!—говорилъ онъ, положивъ въ ротъ кусокъ мяса и при этомъ необыкновенно вкусно жевалъ его.—Ну, Левъ Сергѣевичъ, согласись, что глупо изъ за нервовъ наказывать желудокъ; онъ, бѣдняга, ни въ чемъ не виноватъ.

Левъ Сергѣевичъ прошелся еще нѣсколько разъ около стола, потомъ подошелъ къ нему поближе и довольно благосклонно посмотрѣлъ на блюдо съ мясомъ.

— Въ сущности,—сказалъ онъ уже гораздо болѣе мягкимъ тономъ,—разумѣется, это глупо.

— Ну, конечно, конечно,—явно подыгрывалъ Кустянскій:—садись же, ну, что тамъ!..

Левъ Сергѣевичъ сѣлъ, взялъ кусокъ хлѣба, положилъ себѣ на тарелку филей, который дѣйствительно былъ великолѣпенъ, и сказалъ:—налей-ка мнѣ водки, Базиль.

Василій Васильевичъ вдругъ неожиданно прыснулъ и разсмѣялся, и звонкій хохотъ его раздался по всему саду.—Ну, если еще гдѣ нибудь на свѣтѣ найдется второй экземпляръ такого животнаго, какъ ты, пусть меня повѣсятъ... Клянусь честью!..—воскликнулъ онъ.

— Дьяволъ!—бросилъ ему Левъ Сергѣевичъ и съ досадой отодвинулъ отъ себя тарелку съ филеемъ.

Впрочемъ черезъ нѣсколько секундъ онъ опять приблизилъ ее къ себѣ и началъ уплетать филей. Въ самомъ дѣлѣ, съ каждымъ съѣденнымъ кускомъ онъ становился все добрѣе и мягче и они уже вели довольно мирный разговоръ вплоть до возвращенія Ольги Андреевны.

IX.

Людмила Михайловна отпустила дѣтей на Иматру съ легкимъ сердцемъ. Она вполнѣ довѣряла своему брату, при томъ же дѣти были достаточно взрослыя, чтобы отвѣчать за себя.

Она привыкла относиться къ нимъ какъ къ маленькимъ, и потому всегда проявляла нѣсколько преувеличенную заботли-

вость. Не смотря на то, что Алексѣй уже былъ слушателемъ академіи, а Наташа могла считать себя невѣстой, Людмила Михайловна, когда сынъ нѣсколько часовъ не возвращался домой, а дочь отправлялась куда-нибудь одна, безъ провожатаго, всегда безпокоилась, какъ бы чего съ ними не случилось. За много лѣтъ ихъ воспитанія, которымъ занималась она одна, она такъ привыкла къ ихъ безпомощности, что и теперь не могла относиться къ нимъ иначе.

Въ такое далекое путешествіе, какъ на Иматру, она ни за что ихъ однихъ не пустила бы. Дѣти съ улыбкой относились къ такой преувеличенной опасливости и никогда не настаивали. Но съ Старчинымъ она ничего не боялась.

Кромѣ того, ей совершенно была чужда подозрительность. Она сама не умѣла хитрить, поэтому и въ другихъ не предполагала хитрости, особенно же своего брата она знала за человѣка прямого. Поэтому ей и въ голову не приходило, что подъ этой поѣздкой скрывается цѣлый планъ, давно обдуманный Петромъ Михайловичемъ. И ее глубоко поразила телеграмма, полученная отъ дѣтей. Когда она раскрыла ее и увидѣла подпись Алексѣя, она страшно перепугалась. Когда же прочитала, то въ первую минуту пришла въ недоумѣніе. Въ телеграммѣ было сказано: «Милая мама, мы тебя обманули, мы не на Иматрѣ, а здѣсь. Мы просто хотимъ сдѣлать удовольствіе папѣ, явившись къ нему сюрпризомъ. Алексѣй».

Когда же она вдумалась въ смыслъ телеграммы, то вдругъ ее охватилъ ужасъ. Сама она ни на минуту не сомнѣвалась, что исторія о дворцѣ съ его старой живописью есть чистѣйшій вымыселъ. Она совершенно ясно представляла себѣ, что мужъ ея въ лучшемъ случаѣ живетъ гдѣ нибудь въ отдѣльной квартирѣ, но допускала и что нибудь гораздо худшее. И теперь ей казалось невозможнымъ, что-бы дѣти застали его врасплохъ и тогда вся эта исторія, а вмѣстѣ и цѣлая жизнь, раскроются передъ ними и освѣтятся въ ихъ глазахъ самымъ непривлекательнымъ свѣтомъ. Тогда все погибнетъ. Эта несуществующая чистота семейнаго очага, которую она съ такимъ самоотверженіемъ охраняла для дѣтей, была ея недугомъ въ теченіе всей жизни. Это было единственное, изъ за чего она выносила всю муку, какую доставлялъ ей мужъ. У нея существовало непоколебимое убѣжде-

ніе, что для счастья дѣтей это необходимо. Она воспитывала ихъ въ убѣжденіи, что жизнь способна проходить безъ тучъ и безъ сокрушительныхъ бурь; что безоблачное небо вовсе не такая рѣдкость, какъ объ этомъ говорятъ пессимисты; что ихъ семья, это образцовая семья; что отецъ у нихъ—лучшій изъ отцовъ и вполнѣ заслуживаетъ того обожанія, которое они къ нему питаютъ. И больше всего на свѣтѣ боялась она, чтобы это прекрасное покрывало, при посредствѣ котораго она закрыла отъ ихъ глазъ печальную истину, чья нибудь грубая рука не приподняла передъ ними.

И вдругъ все откроется и всѣ ея старанія окажутся напрасны. Тогда и вся ея жизнь окажется напрасной.

Взволнованная, спутанная неожиданностью, она не знала, что ей предпринять. Было около трехъ часовъ дня, когда она получила телеграмму. Первая мысль, какая пришла въ ея голову, была—ѣхать сейчасъ же туда. Ей рисовалось, что дѣти послали телеграмму тотчасъ по пріѣздѣ своемъ, съ вокзала, ей хотѣлось думать, что они не такъ-то скоро отыщутъ квартиру отца и что она успѣетъ предупредить его.

Она справилась въ газетахъ и узнала, что есть подходящій поѣздъ, на который она поспѣетъ, если сейчасъ же выѣдетъ изъ дому. Она и не подумала о какихъ нибудь сборахъ,—какъ была въ черномъ платьи, такъ рѣшилась и ѣхать, только захватила съ собой накидку и надѣла шляпу. Она вышла на улицу, взяла извощика и велѣла ему какъ можно скорѣй ѣхать на балтійскій вокзалъ.

На дачѣ, занимаемой Рамзановымъ и Кустянскимъ, между тѣмъ мирная жизнь не прерывалась. Послѣ завтрака, Ольга Андреевна отправилась на репетицію. Кустянскій повертѣлся въ садикѣ и затѣмъ спросилъ своего друга.

— Ты что-же, дома остаешься?

— Я не расположенъ шляться,—отвѣтилъ Рамзановъ. Обыкновенно они въ это время вдвоемъ гуляли по окрестностямъ. Но у Рамзанова сегодня былъ сплинъ. Въ такихъ случаяхъ онъ избѣгалъ какого бы то ни было движенія и оставался одинъ дома.

— Ну, такъ я одинъ пойду,—сказалъ Кустянскій.

— Сдѣлай милость. Я и безъ тебя проживу!—отозвался Рамзановъ и поднялся. Послѣ этого они разошлись въ разныя сто-

роны. Василій Васильевичъ отправился гулять, а Рамзановъ пошелъ на свою дачу.

Изъ большой комнаты, которая играла у нихъ роль гостиной и пріемной, огромное полукруглое окно выходило на улицу. Какъ разъ напротивъ помѣщалась чрезвычайно живописная дачка, утопавшая въ зелени. Левъ Сергѣевичъ никогда не останавливался передъ этимъ окномъ и почти не замѣтилъ этой дачи.

Теперь, очутившись одинъ въ квартирѣ, онъ довольно долго ходилъ по комнатѣ, какъ бы не будучи въ состояніи найти себѣ подходящее мѣсто. Мысль о томъ, что бы сегодня же отправиться въ Петербургъ еще смутно бродила въ его головѣ. Она давно уже потеряла свою остроту, но еще нѣсколько смущала его душу. Въ сущности, эта мысль только досаждала ему. Можно было заранѣе предсказать, что ей несуждено осуществиться. Но все же она присутствовала въ его головѣ и этого было достаточно, чтобы состояніе его духа было неспокойное.

Поэтому, когда онъ ходилъ по комнатѣ, видъ у него былъ сосредоточенный и серьезный. Чтобы какъ нибудь занять себя, онъ переодѣлся, снялъ пиджакъ и надѣлъ тужурку. Затѣмъ онъ совершенно случайно остановился передъ большимъ венеціанскимъ окномъ и вдругъ глаза его разглядѣли помѣщающуюся какъ разъ напротивъ дачку.

«Что за живописная дача, мысленно воскликнулъ онъ. Почему это я ее никогда не видѣлъ»?

Онъ разумѣется, сейчасъ-же понялъ, почему онъ никогда не видѣлъ этой дачи: потому что никогда не останавливался передъ окномъ.

«Да вѣдь это же прелесть... Съ нея непремѣнно надо набросать этюдъ... Вотъ и отлично. Я этимъ и займусь, пока вернется Базиль».

Эта мысль понравилась ему и сразу завладѣла имъ. Онъ оживился и принялся хлопотать. Онъ принесъ свой ящикъ съ красками, разложилъ все, какъ было надо, и засѣлъ за этюдъ. Освѣщеніе было прекрасное, солнце перевалило на другую сторону дачи и онъ принялся работать.

Вся его мрачность вдругъ исчезла и настроеніе сдѣлалось необыкновенно легкое. Онъ сидѣлъ у окна и, весело насвистывая, съ большимъ увлеченіемъ набрасывалъ этюдъ дачки, утопавшей въ зелени.

Часовъ около трехъ Иванъ понавѣдался въ дачу, и заглянувъ въ дверь, убѣдился, что Левъ Сергѣевичъ работаетъ. День былъ жаркій и Иванъ сообразилъ, что сдѣлаетъ ему большое удовольствіе, если принесетъ ему воды. Левъ Сергѣевичъ любилъ чтобы во время работы, около него стоялъ сифонъ съ холодной сельтерской водой. Иванъ вернулся въ большую дачу, захватилъ тамъ сифонъ и, неся его на подносѣ, вошелъ въ комнату.

— А,—радостно воскликнулъ Левъ Сергѣевичъ.—Вотъ молодчина, Иванъ! Поставъ-ка здѣсь. Вотъ люблю, когда угадываютъ мои желанія.

— Посмотрѣлъ, сидите, — объяснилъ Иванъ, — думаю, день жаркій, навѣрно Левъ Сергѣевичъ жаждетъ. Вотъ и принесъ.

— Жажду, братъ, жажду—сказалъ Рамзановъ, и въ самомъ дѣлѣ съ жадностью выпилъ стаканъ воды.

— Больше ничего не прикажете, Левъ Сергѣевичъ?—спросилъ Иванъ.

— Ровно ничего. Можешь идти, если тебѣ хочется, а можешь и оставаться—какъ тебѣ пріятнѣе. Вѣдь я думаю, помираешь отъ скуки и отъ бездѣлья. Работой тебя не обременяютъ!

— Дѣйствительно нельзя сказать, чтобы обременяли, а только и скуки особенной не испытываю. Что-жъ, коли время свободное есть, можно и въ садикѣ погулять. Намъ не возбраняется.

— Ну и гуляй, когда охота. А барыня еще не вернулась съ репетиціи?—спросилъ Рамзановъ.

— Нѣтъ-съ. Нынче у нихъ генеральная, а это значитъ самая длинная.

— Превосходно,—тономъ человѣка, пользующагося отличнымъ настроеніемъ духа, сказалъ Рамзановъ.—А Василій Васильевичъ гуляетъ?

— Гуляютъ. Что имъ больше дѣлать? Они рисовать не умѣютъ. А вы, Левъ Сергѣевичъ, очень хорошо рисуете,—одобрилъ Иванъ, заглянувъ въ этюдъ.

— Тебѣ нравится, Иванъ? Это очень пріятно.

— Искусно. Очень даже натурально,—сказалъ Иванъ.

— Вѣрю, что ты мнѣ не льстишь. Однако, Василій Васильевичъ нынче что-то загулялъ, обыкновенно онъ такъ долго не гуляетъ.

— Да скоро ужъ, надо полагать, придутъ. Какъ устанутъ,

такъ и придутъ. Василій Васильевичъ тяжеловаты, въ нихъ вѣсу я думаю, больше пяти пудовъ будетъ, а то и всѣ шесть, имъ не легко носить себя. Скоро придутъ.

— Очень хорошо, очень хорошо,—говорилъ Левъ Сергѣевичъ, ни на минуту не переставая писать этюдъ.—Ну, а эти молодцы, что утромъ приходили, больше не являлись?

— Нѣтъ, не были что-то. Должно быть, раздумали. Да вѣдь тутъ много народу шляется. Можетъ и совсѣмъ зря. Можетъ имъ васъ и не надо. Это бываетъ, что ежели человѣкъ знаменитъ, такъ къ нему всѣ лѣзутъ... Это ужъ такъ полагается. Вотъ прежде я въ звѣринцѣ служилъ...

— Что? Что-жъ ты тамъ дѣлалъ, въ звѣринцѣ?

— Надъ звѣрями надсматривалъ. Такъ тамъ, кромѣ звѣрей, былъ еще человѣкъ съ четырмя ушами. Уродъ, значитъ. Тоже знаменитый былъ. Такъ бывало изъ за него народъ такъ и претъ въ звѣринецъ. Звѣри то что, на нихъ посмотритъ да и отвернется, а этого самого четвероухаго такъ по цѣлымъ часамъ смотрѣли. Такъ вотъ станетъ куча народу, да и смотритъ ему въ ротъ, а онъ стоитъ передъ ними, да своими четырмя ушами гордится. Вѣдь вотъ: что кому Богъ дастъ на прокормленіе,— одному умъ, другому, ежели примѣрно женщинѣ, красоту, третьему силу, а вотъ для этого у Него, должно быть, ничего не нашлось, такъ Онъ ему пару ушей лишнихъ далъ. Вотъ народъ на него и глазѣлъ.

— Да ты что же это меня къ четвероухому приравниваешь?

— Нѣтъ, это я такъ, къ слову.

— Очень хорошо. Ну, иди съ Богомъ.

Лакей ушелъ, а Левъ Сергѣевичъ продолжалъ работать и насвистывать, и напѣвать и вообще обнаруживать признаки самаго лучшаго настроенія. Такъ прошло полчаса, наконецъ возвратился съ прогулки Василій Васильевичъ и тоже вошелъ въ комнату.

— А, Базиль,—воскликнулъ Левъ Сергѣевичъ, радуясь тому, что ему наконецъ помѣшали: этюдъ, какъ и самая дача, утопавшая въ зелени, порядочно ему надоѣли. Въ сущности ничего замѣчательнаго не было въ этой дачѣ. Она походила на всѣ остальныя, какъ двѣ капли воды, а ему показалась почему-то необыкновенно характерной.

Онъ положилъ на ящикъ палитру, а самый ящикъ отодвинулъ отъ себя и повернулся въ сторону вошедшаго Василія Васильевича.—Ну, что, хорошо погулялъ?

— Гуляю я, братъ, всегда хорошо. Это моя спеціальность. Всю жизнь, братъ, прогулялъ, и карьеру свою прогулялъ; могъ бы быть тайнымъ совѣтникомъ уже... Ну, да это наплевать. Но какимъ образомъ ты еще здѣсь?—спросилъ Кустянскій.

— А гдѣ же мнѣ быть то больше?—съ недоумѣніемъ воскликнулъ Левъ Сергѣевичъ.

— Какъ гдѣ? Мало ли гдѣ! Я, признаться, уже подумалъ, что прогулялъ тебя.

— Почему это прогулялъ? Я что-то тебя не понимаю нынче.

— Да вѣдь ты же собирался трехчасовымъ поѣздомъ въ Петербургъ удрать. Вотъ я и думалъ, что ты тамъ уже мчишься на поѣздѣ, и даже мысленно упрекалъ тебя за то, что ты не захотѣлъ проститься съ старымъ другомъ.

— Экій ты витія сдѣлался!..

— Да я всегда такой былъ... Я только не проявлялся изъ скромности. Ну, что же, раздумалъ, значитъ?

— Раздумалъ, братъ! — совершенно просто отвѣтилъ Левъ Сергѣевичъ.—Видишь ли, тутъ оказалось чудо, прелестный уголокъ... Посмотри, прямо изъ нашего окна видѣнъ. Мы съ тобою его почему то не замѣчали.

— Я то, положимъ, его замѣтилъ сразу. Но это оттого, что у меня было много свободнаго времени, а ты былъ занятъ по горло.

— Чѣмъ это?

— Ну, какъ чѣмъ? Ухаживаніемъ. Ты вѣдь все время ходилъ вокругъ да около Ольги Андреевны. Кавалеръ, иначе не можешь...

— Ну, ладно ужъ... Пожалуйста, оставь объ этомъ... Ты вотъ лучше посмотри, что за уголокъ и какъ мило я его набросалъ.

Кустянскій посмотрѣлъ въ окно, потомъ на этюдъ и похвалилъ.—Да, очень милый уголокъ. И главное—онъ умный. Знаетъ, когда именно обратить на себя твое вниманіе. Именно тогда, когда нужно помѣшать тебѣ уѣхать въ Петербургъ.

— Скажи пожалуйста, Базиль, когда ты перестанешь паясничать?—сказалъ Левъ Сергѣевичъ, впрочемъ, на этотъ разъ безъ всякаго раздраженія.

— А я вторымъ номеромъ послѣ тебя, Левъ,—сказалъ Кустянскій и вдругъ запѣлъ изображая трубный звукъ:—тпру-тпру-тр-у-рррруу...

— Что это ты такой сегодня жизнерадостный?—спросилъ Левъ Сергѣевичъ:— а? То все ходилъ мрачный, никакъ бывало его не разговоришь, а теперь даже пѣть сталъ.

— Ну, такъ, надоѣло быть мрачнымъ. Тпру-рururу... Скажи мнѣ, Левъ Сергѣевичъ...—заговорилъ Кустянскій,—только ты пожалуйста не подумай: это такъ, психологическое любопытство. Скажи мнѣ пожалуйста, когда, напримѣръ, ты дружишь съ человѣкомъ, скажемъ лѣтъ пятнадцать и у этого человѣка есть невѣста или просто такъ, женщина, къ которой онъ питаетъ нѣжныя чувства, и тебѣ вдругъ эта женщина понравилась и ты начинаешь отбивать ее у друга... Такъ вотъ скажи мнѣ, какое при этомъ ты ощущеніе испытываешь? Я вѣдь это такъ, психологически. Ты знаешь, я всегда былъ любознателенъ: такъ какое ощущеніе? Должно быть преподлое?..

— Гм...—произнесъ Левъ Сергѣевичъ, оставивъ свою работу съ ящикомъ, который онъ приводилъ въ порядокъ:—а скажи мнѣ въ свою очередь, Василій Васильевичъ, какое ты переживаешь ощущеніе, когда, вмѣсто того, чтобы сказать что нибудь прямо и при томъ старому другу, съ которымъ ты друженъ лѣтъ пятнадцать, ты начинаешь этакъ вилять съ подходцемъ, да еще язвительнымъ, ядовитымъ, а? Объясни-ка мнѣ это?

— Этого, братъ, объяснить я не могу,—отвѣтилъ Кустянскій:— ужъ это мой жанръ.

— А-а... Ну, такъ и я скажу: это и мой жанръ,—промолвилъ Левъ Сергѣевичъ.

— Отбивать женщину у закадычнаго вѣрнаго друга? Миленькій жанръ, нечего сказать.

Тутъ ужъ Левъ Сергѣевичъ слегка вспыхнулъ. — Да скажи ты, наконецъ, прямо,—воскликнулъ онъ:—она тебѣ нравится? Ты ее еще любишь? У тебя есть на нее виды? Скажи это, и я сейчасъ же пойду прочь...

— О, что ты, голубчикъ, что ты,—отмахиваясь обѣими руками, сказалъ Кустянскій: — я же тебѣ сказалъ, что это чисто психологическое любопытство. Нѣтъ, братъ, я не созданъ для любви, въ этомъ я убѣдился.

Вошелъ Иванъ съ необыкновенно таинственнымъ лицомъ. Онъ приблизился къ Рамзанову и сказалъ пониженнымъ голосомъ:— васъ, Левъ Сергѣевичъ, какая-то дама желаетъ видѣть.

— Дама?—съ удивленіемъ спросилъ Рамзановъ:—это утренняя, что-ли?

— Нѣтъ, это будетъ совсѣмъ другая, они тамъ, въ садикѣ, и очень торопятся, они говорятъ, что желаютъ непремѣнно сію минуту... И по виду такъ кажется, будто дѣло у нихъ важное.

— Странно, странно!—говорилъ Левъ Сергѣевичъ.—Кто же это можетъ быть. Здѣсь у меня знакомыхъ нѣтъ... Не понимаю, не понимаю...

— Ну, какая нибудь поклонница,—сказалъ Кустянскій,—просто-напросто желаетъ выразить тебѣ свой восторгъ.

— Но почему же такая спѣшность? Почему это можетъ быть такимъ важнымъ дѣломъ?

— А какъ же? Восторгъ, братъ, дѣло нетерпящее. Знаешь, на этихъ восторженныхъ психопатокъ находитъ особый родъ вдохновенія и они тогда ужъ лѣзутъ, какъ мухи на медъ...

— Но вѣдь не могу же я принять ее въ такомъ видѣ. Посмотри, я въ тужуркѣ.

— Ахъ, голубчикъ, чѣмъ небрежнѣе ихъ принимаютъ, тѣмъ больше они это цѣнятъ...

Левъ Сергѣевичъ подумалъ съ минуту, и затѣмъ сказалъ Ивану. — Ну, что-жъ, проси. Не нравится мнѣ это. Нигдѣ нельзя уединиться.

Иванъ ушелъ, а Василій Васильевичъ, только что было усѣвшійся на диванѣ, поднялся.—Ну, я здѣсь торчать не буду,—сказалъ онъ и затѣмъ фальшивымъ голосомъ пропѣлъ на мотивъ Мефистофеля: «Я не стану мѣшать разговорамъ любви»... И съ пѣніемъ ушелъ въ сосѣднюю комнату.

Левъ Сергѣевичъ оправилъ пиджакъ и галстухъ. На сердцѣ у него почему-то было неспокойно. Онъ чувствовалъ, что это не поклонница и только не успѣлъ признаться себѣ въ этомъ,—но гдѣ то въ далекомъ уголкѣ его мозга была мысль о томъ, что этотъ визитъ имѣетъ отношеніе къ его Петербургскому дому. И когда на порогѣ появилась Людмила Михайловна, онъ почти не былъ изумленъ. Какъ будто это такъ и должно было случиться?

— Люда, Боже мой!..—воскликнулъ онъ,—что это значитъ?

И видя, что она взволнована и нетвердо держится на ногахъ, онъ бросился къ ней и поддержалъ ее.

X.

— Погоди... Сейчасъ объясню... Я слишкомъ взволнована,— прерывистымъ тихимъ голосомъ говорила Людмила Михайловна.

— Голубчикъ мой, присядь...—успокоивалъ ее Левъ Сергѣевичъ, усаживая въ кресло. — Ахъ, я предчувствовалъ какое то несчастье!

Людмила Михайловна посмотрѣла на него глубоко печальными глазами:—да, ты правъ,—промолвила она,—это настоящее несчастье, Левъ Сергѣевичъ.

— Но что же случилось? не мучай же ты меня. Что нибудь съ дѣтьми, съ домомъ? Я здѣсь сижу, ничего не знаю, мнѣ никто не написалъ ни строчки.

— Куда же писать тебѣ? Неужели ты этого не понимаешь?.. Погоди, я сейчасъ все разскажу... Сегодня съ утра дѣти собрались съ Петей и уѣхали на Иматру, они давно собирались туда, ты вѣдь знаешь... Я ничего противъ этого не имѣла... Я отпустила ихъ

— И съ ними произошло несчастье? Крушеніе поѣзда? Ну, говори же скорѣе... Я съ ума сойду.

— Нѣтъ, не то... Въ три часа дня я получила отъ нихъ телеграмму отсюда. Они пишутъ, что обманули, поѣхали не на Иматру, а сюда, чтобъ сдѣлать тебѣ пріятный сюрпризъ.

— Какъ? Значитъ, они здѣсь?

— Да, конечно... Видишь ли, Петя уговорилъ ихъ, онъ давно уже возмущенъ твоимъ поведеніемъ, и давно хотѣлъ, чтобы они узнали объ этомъ. Онъ думаетъ, что это можетъ измѣнить тебя... Какое заблужденіе. И этого не должно быть. Слышишь, Левъ Сергѣевичъ? Если ты дорожишь хоть сколько нибудь нашими отношеніями, каковы бы они ни были, если ты хочешь сохранить хоть призракъ семьи, ты сдѣлаешь такъ, чтобъ этого не было.

— Постой, постой...Разумѣется, это надо сдѣлать... Но какъ же, какъ я сдѣлаю это, если они уже здѣсь? Я теряюсь... У меня голова кругомъ идетъ... Я ничего не могу придумать.

— Какъ хочешь, какъ хочешь...—торопливо, съ величайшимъ

волненіемъ говорила Людмила Михайловна, какъ бы боясь, что вотъ-вотъ войдутъ дѣти и все узнаютъ:—какъ хочешь... Я не знаю... Но ты долженъ это сдѣлать. Выдумать что нибудь... Ты такъ хорошо умѣешь это дѣлать. Если они придутъ, не принять ихъ, уѣхать сейчасъ... Не знаю какъ... Это твое дѣло. Это ты долженъ взять на себя... У меня ужъ голова не работаетъ.

— Ты какъ то странно говоришь, Люда,—промолвилъ Левъ Сергѣевичъ, видя, что лицо ея какъ то необыкновенно сурово и что она даже не смотритъ на него.—Ты никогда такъ не говорила со мной.

— Да, я заговорила, наконецъ,—отвѣтила Людмила Михайловна:—пришло время и мнѣ говорить.

— Ахъ, Люда... это правда. Въ самомъ дѣлѣ, въ самомъ дѣлѣ, ты слишкомъ много прощала мнѣ.

— Прощала?—съ какой-то горькой усмѣшкой воскликнула Людмила Михайловна.—О, какъ ты мало уважалъ меня, если думалъ, что я могла простить... И при томъ ты, такъ много встрѣчавшій въ своей жизни женщинъ, совсѣмъ не знаешь женщины. Ты оскорблялъ меня каждый день, каждый часъ, предпочитая мнѣ первую попавшуюся женщину... Ты оскорблялъ меня даже этими остатками ласки, которые дарилъ мнѣ, когда, наскучивъ какимъ нибудь мимолетнымъ увлеченіемъ, возвращался для отдыха домой... И ты думалъ, что это можно простить?.. Нѣтъ, ты ошибался, я ничего не прощала тебѣ, Левъ Сергѣевичъ. Ты глубоко ошибаешься... Ты ошибаешься, какъ эгоистъ, думающій только о себѣ...

— Но какъ же, Люда, постой... Я не понимаю. Я какъ въ чаду... Значитъ, ты... Ты говорила мнѣ неправду?..

— Ты пойми: я терпѣла, да,—говорила Людмила Михайловна:—переживая страшныя муки обиды, самой большей обиды, какую только могутъ нанести женщинѣ, я терпѣла ради дѣтей. Кромѣ дѣтей, у меня ничего не было, и я готова была для нихъ претерпѣть все. Я дрожала при мысли, что они могутъ узнать это и перестанутъ уважать своего отца. Это былъ бы для нихъ ударъ, который въ эти годы оставляетъ глубокіе слѣды въ душѣ на всю жизнь... Теперь ты понимаешь изъ за чего я терпѣла: я хотѣла сохранить для нихъ семью, для нихъ, только для нихъ, потому что для меня этой семьи уже не было, послѣ первой твоей измѣны. И какъ ты могъ думать, что я иначе отношусь къ этому,

зная мои взгляды на чувства, на семью, на отношенія мужа и жены?.. Да, ради этого я запиралась въ своей комнатѣ, когда слезы подступали къ горлу, ради этого я заставляла себя смѣяться, когда сердце сжималось отъ боли. Ради этого, Левъ Сергѣевичъ,— и ты долженъ это знать теперь,—ради этого я дошла до такого униженія, что принимала твое раскаяніе и даже любовь, когда въ душѣ кипѣло негодованіе... Ахъ, да не время теперь сводить намъ счеты, мы должны торопиться... Каждую минуту можетъ произойти катастрофа. Мы должны беречь эту тонкую нитку, на которой еще держится наша семья—для дѣтей... Одно неосторожное движеніе и эта нитка порвется и тогда все кончено. Вѣдь если они придутъ сюда, то непремѣнно узнаютъ, что никакой работы здѣсь у тебя нѣтъ и что ты лгалъ и передо мной, и передъ ними. Подумай, Левъ Сергѣевичъ, они такъ еще молоды и такъ вѣрятъ въ добро, и какимъ глубокимъ разочарованіемъ омрачится ихъ жизнь!.. Подумай о нихъ хоть разъ въ жизни, серьезно подумай... И уѣзжай скорѣй, не теряй ни минуты. Пусть это будетъ похоже на бѣгство, потомъ что нибудь придумаешь, какъ нибудь солжешь лишній разъ. Я умоляю тебя объ этомъ... Это единственный случай, когда твоя ложь будетъ полезна.

Левъ Сергѣевичъ казался глубоко подавленнымъ ея рѣчами. Онъ видимо растерялся и плохо владѣлъ собой. Онъ ходилъ по комнатѣ, какъ то странно размахивалъ руками и говорилъ какъ-бы про себя:—Да, да, это настоящее горе. Но что-же дѣлать? Что-же мнѣ дѣлать? постой... Ты говоришь, они уѣхали утромъ?

— Да, утромъ. Поѣздъ на Иматру долженъ былъ отойти въ девять часовъ.

Къ этому поѣзду они торопились.

— Значитъ, около одиннадцати часовъ они могли быть здѣсь! Какъ ты думаешь?

— Да, вѣроятно.

— Постой, постой... Какая ужасная мысль!.. Такъ, можетъ быть, уже все непоправимо?

— Что это значитъ?—тревожно спросила Людмила Михайловна.

— Ну, да, да,—говорилъ Левъ Сергѣевичъ, не отвѣчая на ея вопросъ.—Теперь я понимаю. Какъ разъ въ это время здѣсь на дачѣ были и спрашивали меня молодой человѣкъ, пожилой господинъ и дама, меня не было дома. Но вѣдь это же они, это

ясно, какъ день. Они даже заходили въ дачу и, конечно, видѣли вотъ это...

Онъ указалъ глазами на начатый портретъ Ольги Андреевны. Людмила Михайловна тоже мелькомъ взглянула на портретъ.

— Боже!—воскликнула Людмила Михайловна,—неужели же они поняли? Неужели Петя добился своего? Если-бъ онъ зналъ, чѣмъ это будетъ для меня, онъ не сдѣлалъ бы этого.

И она вынула изъ кармана платокъ и поднесла его къ глазамъ.

— Люда, ради Бога, не волнуйся такъ,—промолвилъ Левъ Сергѣевичъ и, подойдя къ ней, взялъ ее за руку.

Людмила Михайловна оттолкнула его.—Нѣтъ, пожалуйста оставь меня... Оставь... Если я опоздала, то это ужасно, ужасно...

Левъ Сергѣевичъ вдругъ выпрямился и началъ прислушиваться. За дверью, повидимому еще въ садикѣ, слышались голоса. Можно было явственно различить слова.

— Извините-съ, у нихъ гости,—говорилъ Иванъ.—Никакъ нельзя безъ доклада. Я долженъ доложить объ васъ.

— Да вѣдь я тебѣ говорю, что насъ во всякомъ случаѣ примутъ,—отвѣчалъ мужской голосъ, въ которомъ Левъ Сергѣевичъ почти узнавалъ голосъ Алексѣя.—Ну, хорошо, вотъ карточка.

Людмила Михайловна вдругъ всполошилась и быстро поднялась.—Это Алеша. Я не могу видѣть вашей встрѣчи... Куда мнѣ уйти? Я могу туда?—спросила она, указавъ направо, гдѣ была дверь.

Левъ Сергѣевичъ подумалъ и постарался вспомнить, куда ушелъ Кустянскій. Онъ припомнилъ, что тотъ ушелъ въ свою комнату, налѣво.—Да, да, тамъ никого нѣтъ,—машинально сказалъ онъ.

Людмила Михайловна сдѣлала шагъ, но затѣмъ остановилась.

— Левъ Сергѣевичъ,—твердо и строго сказала она:—ты долженъ знать, что если дѣтямъ стало извѣстно то, что я съ такой мукой прятала всю жизнь, когда скрывать этого больше не будетъ надобности,—намъ незачѣмъ жить вмѣстѣ.

— Люда, Люда, что ты говоришь?—воскликнулъ Рамзановъ.—Неужели же ты рѣшишься? Я не могу повѣрить...

— Нѣтъ, этому ты повѣрь, это такъ будетъ. И если ты умѣлъ обманывать ихъ всю жизнь, то собери всѣ силы, чтобы теперь

также скрыть отъ нихъ правду. На этотъ разъ я прошу тебя объ этомъ.

Въ это время вошелъ Иванъ. Людмила Михайловна больше не сказала ни слова и ушла въ сосѣднюю комнату. Левъ Сергѣевичъ взялъ у Ивана карточку, но даже не взглянувъ на нее, сказалъ:—проси ихъ, проси...

Съ полминуты прошло, пока гости вошли въ комнату, но эти полминуты показались Льву Сергѣевичу цѣлой вѣчностью адскихъ мукъ. Онъ совсѣмъ не былъ готовъ къ этой встрѣчѣ. И когда Алексѣй и Наташа вошли и остановились на порогѣ, Рамзановъ стоялъ у окна въ какой то выжидательно смущенной позѣ и не двинулся имъ на встрѣчу.

Молодые люди молчали. У Наташи было блѣдное лицо и какіе то странные, точно испуганные глаза.

— Папа... Что-жъ это значитъ?..—промолвилъ Алексѣй...—Значитъ, все, все это правда?

— Что-жъ вы слышали? Что вы знаете?—спросилъ Левъ Сергѣевичъ, подойдя къ нимъ и не зная какъ вести себя.

— Мы знаемъ все,—отвѣтилъ Алексѣй.—Мы надѣялись услышать отъ тебя одно слово:—«Клевета»... Но ты не говоришь его... Что-жъ, значитъ мы должны вѣрить...

— Ну, что-жъ,—совершенно обезсиленный, опускаясь въ кресло, сказалъ Левъ Сергѣевичъ.—Казните меня, я покорно выслушаю всѣ ваши упреки.

Наташа чуть слышно вскрикнула, опустилась на стулъ и закрыла лицо руками, но Алексѣй хорошо владѣлъ собой. Повидимому, онъ очень много думалъ и хорошо обдумалъ свои слова. Онъ подошелъ поближе къ отцу. Онъ говорилъ голосомъ мягкимъ, безъ повышеній, какъ будто стараясь чтобы никто посторонній его не слышалъ.

— Упреки? Ты сказалъ—упреки? Но ты очень хорошо знаешь, что не услышишь отъ насъ ни одного. Только одинъ, папа, только одинъ, и то не за насъ, а за маму... Ты заставлялъ насъ быть несправедливыми къ ней... Въ то время какъ она страдала отъ постоянныхъ оскорбленій, скрывая отъ насъ причину своего горя, въ то время какъ она прятала отъ насъ свои слезы, мы объясняли эти неровности дурнымъ характеромъ, неуживчивостью, капризами и въ душѣ сочувствовали тебѣ. Мы всегда обвиняли ее,

мы считали ее несправедливой. Мы жалѣли не ее, а тебя. Мы слишкомъ вѣрили въ тебя. Ты въ нашихъ глазахъ былъ высшимъ идеаломъ, совершенствомъ... Мы не умѣли даже думатъ о тебѣ дурно... Что-жъ мы теперь скажемъ ей...

Левъ Сергѣевичъ слушалъ все это, опустивъ голову, а когда Алексѣй остановился, онъ поднялъ голову и взглянулъ на дочь, которая сидѣла у стѣны закрывъ лицо руками.

— Наташа...—дрожащимъ голосомъ, какъ человѣкъ глубоко виноватый и сознавшій свою вину, промолвилъ онъ:—а ты молчишь... Ты даже не хочешь глядѣть на меня...

Наташа опустила руки и какими то смутными глазами посмотрѣла на него.

— Что я могу сказать тебѣ, папа? Я узнала сегодня, что въ жизни нѣтъ ничего прочнаго. Я всегда думала, что наша семья дружная, тѣсная, и вдругъ это оказалось сказкой...

— Да неужели же, дѣти, вы никогда не простите мнѣ этого?— разбитымъ умоляющимъ голосомъ воскликнулъ Рамзановъ.

— Я всю жизнь буду страдать за маму,—тихо сказала Наташа.

— Но если я поклянусь моей любовью къ вамъ, любовью, въ которой вы не можете сомнѣваться, что отнынѣ это никогда больше не повторится, что я буду весь принадлежать вамъ и только вамъ.

— Ахъ, папа,—сказалъ Алексѣй укоризненно качая головой,— да неужели же ты думаешь, что мы можемъ хоть каплю меньше любить тебя...

Левъ Сергѣевичъ быстро вскочилъ съ мѣста.—Но если такъ, такъ отъ васъ все зависитъ... Только вы можете умолить вашу мать, чтобы она смягчилась... Меня она не хочетъ слушать...

— Какъ? Развѣ мама здѣсь?—воскликнула Наташа и встала.

— Да. Она получила вашу телеграмму и сейчасъ же пріѣхала сюда; она надѣялась, что сумѣетъ какъ нибудь скрыть отъ васъ... Еще разъ скрыть... Но теперь она неумолима. Она сказала мнѣ, что больше жить со мной не будетъ. Она тамъ...

Наташа даже не дослушала его и быстро ушла въ ту дверь, на которую указалъ Левъ Сергѣевичъ. Алексѣй еще постоялъ съ минуту, какъ будто хотѣлъ что то сказать, но затѣмъ ушелъ вслѣдъ за сестрой. Левъ Сергѣевичъ сѣлъ въ кресло и опустилъ голову.

XI.

Василій Васильевичъ былъ невольнымъ свидѣтелемъ всей происшедшей сцены. Изъ его комнаты, которая примыкала къ гостиной, не было выхода. Онъ, если бы даже и хотѣлъ, не могъ не слышать того, что говорилось здѣсь. Дверь была плотно притворена, но онъ слышалъ все отъ слова до слова.

И когда онъ убѣдился, что другъ его остался одинъ, онъ тихонько пріотворилъ дверь и заглянулъ въ комнату. Левъ Сергѣевичъ, погруженный въ свои безнадежныя мысли, не замѣтилъ этого. Тогда Кустянскій вошелъ совсѣмъ и, подойдя къ Рамзанову, легонько потрепалъ его по плечу.—Ну, что Левъ?—тихо и мягко, хотя и не безъ ироніи, сказалъ онъ:—ранили тебя? Скрутило тебя, другъ сердечный!

Левъ Сергѣевичъ молчалъ и не поднималъ головы.

— Ахъ, ахъ, ахъ!..—продолжалъ Кустянскій,—не хотѣлъ бы я быть въ твоемъ положеніи.

— Ахъ, братъ, Базиль,—промолвилъ наконецъ Левъ Сергѣевичъ, качая головой—если-бъ ты зналъ, какъ мнѣ стыдно, стыдно, стыдно!

— Да, братъ,—согласился Василій Васильевичъ.—Это должно быть очень стыдно. Сколько, однако, жестокости у этого Петра Михайловича. Онъ могъ бы это сдѣлать немного полегче. Но зато ужъ дѣйствительно попалъ въ корень. Ну, что-жъ, голубчикъ мой, надо что нибудь дѣлать!—говорилъ онъ вполнѣ дружески, видимо желая принять участіе въ его судьбѣ.—Людмила Михайловна вѣдь не то, что мы съ тобой, она шутить не умѣетъ. Ну, что ты сидишь, опустивъ голову? Полно малодушничать. Вспомни, какіе мы съ тобой были всегда рѣшительные люди.

— Что-жъ мнѣ дѣлать, Базиль?—безпомощно спросилъ Левъ Сергѣевичъ.

— Ну, что-жъ дѣлаютъ въ такихъ случаяхъ? ступай къ ней, проси, умоляй, цѣлуй ноги, кайся...

— Не повѣритъ,—сказалъ Левъ Сергѣевичъ и махнулъ рукой.

— А ты такъ проси чтобъ повѣрила... Правда, ты сдѣлалъ все, чтобы она не вѣрила... Но, однако-жъ, нельзя же допустить, чтобы она исполнила свое обѣщаніе. Видишь ли, я невольно слы-

шалъ всю эту исторію: она сказала это не тѣмъ тономъ, которымъ шутятъ.

Левъ Сергѣевичъ поднялъ голову и взялъ за руку Кустянскаго.

— Василій Васильевичъ, послушай, ты былъ мнѣ другомъ. Ты помогалъ мнѣ въ томъ, въ чемъ лучше было бы помѣшать. Но вотъ послѣдняя моя просьба: помоги мнѣ въ этомъ, проси ты за меня...

Кустянскій покачалъ головой.—Голубчикъ, ты кажется ужъ того... Помѣшался... Ахъ! Вѣдь этакія мысли! Я за тебя буду просить!.. Лиса попала въ засаду и волкъ за нее слезно проситъ: пустите, молъ, волчьей честью ручаюсь, что больше не будетъ... попадаться, а? Ха, ха... Нѣтъ, это, братъ, неудачно... Ужъ если тебѣ не повѣрятъ, то мнѣ и подавно. Я, братъ, здѣсь, хотя и закулисную роль игралъ, но все же довольно скверную.

— Ахъ, Базиль... Не шути ты такъ злобно, — промолвилъ Левъ Сергѣевичъ.—Видѣлъ ты меня въ разныхъ видахъ, Василій Васильевичъ, и красивымъ, и гнуснымъ, и безумствующимъ и кающимся. Но никогда ты меня не видѣлъ такимъ несчастнымъ... Какимъ-то холодомъ вѣетъ на меня отъ предстоящей жизни. Я вдругъ почувствовалъ себя старикомъ и такъ гадко, и такъ противно стало смотрѣть на самого себя. И все вѣдь это я заслужилъ и жаловаться мнѣ не на кого... Ну, сдѣлай, что хочешь... Придумай. Вѣдь былъ же ты хитеръ и находчивъ, когда тысячу разъ выручалъ меня изъ какой-нибудь...

— Мерзости?—перебилъ его Кустянскій,—да, на это у меня ума хватало. А тутъ, братъ, не умъ нуженъ, а простое довѣріе, а мы съ тобой злостные банкроты по этой части. Кто намъ повѣритъ? Да, Петръ Михайловичъ хватилъ черезъ край. Больно ужъ глубоко забралъ, корни обнажилъ. Я думаю, и самъ не ожидалъ такихъ послѣдствій. Вотъ что я тебѣ посовѣтую, Левъ Сергѣевичъ: все таки ты пойди и умоляй. Другого средства нѣтъ... Знаешь, я думаю, что Людмила Михайловна хоть и превратилась по твоимъ словамъ въ камень, но это тотъ камень, который легко ломается...

Левъ Сергѣевичъ какъ то встрепенулся, выпрямился, поднялъ голову и всталъ съ мѣста.—Пойду,—рѣшительно сказалъ онъ,—въ самомъ дѣлѣ пойду. Не можетъ же быть, чтобы у нея въ сердцѣ не нашлось для меня ничего. Что нибудь да осталось...

— Ну, вотъ, вотъ... Ты самъ вѣрь, а тамъ ужъ какъ нибудь справимся. Иди-ка, иди... А если ужъ будетъ крайняя необходимость, кликни меня. Я постараюсь тебѣ не напортить.

Но въ тотъ моментъ, когда Левъ Сергѣевичъ хотѣлъ было направиться къ двери, она отворилась и на порогѣ появилась Людмила Михайловна. Алексѣй и Наташа оставались въ комнатѣ, они были видны отсюда.

Нѣсколько секундъ Левъ Сергѣевичъ вглядывался въ ея лицо, какъ бы желая понять, съ какими намѣреніями она вошла. И вотъ ему показалось, что у нея мирныя цѣли. Онъ пошелъ къ ней.

— Люда,—сказалъ онъ,—неужели же ты не забудешь, не простишь?

Людмила Михайловна тихонько отрицательно покачала головой. Лицо у нея было строгое, глаза не обѣщали никакого послабленія.—Простить!...—съ какимъ то выраженіемъ горечи повторила она.—Ахъ, Левъ Сергѣевичъ, ты привыкъ играть словами, также какъ и людьми. Я не могу ни забыть, ни простить. Да этого и не нужно тебѣ. Тебѣ вѣдь только надо, чтобы не было перемѣнъ. Самъ ты любишь мѣнять свои вкусы и привязанности, но требуешь, чтобы кругомъ тебя все шло мирно, гладко и спокойно. Да, я ошибалась. Когда я сказала тебѣ, что никогда больше не стану жить съ тобой, я ошибалась. Я думала о дѣтяхъ, но не расчитала, какое страшное для нихъ горе было бы лишиться семьи. И только ради нихъ—запомни это твердо, Левъ Сергѣевичъ,—только ради нихъ я остаюсь.

— О,—съ восхищеніемъ воскликнулъ Рамзановъ.—Мнѣ только это и надо, а остальное... остальное я заслужу. Спасибо дѣткамъ. Ну, теперь... теперь клянусь вамъ всѣмъ, что только есть святого..

— Стой, стой, голубчикъ,—энергическимъ жестомъ остановилъ его Кустянскій.—Лучше не клянись. Клятва это тотъ же вексель, а ты не забывай, что ты банкротъ... А векселя банкротовъ ходятъ по очень низкой цѣнѣ. Ты лучше такъ скажи: простите, молъ, больше не буду, да и только.

— Вотъ это правда,—съ чуть-чуть прояснившимся лицомъ сказала Людмила Михайловна.

Левъ Сергѣевичъ взялъ ея руку и поцѣловалъ. — Ну, пусть будетъ правда. Такъ вотъ я и говорю: не буду, не буду, не буду.

Да и можно ли въ этомъ сомнѣваться, когда у меня теперь такіе строгіе судьи? Вонъ они сидятъ въ той комнатѣ и даже не хотятъ показаться сюда,—прибавилъ онъ, указывая на Алексѣя и Наташу. Молодые люди пододвинулись и остановились около двери, но оба молчали. Вообще въ этотъ моментъ почувствовалось, что тяжелая исторія кончилась, и каждому хотѣлось, чтобы произошло что нибудь новое, чтобы больше объ ней не было рѣчи. Съ полминуты всѣ молчали. Кустянскій, который былъ здѣсь постороннимъ наблюдателемъ, почувствовалъ это лучше другихъ и рѣшилъ взять на себя роль обновителя этого настроенія.

— Ну, господа,—сказалъ онъ, нѣсколько возвысивъ голосъ.— Теперь слово принадлежитъ мнѣ. И такъ, наконецъ то Льва посадили въ клѣтку. И вы не можете себѣ представить, какъ я этому радъ! И знаете-ли почему. Потому что теперь... Теперь и я, наконецъ, получаю возможность жениться.

— Что-о? Ты женишься?—съ глубокимъ недовѣріемъ спросилъ Левъ Сергѣевичъ.

— А почему же нѣтъ? Ты думаешь мнѣ не хочется завести свой уголокъ, свой тепленькій домашній очагъ? или можетъ быть ты находишь, что мнѣ это поздно? Нѣтъ, братъ, это никогда не поздно: при томъ же вотъ ты пожалуй только съ сегодняшняго дня дѣлаешься настоящимъ семьяниномъ, ну и я сдѣлаю тоже самое...

— Да на комъ же ты женишься? Вотъ загадка!.. Этого я никакъ не могу себѣ представить.

— Ну, это потому, что слишкомъ ужъ недогадливъ. Да вотъ и разгадка въ двадцати шагахъ,—прибавилъ онъ и подошелъ къ двери и растворилъ ее. Отсюда черезъ террасу видѣнъ былъ весь садикъ. Ольга Андреевна неподалеку отъ маленькой дачи ходила по узенькимъ дорожкамъ и подрѣзала цвѣты.—Вонъ, посмотри,— продолжалъ Василій Васильевичъ, — тамъ мелькаетъ таинственная тѣнь, но мы сейчасъ эту тѣнь потревожимъ... Ольга Андреевна!— кликнулъ онъ громко.

Ольга Андреевна повернула голову въ сторону дачи и спросила:—Что вамъ?

— Идите-ка сюда на минутку. Важное, неотложное дѣло. Требуются отъ васъ свидѣтельскія показанія.

— Сейчасъ. Погодите минутку, — откликнулась Ольга Андреевна.

— Такъ это она?—воскликнулъ Левъ Сергѣевичъ.—Какой же ты хитрый, Василій Васильевичъ... Прямо поразительно! Такъ это она!

— Да, братъ, она, гм... Не ожидалъ? Вотъ сейчасъ мы ее покажемъ.

Онъ на секунду вышелъ на террасу, взялъ за руку Ольгу Андреевну, которая поднялась уже туда и съ комической торжественностью ввелъ ее въ гостиную.

— Ольга Андреевна, позвольте вамъ представить моихъ друзей,—сказалъ онъ.—Ну, да вы, впрочемъ, всѣхъ ихъ знаете.

— Конечно, знаю и очень рада, что могу познакомиться съ ними... И, что они будутъ моими гостями...

— Голубушка, говорите ужъ нашими. А вамъ, господа, позвольте представить мою невѣсту.

— Какъ? Развѣ это ужъ навѣрное?—спросила Ольга Андреевна и разсмѣялась.—Ахъ, господа,—прибавила она,—я вѣдь самая несчастная изъ невѣстъ. Пусть-ка вамъ это разскажетъ самъ Василій Васильевичъ.

При этомъ она пожимала руки своимъ новымъ знакомымъ и всѣмъ говорила любезности. А Василій Васильевичъ сѣлъ на подоконникѣ и началъ говорить комически-покаяннымъ тономъ.

— Да, и разскажу. Коли каяться, такъ ужъ всенародно. Надо вамъ знать, господа, что мы съ Ольгой Андреевной—старые престарые друзья и ужъ семь разъ собирались пожениться, хотя она и утверждаетъ, что восемь,—прибавилъ онъ, на секунду повернувъ къ ней голову.—И причина нашихъ неудачъ была эта безпримѣрная въ исторіи человѣчества дружба, благодаря которой я... какъ бы вамъ это сказать... всякій разъ опаздывалъ къ сроку. Да, господа, обыкновенно бываетъ такъ, что счастье убѣгаетъ отъ человѣка, а мы съ Львомъ Сергѣевичемъ сами стремительно убѣгали отъ счастья, и наконецъ оно таки насъ настигло... Да и дураки же мы съ тобой были, Левъ Сергѣевичъ, какъ ты находишь?

— Да, преизрядные,—откликнулся Рамзановъ.

— Что-жъ въ качествѣ таковыхъ намъ остается только подать другъ-другу руку... И болше ни-ни?

— Ни-ни,—отвѣтилъ Рамзановъ.

— Послѣдняя шалость?

— Послѣдняя, братъ.

— А знаете, господа, чему вы обязаны вашимъ счастьемъ?— сказала Свѣтланова, повернувъ къ нимъ голову.

— Чему же именно?—спросилъ Кустянскій.

— Женской слабости. Да, если бы мы не были слабы и поступали бы съ вами иначе...

— Да,—сказала Людмила Михайловна,—ихъ сила, это наша слабость.

— Господа, здѣсь душно, не пройти ли намъ въ садъ?—предложила Ольга Андреевна.

Всѣ охотно приняли предложеніе и вышли на террасу, потомъ начали спускаться въ садъ.

Рамзановъ взялъ Василія Васильевича подъ руку и шутливо сказалъ ему: — Послушай, однако, но какъ же наша дружба? Неужели ей суждено заглохнутъ!

— Помилуй, что ты!—возразилъ Василій Васильевичъ:—она только переродится въ дружбу добропорядочныхъ семейныхъ домосѣдовъ. Мы будемъ каждый день ходить другъ къ другу въ гости и по пяти часовъ кряду сидѣть за шахматами, тихонько прихлебывая чай съ ромомъ и, само собой, начнемъ стремительно толстѣть...

— Шахматы! по пяти часовъ!.. Какой ужасъ!—воскликнулъ Левъ Сергѣевичъ.

— А, мой милый, намъ съ тобой пора отдохнуть... Мы вѣдь устали, мы очень, очень устали.

Всѣ Рамзановы въ этотъ день обѣдали на дачѣ Свѣтлановой. Девятичасовымъ поѣздомъ вся семья отправилась въ Петербургъ.

Но дней черезъ десять всѣмъ имъ опять пришлось ѣхать изъ Петербурга по балтійской дорогѣ. Ольга Андреевна хотѣла отложить свадьбу до окончанія лѣтняго сезона, чтобы справить ее въ Петербургѣ, но Кустянскій ни за что на это не согласился. Онъ настоялъ, чтобы вѣнчаніе не откладывать и оно было устроено наскоро, самымъ скромнымъ образомъ. Кромѣ Рамзановыхъ и еще двухъ-трехъ мужчинъ, въ церкви никого не было.

„ДЕРЖИТЕ ВОРА!“

Лѣвой рукою докторъ прижималъ къ груди купленную лампу, а въ правой несъ тоненькую трость и весело помахивалъ ею. Походка у него была размашистая, свободная, какъ у всѣхъ людей, которые увѣрены въ себѣ и своемъ счастьѣ; голову онъ держалъ закинутой назадъ, и глаза его улыбались. Случалось, что докторъ толкалъ локтемъ кого-нибудь изъ прохожихъ, которыхъ было много на этой людной улицѣ, и тогда онъ особенно явственно и особенно ласково произносилъ:

— Извините, пожалуйста!

Прохожій, котораго толкнулъ докторъ, часто не слыхалъ извиненія или не обращалъ на него должнаго вниманія, но самому доктору оно было очень пріятно и всякій разъ вызывало любимую мысль о томъ, какъ выгодно быть добрымъ, любезнымъ и никого не обижать. Извиниться ничего не стоитъ, а есть люди, которые совершаютъ невѣжливости и никогда не извиняются, и ихъ никто не любитъ. И съ пріятнымъ сознаніемъ, что онъ добрый, и поэтому его любятъ всѣ: жена, знакомые и паціенты, докторъ шагалъ еще легче и еще крѣпче прижималъ къ груди покупку, въ которую также была заключена частица его доброты.

Лампа стоила недорого, всего двѣнадцать съ полтиной, но жена давно уже мечтала о ней и теперь, сидя дома, и не подозрѣвала, что мечта ея осуществлена. И попалась лампа хоть и дешевая, но очень хорошая: докторъ мысленно сравнивалъ ее со всѣми другими лампами, какія приходилось ему видѣть у своихъ знакомыхъ и у паціентовъ, и тѣ лампы были хуже. Въ нихъ не было ни изящества, ни той особенной симпатичности и привлекательности, какими отличалась эта, двѣнадцати-рублевая. Очень

красивая лампа имѣлась у Ивановыхъ—на высокомъ хрустальномъ стержнѣ, съ роскошнымъ абажуромъ,—но та стоила шестьдесятъ, а за такія деньги въ деревнѣ можно купить пару хорошихъ лошадей, не только что лампу. Были двѣ хорошія лампы у Потаниныхъ...

— Охъ!—вскрикнулъ докторъ отъ толчка и торопливо добавилъ:—извините, пожалуйста!

Толчокъ былъ такъ силенъ, что докторъ немного пошатнулся, но улыбка не сошла съ его устъ даже тогда, когда онъ вполнѣ разглядѣлъ толкнувшаго: это была простая баба, невысокая, худая и страшно суетливая. Бѣжала она, словно на пожаръ, и Александръ Павловичъ остановился посмотрѣть, какъ она разбрасываетъ на ходу прохожихъ.

— Ай да баба!—похвалилъ онъ ее вслухъ, но потомъ вспомнилъ, что баба могла выбить у него изъ рукъ лампу и разбить ее, и разсердился.

— Сумасшедшая! на людей бѣжитъ... Но, можетъ быть, у нея кто-нибудь боленъ?

Отъ послѣдней мысли Александру Павловичу стало жаль бабу, и онъ снова развеселился, но сдѣлался осторожнѣе и внимательнѣе, и говорилъ уже не «извините, пожалуйста», а просто «извините».

— Довольно съ нихъ и этого,—думалъ онъ.

Уже надвигались осеннія раннія сумерки, и какъ это всегда бываетъ въ сумеркахъ, ближайшіе предметы видѣлись съ большею отчетливостью, глазъ легко различалъ всякую подробность и мелочь, но вдали все сливалось въ черныя и сѣрыя пятна. Дождя днемъ не было, не было и вѣтра, и соръ въ углубленіяхъ мостовой лежалъ неподвижно и тихо; возлѣ самой панели валялась пустая коробка отъ папиросъ, ярко бѣлѣя своими боками и вызывая странныя мысли о томъ, кто былъ человѣкъ, выкурившій ее, и гдѣ онъ теперь. Кое-гдѣ въ магазинахъ засвѣтились огни, улица стала непривѣтной и холодной, и въ неумолкающемъ грохотѣ ея послышались нотки усталости и безпокойной жалобы.

Докторъ крупно набавилъ шагу, молча толкая самъ и молча принимая толчки. Лицо его стало серьезнѣе, но въ головѣ у него проходили все тѣ же радостныя мысли: о женѣ и ребенкѣ, о томъ времени, когда въ кабинетѣ у него будетъ каминъ; и онъ

будетъ сидѣть и грѣться у камина. Толково и основательно докторъ перечислилъ все, что было пріобрѣтено для дома въ послѣдній годъ. Пріобрѣтено много. Заново обставленъ весь кабинетъ: письменный столъ, кушетка и книжный шкафъ. Куплена гостиная мебель, куплена она дешево, по случаю, но выглядитъ, какъ новая и дорогая. Выписанъ, кромѣ того, журналъ «Врачъ» и другой толстый журналъ, такъ какъ Александръ Павловичъ всегда интересовался литературой и признавалъ за ней значеніе воспитательное. Для жены сдѣлано новое осеннее пальто съ золотымъ галуномъ, а для ребенка нанята нянька. А вотъ теперь лампа—очень дешевая, но красивая лампа.

До дому оставалось уже недалеко, когда на противоположной сторонѣ улицы сильнѣе закопошилось черное пятно прохожихъ, и изъ него послышались неясные крики. Люди толкались, казалось, на одномъ мѣстѣ, двигали безпорядочно руками и что-то кричали. За грохотомъ улицы словъ разобрать было невозможно, но въ повышенномъ тонѣ голосовъ звучало безпокойство и странная злоба—странная, потому что въ ней чувствовалась радость. На улицѣ всѣ становятся любопытны, и докторъ остановился, напряженно вглядываясь въ колышащуюся и быстро наростающую массу.

— Что бы это такое было?—догадывался онъ.

Внезапно черное пятно яростно завозилось, загрохотало громче, чѣмъ улица, и все разомъ быстро тронулось въ одну сторону, расплываясь и выкидывая изъ себя отдѣльныхъ бѣгущихъ людей. И ясно выдѣлилась одна громкая и отчетливая фраза:

— Воръ! Держите вора!

Впереди всѣхъ, не особенно быстро, какъ показалось Александру Павловичу, бѣжалъ невысокій человѣкъ, ловко и спокойно лавируя между встрѣчныхъ,—повидимому, воръ.

— Если онъ будетъ бѣжать все такъ же вдоль улицы, то его поймаютъ. Ему бы свернуть сюда, въ переулокъ,—подумалъ докторъ про длинный и глухой переулокъ, открывавшійся въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него. И когда воръ, точно услышавъ его мысли, свернулъ съ панели и бросился черезъ улицу, прямикомъ на доктора, онъ обрадовался—и тотчасъ же болѣзненно сморщилъ лицо. Поверхъ голосовъ преслѣдующей толпы выдѣлился и словно

пронзилъ воздухъ острый, высокій свистъ. Непрерывный, рѣзкій, проходилъ онъ сквозь темную стаю звуковъ, какъ длинное сверкающее лезвіе, и было страшно его слушать, и холодною, неумолимой жестокостью вѣяло отъ него. Въ самую глубину души проходилъ онъ, и хотѣлось бѣжать самому, махать руками, кричать, что-то дѣлать безумное и злое. И еще свистъ, и еще; цѣлый десятокъ ртовъ выпускалъ острыя, змѣящіяся стрѣлы, и жадно взывала разноголосая толпа.

— Держите вора!—вопила толпа, и острый свистъ, еще болѣе разросшійся, сверлилъ и терзалъ мозгъ. Преслѣдуемый уже подбѣгалъ къ доктору, и хотя это была всего одна секунда, докторъ успѣлъ съ поразительной ясностью разсмотрѣть его лицо. Оно было молодое, съ тоненькими, свѣтлыми усиками и такое простое и обыкновенное въ своемъ выраженіи, какъ будто человѣкъ этотъ вовсе не спасался отъ погони, а дѣлалъ какое-то простое и неважное дѣло. Вмѣсто бороды у вора были рѣдкія желтенькія пушинки, и выглядывали онѣ съ своего мѣста просто, смирно и даже немного скучно, напоминая о чемъ-то далекомъ отъ улицы съ ея жестокимъ свистомъ и безпощадной травлей.

Нерѣшительно, какъ человѣкъ, который еще самъ въ точности не знаетъ, какъ онъ намѣревается поступить, Александръ Павловичъ сдѣлалъ полшага на встрѣчу бѣгущему и слегка приподнялъ и растопырилъ руки, въ одной изъ которыхъ оставалась завернутая въ бумагу лампа. Съ разбѣгу воръ ударился о его грудь, охнулъ всѣмъ нутромъ, вышибъ изъ рукъ лампу и, отбросивъ въ сторону самого доктора, побѣжалъ дальше. Но уже въ слѣдующую секунду въ воротъ его впилась желѣзная рука.

— Стой, каналья! не уйдешь!—проговорилъ сквозь зубы докторъ и сильно встряхнулъ его. Воръ попробовалъ рвануться, но тотчасъ понялъ безполезность попытки: онъ былъ невысокій, тщедушный, почти юноша, а докторъ высокій, сильный и, какъ показалось вору, свирѣпый. И онъ сразу успокоился. Дышалъ онъ часто, коротенькими и не глубокими вздохами, и тихо попросилъ:

— Пустите!

— Какъ бы не такъ!—отвѣтилъ докторъ и сильнѣе закрутилъ воротъ. Лицо юноши краснѣло, воротъ видимо душилъ его, и, шевельнувъ болѣзненно плечами, онъ хрипло сказалъ:

— Вѣдь больно же! Пустите!

Александръ Павловичъ немного отпустилъ, и такъ молча стояли они и разсматривали другъ друга съ необыкновеннымъ любопытствомъ, прямымъ, спокойнымъ и властнымъ. Быть можетъ, когда-нибудь они встрѣчались въ толпѣ и проходили мимо, не видя другъ друга, но теперь одинъ изъ нихъ былъ пойманный воръ, а другой—человѣкъ, который поймалъ его, и это крѣпко и странно соединило ихъ. Доктору казалось, что первый разъ въ жизни видитъ онъ человѣческую физіономію и впервые понимаетъ, что такое глаза, носъ и губы. И когда онъ понялъ, что такое глаза, носъ и губы, они представились ему такими милыми, простыми и жалкими въ своихъ потребностяхъ видѣть, дышать и цѣловать, что ему захотѣлось ласково погладить ихъ рукой. И пушинки на подбородкѣ желтѣли все также мирно, по-домашнему, и при взглядѣ на нихъ доктору сдѣлалось безконечно грустно и еще болѣе жалко,—и въ эту же минуту съ загадочной и непередаваемой ясностью почувствовалъ онъ, какъ чужую, свою правую руку, которою держалъ вора. Отъ плеча до стиснутыхъ пальцевъ чувствовалъ онъ ее и мучился желаніемъ снять, но она была какъ деревянная, и съ виду все также спокойно лежала на шеѣ человѣка съ пушинками.

— Что же ты молчишь?—просительно сказалъ докторъ.

Воръ, не отрываясь взглядомъ, быстро отвѣтилъ:

— А что же я буду говорить?

И опять они замолчали. И уже не только руку, но всего себя почувствовалъ докторъ: почувствовалъ глаза, какъ они глядятъ, почувствовалъ платье, облекающее тѣло, и папиросы въ лѣвомъ карманѣ пальто. Какъ будто мозгъ его расплылся по всему тѣлу и всякая частица тѣла стала глазами и умомъ, и не нужно было глядѣть и думать, чтобы отъ головы до ногъ увидѣть себя и почувствовать. И не только себя, но и вора почувствовалъ онъ также ясно и странно, словно оба они, и докторъ и воръ, были ему посторонніе, и словно оба они были онъ. Не глядя видѣлъ онъ вора съ опущенными руками и себя съ широко разставленными ногами и протянутой рукой, и эта поза была проста, и дика до ужаса: человѣкъ держалъ другого человѣка.

— Послушай!—началъ докторъ, но кончить ему не удалось. Грохочущей волной налетѣли преслѣдователи, закружили и разъ-

единили ихъ, затопили крикомъ, говоромъ и торжествующимъ смѣхомъ, ослѣпили сверканіемъ зубовъ и возбужденныхъ глазъ, и шумнымъ, болтливымъ потокомъ тронулись въ участокъ. И тогда все стало опять просто и понятно, и докторъ медленно сталъ припоминать лампу, извлекая представленіе о ней изъ какой-то глубокой дали, пока оно не сдѣлалось яснымъ, живымъ, почти осязаемымъ.

— Разбилась!—съ горемъ подумалъ Александръ Павловичъ,— а я даже кусковъ не посмотрѣлъ.

Онъ обернулся назадъ и въ послѣдній разъ взглянулъ въ томъ направленіи, гдѣ осталась разбитая лампа. И опять ему стало жаль вора, а потомъ лампу, и такъ поочередно онъ жалѣлъ то человѣка, то вещь. И пока онъ жалѣлъ одно, другое вызывало въ немъ злобу, и такъ дошелъ онъ до участка.

— Это вы его схватили?—спросилъ его околоточный надзиратель.

— Я,—отвѣтилъ Александръ Павловичъ и обернулся: всѣ глаза глядѣли на него, и лица обидно улыбались. И поспѣшно, запинаясь, докторъ оправдывался:—самъ не знаю, какъ это вышло. Онъ бѣжалъ, а я... Такъ это непріятно.

— Нѣтъ, почему же? Это даже очень пріятно,—утѣшилъ его околоточный надзиратель. И когда докторъ вновь оглянулся на окружающихъ, всѣ они были серьезны и смотрѣли на него ласково и поощрительно. Потомъ человѣка съ пушинками заперли въ грязную камеру вмѣстѣ съ другими ворами, пьяницами и проститутками, а доктора околоточный надзиратель вѣжливо проводилъ до дверей, благовоспитанно говоря:

— Очень пріятно познакомиться съ образованнымъ человѣкомъ. Такая, знаете, грандіозная масса жуликовъ, что очень, очень пріятно...

Хотя новая лампа была разбита, но въ квартирѣ Александра Павловича и безъ нея свѣта было достаточно: въ кабинетѣ горѣла большая, «министерская» лампа, пріобрѣтенная еще въ то время, когда доктору впервые пришла мысль о диссертаціи; въ столовой бросала яркій свѣтъ висячая лампа, были лампы и въ гостиной, и въ двухъ другихъ комнатахъ, и вся квартира выглядывала оттого веселой и привѣтливой. Особенно замѣтно стано-

вилось это, когда взглядъ падалъ на полузадернутое окно: тамъ была тьма и шумѣлъ начавшійся дождь.

— Такъ это непріятно,—говорилъ Александръ Павловичъ, качая головой.

— И никакъ нельзя было бы починить ее?—отвѣчала жена его, Варвара Григорьевна. Она тоже была огорчена, но старалась скрывать это отъ мужа: она очень любила его.

— Не въ томъ дѣло. Зачѣмъ я схватилъ его!

— Не ты, такъ другой. Вотъ пустяки. Пойдемъ посидѣть въ гостиной.

Они очень любили свою гостиную и освѣщали ее даже въ тѣ вечера, когда никого не было постороннихъ. Въ началѣ имъ больше нравился кабинетъ, но теперь съ новой мебелью и цвѣтами гостиная стала уютнѣе и пріятнѣе.

— Вообрази, какъ хорошо было бы съ новой лампой,—сказала Варвара Григорьевна. Она сидѣла на диванѣ, и голова ея лежала на плечѣ мужа.

— Да, хорошо бы,—вообразилъ докторъ и вздохнулъ.

— Мнѣ бы только посмотрѣть, какъ бы это было. А тамъ пусть бьется!—размышляла Варвара Григорьевна.

Александръ Павловичъ засмѣялся, поцѣловалъ жену въ щеку и спросилъ:

— Ты счастлива?

— А ты?

— И я. Знаешь, мнѣ все этого жалко. Вора. Ужасно жалко!

— Ну вотъ! Ты ужъ очень добръ. И потомъ ему навѣрно въ тюрьмѣ лучше. Ты слышишь, какой дождь. Брр... скверно. И Ивановы, должно быть не придутъ.

Докторъ ясно увидѣлъ тюрьму и человѣка съ пушинками, какъ онъ тамъ сидитъ. Темно, такъ какъ горитъ только маленькая, скверная лампочка; ползаютъ клопы, и на двери виситъ большой желѣзный замокъ. И запертый, сидитъ человѣкъ съ пушинками и о чемъ-нибудь думаетъ, можетъ быть, о человѣкѣ, который его схватилъ.

— Главное, зачѣмъ я его схватилъ?—раздумчиво говоритъ Александръ Павловичъ.—Какъ это нелѣпо! Выйди я изъ магазина на пять минутъ раньше, и ничего бы этого не случилось.

— Никогда не нужно вмѣшиваться въ эти уличныя исторіи—

замѣчаетъ жена поучительнымъ тономъ.—Когда я жила у тети, къ намъ тоже залѣзъ воръ, и его судили... Ты замѣчаешь, Саша, какъ за послѣдній годъ мы обставились?

— Я уже думалъ. И вѣдь совсѣмъ молодой парень, этотъ воръ. И лицо истощенное!

— Нужно еще хорошій книжный шкафъ,—продолжала Варвара Григорьевна.—Твой малъ. Ты записываешь книги, которыя у тебя берутъ?

— Ну, кто тамъ беретъ!

— Нѣтъ, все-таки. А то и не замѣтишь, какъ ни одной книги не останется.

Оба задумались и, тепло прижавшись другъ къ другу, разсѣянно обводили глазами свѣтлую и красивую комнату. Варвара Григорьевна вспомнила о томъ, сколько книгъ было у ея тетки, и какъ всѣ онѣ распропали. Докторъ старался припомнить вора съ его особенными глазами, носомъ и ртомъ, и не могъ. Ясно представились многія лица, знакомыя и совсѣмъ чужія, а этого лица, нужнаго для жалости, не появлялось. Тогда докторъ попытался вообразить тюрьму съ ея мракомъ и грязью, и тоже не могъ.

— А знаешь, чего я тебѣ купила закусить?—спросила Варвара Григорьевна, разглаживая рукой волосы мужа.

— Чего?

— Угадай!

Доктору уже хотѣлось ѣсть, и онъ началъ угадывать, но не угадалъ.

— Омаровъ!—съ гордостью воскликнула Варвара Григорьевна и пояснила:—я думала, придутъ Ивановы, но тѣмъ лучше,—ты самъ съѣшь.

И они нѣсколько разъ поцѣловались. Потомъ они пили чай, и докторъ ѣлъ омары, а послѣ чаю они перешли въ кабинетъ, и докторъ читалъ женѣ вслухъ. Дождь ровно и еле слышно сквозь толстыя стекла шумѣлъ за окномъ, ровно и успокоительно звучали фразы романа, и было такъ свѣтло отъ большой «министерской» лампы.

— Довольно. Спать пора!—рѣшительно сказала Варвара Григорьевна и захлопнула въ рукахъ доктора книгу. Лѣниво поднявшись съ дивана, она закинула руки за голову и потянулась,

извиваясь всѣмъ тѣломъ и выставляя впередъ грудь. Не давая опустить рукъ, Александръ Павловичъ обнялъ ее и поцѣловалъ въ шею.

— А все-таки жалко...—сказалъ онъ.

— Ну, оставь. Купимъ новую.

Докторъ говорилъ о человѣкѣ, но послѣ словъ жены подумалъ, что говоритъ о лампѣ. И, обнявшись, они пошли въ спальню.

ЛЕОНИДЪ АНДРЕЕВЪ.

ИЗЪ ПѢСЕНЪ ИКАРА.

Греза моя одиноко больная—
Бѣлая чайка съ разбитымъ крыломъ!
Я насладиться хочу, умирая,
Радужной сказкой о счастьи земномъ...
О, долети до весенняго края,
Грустная чайка съ разбитымъ крыломъ!

*

Всѣ лепестки моей жизни упали
И унесло ихъ туманной волной.
Здѣсь блѣдноликія тѣни печали
Бродятъ и плачутъ въ тиши надо мной.
Вамъ я повѣрилъ, небесныя дали,
Вамъ—потонувшимъ въ мечтѣ голубой.

* * *

Смутно таитъ еще взоръ мой усталый
Жажду порыва къ священнымъ огнямъ;
Смутно я слышу напѣвъ небывалый,
Думу влекущій въ невѣдомый храмъ...
Но я разбился о темныя скалы,
Гордо извѣдавъ полетъ къ небесамъ.

* * *

Мрачно склоняется ночь роковая,
Сердце нѣмѣетъ объятое сномъ,
Призракъ надежды уходитъ, рыдая,
Скорбно поникнувъ безгрѣшнымъ челомъ...
О, долети до весенняго края,
Бѣдная чайка, съ разбитымъ крыломъ!..

ДМИТРІЙ ЦЕНЗОРЪ.

ВЪ ПОЛЯХЪ.

Тишина въ поляхъ глубокая,
Роковая тишина;
Не слышна борьба жестокая,
Битва жизни не слышна.

* * *

Ширь и даль кругомъ просторная,
Только видится,—вдали
Нагустились тучи черныя,
Заслонили край земли.

* * *

Ива въ полѣ не колышется,
Пыль не вихрится еще;
Только чудится и слышится
Дышетъ буря горячо.

* * *

Налетитъ съ безумнымъ рокотомъ.
Лѣсъ зеленый покачнетъ,
Горькимъ воплемъ, гнѣвнымъ хохотомъ
Заколеблетъ зыби водъ.

* *

Залепечетъ вѣтка съ вѣткою,
Колосъ къ колосу сводя...
Вонъ вдали косою сѣткою
Пали полосы дождя!..

* * *

Орошайтесь, нивы хлѣбныя!
Ты налейся, грудь земли!
Громы божіе, цѣлебные,
Вы не даромъ къ намъ пришли!

К. ФОФАНОВЪ.

ОСЕННІЕ ЦВѢТЫ.

Мой милый, сердитый другъ! Я потому пишу—сердитый, что заранѣе воображаю себѣ: сначала ваше изумленіе, а потомъ негодованіе, когда вы получите это письмо и узнаете изъ него, что я не сдержала слова, обманула васъ, уѣхавъ внезапно изъ города, вмѣсто того, чтобы ждать васъ завтра вечеромъ, какъ это было условлено, въ моей гостинницѣ. Дорогой мой, я просто-напросто бѣжала отъ васъ, или нѣтъ, вѣрнѣе—отъ насъ обоихъ, бѣжала отъ того мучительнаго, неловкаго и ненужнаго, что неминуемо должно было произойти между нами.

И не торопитесь съ ѣдкой улыбкой на губахъ обвинять меня въ спасительномъ благоразуміи: вѣдь вамъ больше всѣхъ на свѣтѣ извѣстно, какъ оно покидаетъ меня въ самыхъ нужныхъ случаяхъ! Богъ свидѣтель, до послѣдней минуты я не знала, поѣду ли я на самомъ дѣлѣ, или не поѣду. Вотъ и теперь я совсѣмъ не увѣрена въ томъ, что до конца устою противъ нестерпимаго соблазна еще одинъ разъ, хоть мелькомъ, хоть издали взглянуть на васъ.

Иногда это случалось въ гостиной, во время какого-нибудь пустого разговора, который слушаешь, не слыша, и тогда я должна была закрывать на нѣсколько мгновеній руками глаза, чтобы не выдать ихъ неожиданнаго сіянія. О, какъ сильно, какъ неотступно повлекло меня къ вамъ. Точно живая, воскресла предо мной плѣнительная волшебная сказка, въ которой промелькнула шесть лѣтъ тому назадъ подъ ласковымъ южнымъ небомъ наша любовь. Все мнѣ вдругъ вспомнилось: внезапныя ссоры, съ нелѣпой ревностью и смѣшными подозрѣніями, и веселыя примиренія, послѣ которыхъ наши поцѣлуи пріобрѣтали новую прелесть перваго поцѣлуя; не-

терпѣливыя ожиданія въ условленномъ мѣстѣ; чувство тоскливой пустоты въ тѣ минуты, когда мы, разставшись вечеромъ, чтобы сойтись опять на другой день утромъ, по многу разъ оборачивались одновременно назадъ и издали, изъ-за плечъ раздѣлявшей насъ толпы, розовой отъ пыльнаго солнечнаго заката, встрѣчались глазами; вспоминалась мнѣ вся эта сверкающая жизнь, полная могучаго неудержимаго счастья, я даже не знаю, удержусь ли я отъ того, чтобы не выскочить изъ вагона послѣ третьяго звонка, и потому, окончивъ это письмо (если только мнѣ удастся его окончить), я отдамъ его носильщику и прикажу ему опустить письмо въ ящикъ въ тотъ самый моментъ, когда поѣздъ тронется. А я буду изъ окна слѣдить за нимъ и чувствовать, точно при прощаніи съ вами, какъ тоскливо, тоскливо сожмется мое сердце.

Простите меня: все, что я говорила вамъ о лимонахъ, о морскомъ воздухѣ и о докторахъ, будто бы уславшихъ меня сюда изъ Петербурга, все это было неправдой! Я пріѣхала только потому, что меня вдругъ неудержимо потянуло къ вамъ, потянуло снова извѣдать хоть жалкую частицу того горячаго ослѣпительнаго счастья, которымъ мы когда то наслаждались расточительно и небрежно, точно сказочные цари.

Я думаю, изъ моихъ разсказовъ вы могли составить себѣ довольно ясное понятіе объ образѣ моей жизни среди того громаднаго звѣринца, который называется петербургскимъ обществомъ. Визиты, театры, балы, обязательные четверги у насъ, благотворительные базары и т. д., и т. д., и во всемъ этомъ я должна участвовать въ качествѣ красивой вывѣски надъ служебными и коммерческими дѣлами мужа. Только, пожалуйста, не ждите отъ меня избитой тирады о мелочности, пустотѣ, пошлости, лживости,—я уже не помню, какъ это говорится въ романахъ нашего общества. Я втянулась въ эту жизнь, полную комфорта, приличныхъ манеръ, свѣжихъ новостей, связей и вліяній, и у меня никогда бы не хватило силъ отъ этой жизни отказаться. Но сердце мое не участвуетъ въ ней. Мечутся предо мной какіе то люди, говорятъ какія то слова, и сама я что то дѣлаю, что то говорю, но ни люди, ни слова не затрагиваютъ моей души, и мнѣ минутами кажется, что все это происходитъ гдѣ то въ страшномъ отдаленіи отъ меня, точно въ книгѣ или на картинѣ, точно по «нарочку», какъ выражалась когда то моя нянька — Домнушка.

И вдругъ среди этой тусклой и равнодушной жизни меня, точно волной, взмыло наше милое, сладкое прошлое. Случалось ли вамъ когда нибудь проснуться подъ впечатлѣніемъ одного изъ тѣхъ странныхъ сновъ, которые такъ радостны, что послѣ нихъ цѣлый день ходишь въ какомъ то блаженномъ опьяненіи, и въ то же время такъ бѣдны содержаніемъ, что если ихъ разсказать не только постороннему, но даже самому близкому человѣку,— выйдетъ ничтожно и плоско до смѣшного. Разсказывающіе хорошо свои сны часто лгутъ, говоритъ у Шекспира Меркуцціо, и—Боже мой, какая въ этомъ глубокая психологическая правда!

Ну, такъ вотъ и я однажды проснулась утромъ послѣ такого сна. Я видѣла себя въ лодкѣ вмѣстѣ съ вами гдѣ то далеко, далеко въ морѣ. Вы сидѣли на веслахъ, а я лежала на кормѣ и глядѣла въ голубое небо. Вотъ и все. Лодка тихонько покачивалась, а небо было такое глубокое, что мнѣ временами казалось, будто я гляжу внизъ въ бездонную пропасть. И какое то непостижимое, радостное чувство такъ нѣжно, такъ гармонично овладѣло моей душой, что мнѣ захотѣлось въ одно и то же время заплакать и засмѣяться отъ избытка счастья. Я проснулась, но этотъ сонъ остался въ моей душѣ, точно приросъ къ ней. Небольшимъ усиліемъ воображенія мнѣ часто удавалось вызывать его въ памяти и вмѣстѣ съ этимъ вновь испытать слабую тѣнь той радости, которая ее сопровождала.

Мы не могли усидѣть на мѣстѣ. Насъ жадно тянуло къ новымъ мѣстамъ и новымъ впечатлѣніямъ. Какъ хороши были наши далекія поѣздки въ этихъ допотопныхъ, душныхъ дилижансахъ, завѣшанныхъ грязной парусиной, въ обществѣ хмурыхъ нѣмцевъ, съ жилистыми красными шеями, съ лицами, точно вырѣзанными грубо изъ куска дерева, и чинныхъ тощихъ нѣмокъ, которыя дѣлали широкіе, изумленные глаза, прислушиваясь къ нашему сумасшедшему хохоту. А эти случайные завтраки у какого-нибудь, «добраго, стараго, честнаго колониста», подъ тѣнью цвѣтущей акаціи, въ глубинѣ маленькаго, чистенькаго дворика, обнесеннаго бѣлой низкой стѣной и усыпаннаго морскимъ пескомъ? Съ какимъ невѣроятнымъ аппетитомъ набрасывались мы на жареную скумбрію и на мѣстное мутное и кислое вино, не переставая дѣлать тысячи нѣжныхъ и смѣшныхъ глупостей въ родѣ того историческаго, дерзкаго поцѣлуя, который заставилъ всѣхъ дачниковъ

въ негодованіи обернуться къ намъ спинами. А теплыя іюльскія ночи на тоняхъ?.. Помните ли вы этотъ удивительный лунный свѣтъ, который былъ такъ ярокъ, что казался преувеличеннымъ, неправдоподобнымъ; это спокойное озаренное море, играющее переливами серебристаго муара, и на его блестящемъ фонѣ темные силуэты рыбаковъ, которые, выбирая сѣти, однообразно и ритмично всѣ сразу наклоняются въ одну и ту же сторону?

Но иногда нами овладѣвала потребность въ городскомъ шумѣ, въ сутолокѣ, въ чужихъ людяхъ. Затерявшись въ незнакомой толпѣ, мы бродили, прижавшись другъ къ другу, и еще тѣснѣе, еще глубже сознавали нашу взаимную близость. Помните ли вы это, дорогой мой? Что касается меня, я помню каждую мелочь и болѣю этимъ. Вѣдь это все *мое*, оно живетъ во мнѣ и будетъ жить всегда, до самой смерти. Я *никогда*, если бы даже хотѣла, не въ силахъ отдѣлаться отъ него... Понимаете ли,—никогда; а между тѣмъ его на самомъ дѣлѣ нѣтъ, и я терзаюсь сознаніемъ, что не могу еще разъ по настоящему пережить и перечувствовать его. Богъ или природа,—я ужъ не знаю кто,—давъ человѣку почти божескій умъ, выдумали въ то же время для него двѣ мучительныхъ ловушки:—неизвѣстность будущаго и незабвенность, невозвратность прошедшаго.

Получивъ мою короткую записочку, которую я послала вамъ изъ гостинницы, вы тотчасъ же поспѣшили ко мнѣ. Вы торопились и были взволнованы: это я узнала издали по вашимъ скорымъ нервнымъ шагамъ и по тому еще, что прежде, чѣмъ постучаться, вы довольно долго стояли въ корридорѣ, около моего номера. Я сама взволновалась въ эту минуту не меньше васъ, представляя себѣ, какъ вы стоите тамъ, за дверью, всего въ двухъ шагахъ отъ меня, блѣдный, крѣпко притиснувъ руку къ сердцу, глубоко и трудно переводя дыханіе... И почему то въ то же время мнѣ казалось невозможнымъ, несбыточнымъ, что я сейчасъ, черезъ нѣсколько секундъ, увижу васъ и буду слышать вашъ голосъ. Я испытывала настроеніе, похожее на то, которое бываетъ въ полуснѣ, когда довольно ясно видишь образы, но вмѣстѣ съ тѣмъ, не просыпаясь, говоришь себѣ:—это не правда, это—сонъ.

Вы измѣнились за это время, возмужали и какъ будто бы выросли; черный сюртукъ идетъ вамъ гораздо больше, чѣмъ студенческій мундиръ, манеры у васъ стали сдержаннѣй, глаза смо-

трятъ увѣреннѣй и холоднѣй, модная остроконечная бородка положительно краситъ васъ. Вы нашли, что я тоже похорошѣла, и я охотно вѣрю, что вы сказали это искренно, тѣмъ болѣе, что я прочла это въ вашемъ первомъ, бѣгломъ и нѣсколько удивленномъ взглядѣ. Вѣдь каждая женщина, если она не безнадежно глупа,— никогда не ошибется на счетъ того впечатлѣнія, которое произвела ея наружность...

Когда я ѣхала сюда, то всю дорогу, сидя въ вагонѣ, старалась представить себѣ нашу встрѣчу. Признаюсь, я никакъ не думала, что она выйдетъ такой странной, напряженной и неловкой для насъ обоихъ. Мы обмѣнивались незначительными, обыденными словами о моей дорогѣ, о Петербургѣ, о здоровьѣ, но глазами мы пытливо всматривались въ лица другъ друга ревниво отыскивая въ нихъ новыя черты, наложенныя временемъ и чужой, незнакомой жизнью... Разговоръ у насъ не вязался. Начавъ его на «вы», въ искусственно-оживленномъ тонѣ, мы оба скоро почувствовали, что намъ съ каждой минутой становится все тяжелѣе и скучнѣе его поддерживать. Между нами какъ будто бы стояло какое-то постороннее, громоздкое, холодное препятствіе, и мы не знали, какимъ образомъ удалить его.

Весенній вечеръ тихо угасалъ. Въ комнатѣ сдѣлалось темно. Я хотѣла позвонить, чтобъ приказать принести лампу, но вы попросили меня не зажигать огня. Можетъ быть, темнота способствовала тому, что мы рѣшились, наконецъ, коснуться нашего прошлаго. Мы заговорили о немъ съ той добродушной и снисходительной насмѣшкой, съ какой взрослые говорятъ о своихъ дѣтскихъ шалостяхъ, но, странно, чѣмъ больше мы старались притворяться другъ передъ другомъ и сами передъ собой—веселыми и небрежными,—тѣмъ печальнѣе становились наши слова... Наконецъ, мы и совсѣмъ замолчали и долго сидѣли—я въ углу дивана, вы—на креслѣ,—не шевелясь, почти не дыша. Въ открытое окно къ намъ плылъ смутный гулъ большого города, слышался стукъ колесъ, хриплыя вскрикиванія трамвайныхъ рожковъ, отрывистыя звонки велосипедистовъ, и, какъ всегда бываетъ весенними вечерами, эти звуки доносились до насъ смягченными, нѣжными и грустно-тревожными. Изъ окна была видна узкая полоса неба— цвѣта блѣдной, вылинявшей бронзы, — и на ней рѣзко чернѣлъ силуэтъ какой-то крыши съ трубами и слуховой вышкой, чуть-

чуть сверкавшей своими стеклами. Въ темнотѣ я не различала вашей фигуры, но видѣла блескъ вашихъ глазъ, устремленныхъ въ окно, и мнѣ казалось, что въ нихъ стоятъ слезы.

Знаете ли, какое сравненіе пришло мнѣ въ голову въ то время, когда мы молчали, перебирая въ умѣ наши милыя трогательныя воспоминанія? Мы точно встрѣтились съ вами послѣ многихъ лѣтъ разлуки, на могилѣ человѣка, котораго мы оба когда то любили одинаково горячо. Тихое кладбище... весна... вездѣ молодая травка.. сирени цвѣтутъ, а мы стоимъ надъ знакомой могилой и не можемъ уйти, отряхнуться отъ объявшихъ насъ смутныхъ, печальныхъ, безконечно милыхъ призраковъ. Этотъ покойникъ—наша старая любовь, дорогой мой!

Вы вдругъ прервали молчаніе, вскочивъ съ кресла и рѣзко его отодвинувъ.

— Нѣтъ, такъ нельзя! Мы совсѣмъ измучимъ себя, — воскликнули вы, и я слышала, какъ тоскливо задрожалъ вашъ голосъ.— Ради Бога, пойдемте на воздухъ, потому что иначе я расплачусь или сойду съ ума!..

Мы вышли. Въ воздухѣ была уже разлита полупрозрачная, мягкая, смуглая тьма весенняго вечера и въ ней необыкновенно легко, тонко и четко рисовались углы зданій, вѣтви деревьевъ и контуры человѣческихъ фигуръ. Когда мы прошли бульваръ и вы подозвали коляску, я уже знала, куда вы хотите меня повезти.

Тамъ все попрежнему. Огромная площадка, плотно утрамбованная и усыпанная крупнымъ желтымъ пескомъ, яркій голубой свѣтъ висячихъ электрическихъ фонарей, рѣзвые, бодрящіе звуки военнаго оркестра, длинные ряды легкихъ мраморныхъ столиковъ, занятыхъ мужчинами и женщинами, стукъ ножей, неразборчивый и монотонный говоръ толпы, торопливо снующіе лакеи, — все та же подмывающая обстановка дорогого ресторана... Боже мой! Какъ быстро, безостановочно мѣняется человѣкъ и какъ постоянны, непоколебимы окружающія его мѣста и предметы. Въ этомъ контрастѣ всегда есть что то безконечно-печальное и таинственное. Знаете ли, попадались мнѣ иногда дурныя квартиры, даже не просто дурныя, а отвратительныя, невозможныя и притомъ связанныя съ цѣлой кучей непріятныхъ событій, огорченій, болѣзней. Перемѣнишь такую квартиру и прямо кажется, что въ царство небесное попалъ. Но стоитъ черезъ недѣлю, другую проѣхать слу-

чайно мимо этого дома и взглянуть на пустыя окна съ приклеенными бѣлыми билетиками, и—душа сожмется отъ какого то мучительнаго, томнаго сожалѣнія. Правда, было здѣсь гадко, было тяжело, но все-таки здѣсь какъ будто бы осталась на вѣки цѣлая полоса твоей жизни,—невозвратимая полоса!

Такъ же, какъ и раньше, у воротъ ресторана сидятъ дѣвушки съ корзинами цвѣтовъ. Помнишь, ты всегда выбиралъ для меня двѣ розы; темнокарминную и чайную? Когда мы проходили мимо, я по внезапному движенію твоей руки замѣтила, что ты и теперь хочешь сдѣлать то же самое, но ты во время остановился, и какъ я тебѣ за это благодарна, милый!

Подъ сотнями любопытныхъ взглядовъ мы прошли въ ту легкую бесѣдку, которая такъ дерзко повисла со страшной высоты надъ моремъ, что, когда глядишь внизъ перегнувшись черезъ перила, то не видишь берега и, кажется, что плаваешь въ воздухѣ. Подъ нашими ногами шумѣло море; сверху оно казалось такимъ чернымъ и жуткимъ. Недалеко отъ берега торчатъ изъ воды большіе, черные, угловатые камни. На нихъ, то и дѣло, набѣгали волны и, разбившись, покрывали ихъ буграми бѣлой пѣны; когда же волны уходили назадъ, то отшлифованные прибоемъ, мокрые бока камней блестѣли, какъ лакированные, отражая свѣтъ электрическихъ фонарей. Иногда налеталъ легкій вѣтерокъ, насыщенный такимъ крѣпкимъ, здоровымъ запахомъ морскихъ водорослей, рыбы и соленой влаги, что отъ него сама собой расширялась грудь и вздрагивали ноздри.

А насъ все сильнѣе, все тягостнѣе сковывало что то нехорошее, скучное, принужденное... Когда принесли шампанское, ты наливая мой бокалъ, сказалъ съ мрачной шутливостью:

— Попробуемъ хоть искусственно приподнять себя. Выпьемъ этого храбраго добраго вина, какъ говорятъ пылкіе французы.

Нѣтъ, намъ все равно не помогло бы и храброе и доброе вино. Ты самъ понималъ это, потому что сейчасъ же прибавилъ съ длиннымъ вздохомъ:

— А, помните, какъ мы съ вами бывали отъ утра до вечера пьяны безъ вина, одной нашей любовью и радостью существованія?

Внизу, въ морѣ, около камней показалась лодка. Большой, бѣлый, стройный парусъ красиво раскачивался, опускаясь и поды-

маясь на волнахъ. Въ лодкахъ слышался женскій смѣхъ и кто-то, должно быть, иностранецъ, насвистывалъ очень вѣрно вмѣстѣ съ оркестромъ мелодію вальдтейфелевскаго вальса.

Ты тоже слѣдилъ глазами за парусомъ и, не отрываясь отъ него, произнесъ мечтательно:

— Хорошо было бы теперь сѣсть въ такую шлюпку и уѣхать далеко, далеко въ море, такъ, чтобъ берега не было видно... Помните, какъ въ прежнее время?

— Да, умерло наше прежнее время...

Я сказала эту фразу совсѣмъ нечаянно, отвѣчая вслухъ на свои мысли, и тотчасъ же испугалась того неожиданнаго дѣйствія, которое произвели на тебя мои слова. Ты вдругъ такъ сильно поблѣднѣлъ и такъ быстро откинулся на спинку стула, что мнѣ казалось, будто ты падаешь... Черезъ минуту ты заговорилъ глухимъ, точно сразу охрипшимъ голосомъ.

— Какъ странно сошлись наши мысли! Я только что думалъ о томъ же самомъ. Мнѣ представляется чѣмъ-то дикимъ, невѣроятнымъ, невозможнымъ, что именно мы съ вами, а не какіе-то двое совсѣмъ постороннихъ намъ людей, шесть лѣтъ тому назадъ такъ безумно любили другъ-друга и такъ полно, такъ красиво наслаждались жизнью. Тѣхъ двоихъ давно нѣтъ на свѣтѣ. Они умерли... умерли...

Мы поѣхали обратно, въ городъ... Дорога шла все время черезъ дачные поселки, застроенные виллами мѣстныхъ милліонеровъ. Мимо насъ проходили изящныя чугунныя рѣшетки и высокія каменныя стѣны, изъ-за которыхъ свѣшивалась на улицу густая зелень платановъ; огромныя, всѣ въ рѣзьбѣ, точно въ кружевахъ, ворота; сады, увѣшанные гирляндами разноцвѣтныхъ фонарей; ярко освѣщенныя роскошныя веранды; экзотическія растенія въ цвѣтникахъ передъ дачами, похожими на волшебные дворцы. Бѣлыя акаціи пахли такъ сильно, что ихъ сладкій, приторный, конфектный ароматъ чувствовался на губахъ и во рту. Иногда откуда-то насъ вдругъ обдавало на нѣсколько секундъ сыроватымъ холодкомъ, но тотчасъ-же опять мы попадали въ душистую теплоту тихой весенней ночи.

Лошади быстро бѣжали, звучно и равномѣрно стуча подковами. Мы плавно покачивались на рессорахъ и молчали. Когда мы были уже недалеко отъ города, я почувствовала, что твоя рука

осторожно, медленно обвивается вокругъ моей таліи и тихо, но настойчиво привлекаетъ меня къ тебѣ. Я не сопротивлялась, но и не отдавалась этому объятію. И ты понялъ, тебѣ стало стыдно. Ты оставилъ меня, и когда я, отыскавъ въ темнотѣ твою руку, признательно пожала ее, твоя рука отвѣтила мнѣ дружескимъ, извиняющимся пожатіемъ...

Но я знала, что въ тебѣ все-таки заговоритъ оскорбленное мужское самолюбіе. И я не ошиблась. Передъ тѣмъ, какъ разстаться, у подъѣзда гостинницы, ты попросилъ позволенія навѣщать меня. Я назначила день и вотъ... прости меня... я тайкомъ убѣжала отъ тебя. Дорогой мой! Если не завтра, то черезъ два дня, черезъ недѣлю въ насъ вспыхнула бы просто-на-просто чувственность, противъ которой безсиленъ самый тонкій психологическій анализмъ. Мы обокрали бы тѣхъ двухъ умершихъ людей, устроивъ тайкомъ фальшивый смѣшной подлогъ подъ прежнюю любовь. И мертвецы жестоко отомстили бы намъ за это, поселивъ между нами ссору, недовѣріе, холодность и — что всего ужаснѣе — постоянное ревнивое сравненіе настоящаго съ прошедшимъ.

Прощайте. Съ горяча, я не замѣтила, какъ перешла въ письмѣ на ты. Я увѣрена, что черезъ нѣсколько дней, когда утихнетъ у васъ первая боль оскорбленнаго самолюбія, вы согласитесь со мной и перестанете сердиться на мой неожиданный отъѣздъ.

Сейчасъ въ дверь вошелъ швейцаръ и прозвонилъ первый звонокъ. Но теперь я уже увѣрена, что устою отъ искушенія и не выскочу изъ вагона.

И все-таки наша короткая встрѣча уже начинаетъ въ моемъ воображеніи одѣваться дымкой какой-то нѣжной, тихой поэтической, покорной грусти. Знакомо-ли вамъ это чудное стихотвореніе Пушкина: „Цвѣты осенніе милѣй роскошныхъ первенцовъ полей... Такъ иногда разлуки часъ живѣе самого свиданья?...“

Да, мой дорогой, именно осенніе цвѣты! Приходилось ли вамъ когда-нибудь поздней осенью въ хмурое дождливое утро выйти въ садъ? Деревья—почти голыя, сквозятъ и качаются, на дорожкахъ гніютъ опавшіе листья, вездѣ смерть и запустѣніе. И только на клумбахъ, надъ поникшими и пожелтѣвшими стеблями другихъ цвѣтовъ, ярко цвѣтутъ осенніе астры и георгины. Помните-ли вы ихъ острый, травяной запахъ? Стоишь, бывало, въ

странномъ оцѣпенѣніи около клумбы, дрожа отъ холода, слышишь этотъ меланхолическій, чисто осенній запахъ и тоскуешь. Все есть въ этой тоскѣ: и сожалѣніе о быстро промелькнувшемъ лѣтѣ, и ожиданіе холодной зимы со снѣгами и съ воемъ въ печныхъ трубахъ, и грусть по своему собственному, такъ быстро пронесшемуся лѣту... Милый мой, дорогой, единственный! Совершенно такое-же чувство владѣетъ теперь моей душей. Пройдетъ еще немного времени, и воспоминаніе о нашей послѣдней встрѣчѣ станетъ и для насъ такимъ же нѣжнымъ, сладкимъ, печальнымъ и трогательнымъ. Прощайте же. Цѣлую васъ.

Ваша З.

А. КУПРИНЪ.

ИЗЪ НЕИЗДАННЫХЪ СТИХОТВОРЕНІЙ.

ПОСМЕРТНОЕ ПРОИЗВЕДЕНІЕ.

Ты предо мною явилась,
Когда во мнѣ стыла ужъ кровь,
И въ душу мою заглянула...
И вспомнилъ я слово «любовь».

* * *

Хорошее было то слово,
Ему я не мало служилъ...
Да старость явилась сурово,
Довольно на свѣтѣ я жилъ.

* * *

Несись искушеніе мимо,
Сердца молодыя лови,
Я буду свершать нелюдимо
Поминки по старой любви...

* * *

Не можетъ быть старость моложе,
Зимой не сіяетъ весна,
Пора на послѣднее ложе
Прилечь для послѣдняго сна.

ГРАФЪ В. СОЛЛОГУБЪ.

ОПЕЧАЛЕННАЯ НЕВѢСТА *).

Когда же и быть странностямъ, какъ не въ наши дни? Свирѣпые и печальные дни, когда неистощимымъ кажется многообразіе воплощаемыхъ въ жизни возможностей.

Нѣсколько молодыхъ дѣвушекъ въ наши дни составили кружекъ, доступъ въ который былъ довольно труденъ и цѣль дѣятельности могла бы, конечно, быть названа странною.

Когда умиралъ въ городѣ молодой человѣкъ, у котораго еще не было невѣсты, одна изъ участницъ кружка надѣвала глубокій трауръ и приходила на похороны, какъ невѣста.

Родные удивлялись очень, знакомые меньше, но и тѣ и другіе вѣрили, что около свѣжей могилы есть красивая и печальная тайна.

Въ кружкѣ участвовала и Нина Алексѣевна Безсонова, молодая скучающая почему то дѣвушка, не очень красивая, но достаточно миловидная. Въ нее то и влюблялись даже,—что же и дѣлать подростающимъ гимназистамъ!—а ей все скучно было.

И вотъ, послѣ одной изъ подругъ, наступила и для Нины очередь проводить въ могилу невѣдомаго жениха.

— Слѣдующій—вашъ,—сказали ей.

Завидовали тѣ, на кого еще не падалъ жребій. Съ сочувствующею печалью смотрѣли на Нину тѣ подруги, которыя уже исполнили свое печальное и красивое назначеніе.

Въ этотъ день Нина вернулась домой, странно взволнованная.

И потянулись для нея длинные и томные дни бездѣйственно-тоскующей печали.

---

*) «Образованіе» № 7, 1908 г.

Тягостныя предчувствія томили ее, и на каждомъ шагу подстерегали примѣты, вѣщающія утрату, слезы, гибель близкаго сердцу.

Какъ тягостно знать, что исполнятся невѣдомые сроки, и умретъ нѣкто, еще незнакомый, но уже милый и дорогой! И съ нимъ погибнетъ возможность счастья.

И кто онъ будетъ? И почему суждено ему не встрѣтиться съ нею ближе гробового предѣла? Быть можетъ, спасла бы, уберегла бы, вымолила бы отъ жестокой судьбы часы и дни сладкаго забвенія печалей.

Не знаю, кто онъ будетъ, но какъ его жалко! Какая тоска.

Такой молодой,—и неумолимая уже слѣдитъ за нимъ, подстерегаетъ,—и нанесетъ ужасный ударъ, отъ котораго ничѣмъ не спасти, никакъ не уберечь!

Иногда Нина почти завидовала тѣмъ своимъ подругамъ по этому кружку, которыя уже успѣли совершить сладостно-печальный обрядъ, и теперь только донашивали свой легкій и красивый трауръ. Трауръ, такъ идущій къ ихъ милымъ лицамъ, что прохожіе на улицахъ останавливались посмотрѣть.

Нельзя было знать заранѣе, скоро-ли случится это событіе. Надо быть готовой итти по первому зову, не опоздать. Поэтому Нина заказала для себя весь траурный нарядъ. Потихоньку отъ родныхъ. Хотя и досадно было, что приходилось отъ нихъ прятаться и таиться.

О деньгахъ за траурное платье Нинѣ заботиться не надо было: это былъ расходъ, падавшій на средства кружка. Кружокъ имѣлъ довольно стройную организацію; собирались въ его кассу ежемѣсячные членскіе взносы; были, какъ бываютъ и въ другихъ обществахъ, и разные случайные доходы.

Но хоть и не надо было заботиться о томъ, чтобы сразу достать много денегъ на трауръ, хоть и можно было сшитое уже и купленное прятать гдѣ-нибудь дома, а все же придется когда нибудь трауръ надѣть. И, конечно, лучше было бы сказать это заблаговременно. Но Нина почему-то стѣснялась говорить объ этомъ со своею матерью.

Да и какъ сказать! Надо объяснять, что и почему, а правила кружка не позволяли говорить о его цѣляхъ и дѣлахъ никому, кто не входилъ въ его составъ. Пришлось бы придумывать

и лгать, и это было противно для Нины. И она откладывала со дня на день, а потомъ рѣшила предоставить все случаю. Какъ-нибудь обойдется,—думала она.

Платье принесли,—Нина выбрала часъ, когда матери не было дома,—и спрятала его въ своей комнатѣ.

По вечерамъ она раскладывала на постели и на стульяхъ траурные наряды. Въ комнатѣ ея все было бѣло и розово, прозрачныя колыхались легкія занавѣсочки на окнахъ, нѣжно и ласково пахли полевые цвѣты въ красивыхъ вазахъ и за окномъ надъ далекимъ, стально голубѣющимъ моремъ полыхалъ дѣвичьемъ румянцемъ догорающій закатъ. И отъ этого всего дѣвственно-чистаго и свѣтлаго черныя одежды казались особенно страшными, и пугали сердце, и быстрые исторгали изъ тоскующихъ глазъ потоки слезъ.

Глядѣла на черный цвѣтъ, и плакала. Плакала долго.

Иногда примѣряла трауръ, и смотрѣлась въ зеркало. Черный цвѣтъ, и скромный покрой платья, и строгій фасонъ шляпы,—все это было ей такъ къ лицу,—и отъ этого еще печальнѣе становилось на сердце, и еще неудержимѣе хотѣлось плакать.

И по утрамъ, просыпаясь, открывала глаза съ тайнымъ страхомъ,—не пришло-ли уже оно, жданое горе. Солнце было уже высоко, садъ пламенѣлъ, залитый расплавленнымъ великолѣпіемъ драконовой лютой злости, и сквозь легкія, розоватыя, сквозныя пленки нарядныхъ занавѣсокъ метался въ глаза неистовый день. И навстрѣчу дню и буйству стремительной жизни бросала Нина злое слово, ядъ тоскующаго предчувствія:

— А онъ, мой милый, скоро умретъ!

И выходила въ столовую смутная, туманная, смятеніемъ милаго лица странно противорѣча легкому и свѣтлому наряду дачной барышни.

Мать смотрѣла на нее съ недоумѣніемъ, и спрашивала:

— Да что ты скучаешь, Ниночка? о чемъ волнуешься? Что съ тобою?

Нина отмалчивалась, загадочно и печально улыбаясь, и садилась на свое мѣсто за столомъ, тихая, кроткая, красивая, къ лицу одѣтая, къ лицу причесанная, и совсѣмъ похожая на героиню романа, завязка котораго не обѣщаетъ счастливаго конца.

И мать не могла добиться правды, что съ Ниною.

Но вотъ однажды, въ минуту внезапной откровенности, разнѣженная печалью и завороженною тишиною сѣверной бѣлой ночи, взволнованная красивыми взлетами недалекихъ фейерверковъ на чьихъ-то незнакомыхъ именинахъ прямо противъ веранды ихъ дачи, гдѣ сидѣли онѣ тогда вдвоемъ послѣ вечерняго чая,—Нина довѣрчиво прижалась къ матери, вдругъ заплакала, и сказала очень тихо, нѣжная и сумерочно-бѣлая, на темно сѣромъ платьѣ матери выдѣляясь успокоенно-красивымъ пятномъ:

— Такъ тяжело на сердце. У меня предчувствіе, что что-то будетъ... что то страшное... горе какое-то.

Мать обезпокоилась. Обняла Нину. Приговаривала ласково, какъ малаго ребенка уговаривала:

— Что-ты, Ниночка, Богъ съ тобою, чему быть? Что будетъ? Ты, дитя мое, въ предчувствія не вѣрь, ты же не старушка. Да и кто въ наши дни вѣритъ въ это?

Нина вытерла слезы, и притворно спокойнымъ голосомъ сказала, притворно улыбаясь:

— Правда, мама, я и сама знаю, что это очень глупо, а только все мнѣ кажется, что ему грозитъ несчастіе.

— Кому, Нина?—спросила мать.

Слегка отодвинулась,—взглянуть на дочь, щуря сѣрые, немного близорукіе глаза. Нина говорила, и чуть не плакала:

— Моему милому, жениху моему.

— Что ты, Ниночка!—съ удивленіемъ говорила мать.—Какому милому? Развѣ у тебя есть женихъ!

— Нѣтъ жениха,—тоскливо говорила Нина,—нѣтъ, но что же изъ того?—А вотъ, предчувствіе такое у меня, что вотъ я влюблюсь въ него, и онъ будетъ мнѣ свѣта милѣе и жизни дороже, и вдругъ онъ умретъ.

И Нина опять заплакала неутѣшно,—и мать съ удивленіемъ ласкала и уговаривала ее. Поила какими-то каплями. Нина всмотрѣлась въ ея испуганное и смѣшно-озабоченное лицо, и засмѣялась.

Въ этотъ вечеръ не любовалась траурными одеждами, и заснула спокойно. А на утро, едва открыла глаза, едва разслышала веселые птичьи смѣхи и голоса Минки и Тинки, спорившихъ о чемъ-то, опять приступила тоска.

Два гимназистика, ея маленькіе братья, Минка и Тинка, смѣялись надъ ея таинственною печалью. Дразнили ее.

И было ей такъ грустно, что даже не сердилась она на мальчишекъ, надоѣдливыхъ, шумныхъ, и глупыхъ,—несмышленышей.

День клонился къ вечеру, но было еще жарко и ярко на празднично-лѣтней землѣ, и торжественною казалась ширина и тишина высокаго купола. Нина стояла на широкомъ пляжѣ, и всматривалась въ просторы воды и небесъ.

Проносились какія-то птицы, маленькія и быстрыя, суетливо озабоченныя, и въ воздухѣ надъ Ниною шныряли ихъ длинные и тонкіе писки.

Плотный и мелкій, укатанный волнами песокъ сообщалъ ея стопамъ свою теплую хрупкость и влажность. Слегка щекоталъ кожу нѣжныхъ ногъ, еще не загрубѣвшую отъ частыхъ прикосновеній къ милому песку земныхъ взморій.

Волны плескались, набѣгая,—безвѣтренныя, широкія волны близкаго, милаго моря,—гдѣ люди тонутъ, какъ и въ далекомъ,—плескались волны, набѣгая, лобзая стройныя, уже загорѣлыя ноги. И весело, и свободно подъ легкою одеждою дышала грудь, вздымая двѣ смуглыя волны.

Стояла, смотрѣла въ синюю даль, мечтала томительно, сладко и печально.

Кто же будетъ онъ, мой милый, кого провожу въ могилу, надъ кѣмъ заплачу? И глаза, которые на меня никогда не глянутъ, и губы, которыя мнѣ никогда не улыбнутся.

Не молвитъ слова, не обниметъ, не скажетъ:

«Милая, люблю! милая, дороже ты для меня жизни!»

Темнымъ предчувствіемъ печали томилось сердце, и хотѣлось плакать,—да еще не о чемъ было плакать.

А какъ отрадно было бы упасть на песокъ, и рыдать въ безмѣрномъ отчаяніи, вѣтрамъ и волнамъ повѣряя печаль омраченной души!

Вспомнила вчерашній разговоръ съ одною изъ подругъ о предстоящей дуэли князя Ордынъ-Улусова съ мужемъ женщины, которая его любила. Какъ жаль, что нельзя идти за гробомъ юнаго красавца Улусова!—вѣдь онъ любитъ другую и всѣмъ уже извѣстна въ городѣ исторія этой любви, красивой, трогательной

и безумной;—любовь, если въ ней правда, воистину презираетъ всѣ условія жизни и дерзаетъ даже до смерти.

Да, можетъ быть, еще и не убьетъ ни одинъ изъ соперниковъ другого, и все окончится на этотъ разъ благополучно. И пусть живетъ, ей то что!

Нетерпѣніе предчувствій возрастало, томило нестерпимо.

Пламенѣющее небо заката пылало, яркою страстью отравляя тихую печаль души, надъ міромъ распростирая багряное отчаяніе въ потокахъ многоцвѣтно-горящей крови подъ изнемогающею пустынею холоднаго зенита.

Нина пошла домой. Сырымъ и непріятнымъ казался песокъ. И досадно стало, зачѣмъ оставила дома башмаки, и идетъ босая.

Да нѣтъ, не на это досадно,—такъ, безпредметное томленіе, неясная тоска. Бремя, которое надо нести.

Близъ своей дачи Нина увидѣла знакомую фигуру. Всмотрѣлась, Наташа Лещинская.

И обрадовалась Нина, и словно испугалась. Не приходитъ ли она съ ужасною, жданою вѣстью?

Идетъ, какъ судьба, измучить печалью, изранить тоскующее сердце.

Уже издали было видно, по торопливости и неловкости движеній, что Наташа взволнована чѣмъ-то. И что, конечно, несетъ съ собою какое то значительное извѣстіе.

У Нины отъ волненія задрожали руки и похолодѣли колѣни. Хотѣла бѣжать къ подругѣ, но вдругъ сердце такъ забилось, что Нина должна была остановиться.

Покраснѣла. Стояла, улыбаясь и держа скрещенныя руки на груди, въ неловкой и странной позѣ. Такая смущенная и невѣрная была улыбка.

— Наташечка, это ты?—сказала какъ-то неловко.—Какъ я рада!

И замолчала, сбитая невѣрностью своихъ интонацій.

— Ну, Ниночка,—сказала Наташа, подходя и слегка запыхавшись отъ быстрой ходьбы.

И у нея было озабоченное лицо, а разбившіеся подвитые на шпилькахъ черные волосы, выбившіеся изъ-подъ желтой, соломенной съ желтымъ страусовымъ перомъ шляпки, придавали ея смуглому лицу какой-то мальчишески-задорный и излишне самоувѣренный видъ.

— Да? умеръ? мой?—безсвязно, испуганно спрашивала Нина.

Наташа оживленно говорила:

— Умеръ. И, можешь представить, застрѣлился! Правда, интересно? Тебѣ счастье.

Нина заплакала. Казалась такою жалкою, растерявшеюся и милою среди этого пронизаннаго розовымъ и голубымъ свѣтомъ простора, въ своемъ простомъ синемъ съ бѣлыми полосками обшивки костюмѣ, съ загорѣлою стройностью тонкихъ тихихъ ногъ, передъ этою нарядною въ многотонно-желтомъ, тяжело дышащею отъ скорой ходьбы по песку на высокихъ каблукахъ, румяно-смуглою и бойкою гостьею.

Плача, тихо спросила Нина:

— Кто?

Звукъ ея голоса былъ тонкій и робкій, какъ у плачущаго ребенка.

Наташа ласково пожала ея руку.

— Правда, очень жаль,—сказала она.—Молодой очень. Студентъ Иконниковъ.

— Одинъ?—спросила Нина.

— Да, онъ былъ одинъ, когда застрѣлился. Семья жила на дачѣ. Онъ пріѣхалъ днемъ въ пустую квартиру, писалъ письма, самъ опустилъ въ почтовый ящикъ, одинъ переночевалъ. Утромъ застрѣлился. Никто и не зналъ въ домѣ, пока родители не пріѣхали,—онъ и имъ послалъ письмо на дачу. Они, кажется, въ Павловскѣ жили.

Нина молчала. Уже въ саду своей дачи она вопросительно взглянула на Наташу. Отвѣчая на этотъ взглядъ, Наташа сказала:

— Послѣзавтра хоронятъ. Въ Петербургѣ.

Пришли домой.

— О чемъ ты плачешь, Нина?—спросила мать.

— Онъ умеръ,—коротко отвѣтила Нина, сухимъ, словно враждебнымъ тономъ.

— Кто умеръ?

Какъ почти всегда у старѣющихъ женщинъ внезапное упоминаніе о смерти чьей-то обдало Нинину мать холодомъ страха,—точно сказалъ кто то внятнымъ и темнымъ голосомъ:

— Умрешь и ты!

— Ахъ, мама,—съ непривычною досадливостью отвѣтила Нина,—ты, все равно, не знаешь его.

„Я и сама не знаю“,—подумала Нина.

И оттого, что эта мысль вплелась смѣшною ниткою въ печальную ткань переживаемаго, стало еще больнѣе. И казалось, что безпощадными бичами смѣха взмахнулъ жестокій надъ нѣжною спиною.

Мать обратилась къ гостьѣ:

— Скажите хоть вы, Наташа, кто умеръ.

Наташа, снимая шляпу передъ зеркаломъ, говорила неторопливо, стараясь быть спокойною, но сама почему-то волнуясь:

— Застрѣлился студентъ, нашъ знакомый, Иконниковъ. Въ городѣ. Неизвѣстно, отчего. Такой молодой. Знаете, такъ много самоубійствъ въ наши дни, и такъ жалко. Молодой такой, и никто не знаетъ причины. Рана въ вискѣ,—маленькое синее пятно, точно расшиблено. И лицо совсѣмъ спокойное.

— Я поѣду на панихиду,—рѣшительно сказала Нина.

— Нина!

Мать сѣла на кресло, смотрѣла на дочь, и не знала, что сказать.

— Непремѣнно! Ради Бога, не удерживайте!—восклицала Нина.

Наташа сѣла рядомъ съ Александрою Павловною, и говорила тихо:

— Пожалуйста, не безпокойтесь. Я съ нею поѣду, и буду все время вмѣстѣ.

Нина ушла къ себѣ.

— Что съ нею? вы не знаете, Наташа?—спрашивала Александра Павловна.—Она такъ хандрила всѣ эти дни. Что это? Кто этотъ Иконниковъ?

— Она такая впечатлительная,—говорила Наташа.—Иконникова я мало знаю. Не знаю, право. Въ наши дни такъ много всего, что угнетаетъ. Какія у нихъ были отношенія, правда, я не знаю.

Нина вышла скоро, вся въ траурѣ, и уже въ перчаткахъ и шляпѣ съ опущенною вуалью,—и опять съ недоумѣніемъ смотрѣла на нее мать.

— Нина, да откуда у тебя трауръ?

— Ахъ, мама!

— Нина, это не отвѣтъ. Я хочу знать. Ты должна.

— Мама, не истязай меня. И такъ трудно. Я говорила тебѣ, что предчувствовала бѣду. Мой женихъ умеръ. Я сейчасъ ѣду.

И говорила уже почти спокойно.

— Подожди, хоть чаю выпейте. Все равно, на какой-же теперь поѣздъ,—съ недоумѣніемъ, страхомъ и досадою говорила мать.

И медлительно влачился скучный часъ ожиданія. Ненужное питье, противная пища, свѣтъ лампы, смѣшанный съ багрянымъ умираніемъ израненой зари, заставляющее вздрагивать звяканье ложекъ, и смѣшки Минки и Тинки, и недоумѣвающіе допросы матери,—и что то надо говорить!

Нина была очень печальна. Нѣсколько разъ принималась плакать. Наташа озабоченно шептала!

— Ты слишкомъ рано начинаешь. Ты устанешь. У тебя не хватитъ настроенія въ рѣшительные моменты.

— Оставь, Наташа. Ты ничего не понимаешь,—досадливымъ шопотомъ отвѣчала Нина.

Но вотъ и въ вагонѣ, съ Наташею.

Вагонъ наполовину пустъ. Два-три случайные попутчика съ сочувственнымъ любованіемъ смотрѣли на Нину.

Наташа спросила:

— Нина, да ты его не встрѣчала?

— Конечно, нѣтъ.

— Такъ что же ты плачешь?

— А развѣ легко хоронить жениха?

И вдругъ Нина разсмѣялась.

— Я и не плачу. Я смѣюсь.

— Со слезами?

— До слезъ смѣшно.

Плакала.

Наташа старалась обратить ея мысли на веселое, пріятное смѣшное. Не удавалось.

— Ну, какая ты плакса,—говорила Наташа.—Пожалуйста, возьми себя въ руки. Еще до истерики дойдешь,—что я съ тобою въ вагонѣ стану дѣлать?

Было уже темно, когда ѣхали по улицамъ лѣтняго города, и все вокругъ для Нины было, какъ бредъ кошмара, становящагося къ осуществленію.

Между двумя тучами сіялъ блѣдный мѣсяцъ,—и въ водѣ канала струилось его зыбкое отраженіе. И горькая была отрава въ мерцаніи безмѣрно-тихомъ надъ грубыми грохотами злыхъ и грязныхъ улицъ.

Увеселительный садъ сверкалъ разноцвѣтностью гирляндъ изъ красныхъ, желтыхъ и синихъ фонариковъ надъ бѣлою скукою забора и наглостью пестрыхъ на сѣрой стѣнѣ афишъ.

Подъѣзжали и подходили пестро наряженныя и грубо-размалеванныя, и чей-то невидимый, но всѣмъ давно знакомый указательный палецъ упирался въ откровенно-жалкое слово „дешевый развратъ".

Было веселье въ толпѣ, идущей веселиться, бѣдное, старательное веселье во что бы то ни стало.

Оскорбительное веселье,—когда на душѣ такая печаль. Жестокіе люди! Какъ они могутъ веселиться, когда онъ, молодой и прекрасный, лежитъ съ прострѣленною головою!

Нина переночевала у Наташи. Тамъ легче было, чѣмъ дома. Наташа сказала тихо:

— У нея женихъ умеръ.

И никто не докучалъ. Нѣжно и любуясь жалѣли. Снились ласковые и печальные, и немного страшные, — скорѣе жуткіе,—сны.

Солнце, равнодушное къ земной печали, яркое и злое, тихо, точно крадучись, метнуло въ окно свое расплавленное трепетаніе, животворящій къ смерти огонь, — и все шире и ярче изъ-за темнаго занавѣса разливалось по зеленому ковру его знойно-жидкое золото.

Было утро дня, сулящее печали и труды, и безнадежныя молитвы.

И на чужой постели, надъ залитымъ злымъ золотомъ зеленымъ ковромъ проснулась Нина,—и слезы въ глазахъ, и слабость въ тѣлѣ и слышитъ внятное слово:

— Умеръ.

Никѣмъ не сказанное, — и связанное печалью, дрогнуло и упало сердце.

И слезы...

Думала:

„И уже теперь всю жизнь, просыпаясь, буду вспоминать, что онъ, милый мой, умеръ“.

Одѣваясь, замѣтила, что трауръ ей къ лицу. Радостно улыбнулась. Торопила Наташу, — вмѣстѣ доѣхать до того дома, гдѣ жилъ онъ, ея милый. Но тщательно положила надъ загорѣлою блѣдностью милаго лица складки черной вуали...

Цвѣты и ковры на лѣстницѣ у его квартиры,—оранжевые и зеленые листья изъ стеколъ въ мѣдныхъ оковкахъ на окнахъ,—бронза перилъ и мраморъ колоннъ,—такъ, до конца печаль останется красивою, и не оскорбитъ ее пахнущая кошками неопрятная лѣстница со двора.

На площадкѣ третьяго этажа у дверей квартиры бѣлая гробовая доска... И каменныя качнулись стѣны... Подъ локтемъ Наташина рука. Ея тихій голосъ:

— Здѣсь. Нина, милая!..

Нина вошла, закрытая длинною черною вуалью, молчаливая, подавленная горемъ. Не видя никого, прошла прямо въ залъ, гдѣ на высокомъ черномъ катафалкѣ, въ бѣломъ гробу, лежалъ ея милый.

Кто-то ходилъ, раздавая свѣчи для панихиды, и изъ боковой двери вился дымокъ разжигаемаго кадила. Въ залѣ было немного людей,—и появленіе Нины было замѣчено очень. Не зналъ ее никто, и всѣ дивились глубокому трауру и слезамъ неизвѣстно откуда пришедшей дѣвушки.

Нина подошла близко, постояла у гроба, и тихо поднялась по ступенямъ катафалка. Покровъ, цвѣты, желтое лицо. Всмотрѣлась, наклоняясь, въ тихую улыбку покойника.

Какъ страшно, какъ холодно улыбаются мертвыя губы! Какія холодныя тоскующимъ губамъ невѣсты его мертвыя губы! Не дрогнутъ жаркимъ поцѣлуемъ цѣлуемыя жарко могильно холодныя мертвыя губы!..

Ужаленная холодомъ мертвыхъ губъ, слабо вскрикнула Нина. Кто то взялъ подъ руку и помогъ спуститься съ катафалка на строгій желтый лоскъ паркета. И точно поставилъ плачущую на колѣни, когда началась въ синемъ дымѣ ладана панихида.

Было перешептываніе родныхъ:

— Кто?

— Вотъ эта?

— Вы не знаете?

— Никто, кажется, не знаетъ.

Наташа стояла у двери.

Кто то спросилъ ее.

— Не знаете-ли, кто эта барышня въ траурѣ, которая такъ плачетъ?

Такъ же тихо отвѣтила Наташа.

— Это—невѣста покойнаго.

— Но никто изъ родныхъ ее не знаетъ,—съ удивленіемъ шепталъ спрашивающій.

— Да. Это печальная исторія.

Стали передавать одинъ другому:

— Это—невѣста покойнаго.

Родные были въ недоумѣніи. Но всѣ повѣрили. И какъ было не вѣрить!

Для всѣхъ этихъ, родныхъ и чужихъ, различно настроенныхъ людей, печальныхъ и равнодушныхъ, Нина, никому не знакомая, плачущая, милая и жалкая въ ея траурномъ нарядѣ, была воистину невѣстою этого неизвѣстно почему застрѣлившагося студента, тихаго и красиваго въ своемъ бѣломъ и красивомъ гробу. Никто не зналъ какая тайна связываетъ этотъ гробъ и эту плачущую дѣвушку,—и не она ли была причиною его смерти, — но всѣмъ было трогательно смотрѣть на нее. Рядомъ съ отчаяніемъ сѣдой старухи матери и тупымъ горемъ старика отца, выражавшимися такъ сильно и такъ внѣшне некрасиво, съ покраснѣлостью глазъ, со слезливымъ насморкомъ, съ растрепанною прическою сѣдыхъ волосъ, нѣмая скорбь этой молящейся на колѣняхъ дѣвушки въ траурѣ казалась возвышенною и прекрасною. И хотя всѣ знали родителей, а ее никто не зналъ, всѣмъ было гораздо болѣе жаль ее милую, жалкую, трогательно склонившую колѣни, такую изысканно-очаровательную подъ складками ея полупрозрачной креповой вуали. И даже бывшая у иныхъ мысль о томъ, что опечаленная и плачущая невѣста могла быть причиною смерти этого прекраснаго молодого человѣка, осыпаннаго въ гробу благоухающими ненужнымъ ему ароматомъ цвѣтами,—даже и эта жестокая и суровая мысль не побѣждала сожалѣнія къ ней, рожденнаго въ тихихъ потокахъ ея свѣтлыхъ слезъ. И ея глубокая опечаленность,

и склоненное къ холоднымъ паркетамъ ея орошенное слезами лицо, и вся ея скорбная фигура,—о, если въ этомъ горѣ есть неумолимое дуновеніе злыхъ раскаяній, что же, развѣ отъ этого еще не болѣе жалко ее? Мало ли изъ за чего ссорятся и временно расходятся любящіе люди,—а вѣдь она, очевидно, любила его,—по нелюбимымъ такъ не плачутъ и траура не одѣваютъ,—мало ли что бываетъ между милыми, а онъ, жестокій, убилъ себя, не стерпѣлъ легкой печали, навѣкъ погрузилъ ея сердце въ ужасъ и тоску страшнаго воспоминанья?

А она, плачущая и молящаяся невѣста невѣдомаго жениха, она, отдавшаяся покорно порывамъ своей творимой печали — что чувствовала она?

Какъ ни была она рада отдать свое сердце томленіямъ печали, какъ ни приготовлена была она къ этому тоскою сознанныхъ предчувствій,—все же представшее ей превзошло ея ожиданія.

Очарованіе этого молодого и такого смертельно спокойнаго лица, къ которому припала она для поцѣлуя притворной скорби, въ одинъ краткій мигъ овладѣло ею, — и чувствовала она, что до вѣка не свергнуть ей этого сладкаго и жгучаго очарованія. Что то болѣе прекрасное, чѣмъ красота, и болѣе властное, чѣмъ власть любви, презирающей могильный холодъ и мракъ погребальнаго склепа, нѣчто неизъяснимое и невыражаемое никакими человѣческими словами, обаяніе, вѣдомое одной только смерти, приникло къ ней,—и уже знала она, что лежащій въ бѣломъ гробѣ, осыпанный алыми розами, обвѣянный взмахами пламенѣющаго кадила, окруженный зыбкими волнами синяго ароматнаго дыма, гдѣ растворенъ темный ладанъ, что онъ воистину желанный, возлюбленный ея женихъ.

И когда спускалась она со ступеней чернаго катафалка и глазами, полными тоски, окинула просторъ холоднаго покоя, отыскивая, гдѣ бы ей укрыть свои слезы, уже нестерпимою мукою было пронизано ея сердце. Она сдѣлала два три шага, и почувствовала, что голова ея кружится. Она повернулась лицомъ къ гробу; возрастающая слабость была въ ея дрожащихъ колѣняхъ. Уже не выбирала она мѣста и, гдѣ пришлось, опустилась, почти упала близъ гроба. Рядомъ съ нею плакала сѣдая мать, тихо, слезливо всхлипывая. Черная ряса священника медленно двигалась близко отъ ея лица. Она заплакала, приникла лицомъ къ рукамъ,

брошеннымъ на полъ, и надъ нею звякнули тихимъ звяканьемъ колечки кадильной цѣпи, пронесся низкій и увѣренный голосъ діакона, и грустно, красиво и звонко полилось панихидное пѣніе,—слова трогательныя, значительныя, болѣе вѣскія, чѣмъ бѣдная вѣра людская, такія мудрыя, такія утѣшающія,—и такъ неутѣшительныя. Закрывъ лицо руками, едва слыша слова и пѣніе, едва вдыхая ладанъ грусти, она ясно видѣла передъ собою лицо покойнаго, внезапно ей милое. Видѣла его живымъ,—смѣялись глаза, и уста,—полуприкрытыя черными усами, двигались, и слова были мудрыя и правдивыя, и слова были о томъ, что неизмѣнно близко и дорого сердцу. Всматривалась, — и черты лица, въ короткую минуту цѣлованія схваченныя цѣпкою памятью внезапно влюбленной, оживали теперь передъ нею, и все яснѣе представалъ милый обликъ. И каждая черта этого лица неложно говорила о чемъ то, безконечно-миломъ и близкомъ.

Кончилась панихида. Уходили. Около родителей покойнаго были близкіе. Утѣшали, шептали что-то.

Нина стояла одна. Ей казалось, что она окружена чужою и враждебною атмосферою.

Совсѣмъ одна...

— Неужели уходить? Оставить милаго?

Заплакала. Пошла изъ комнаты, тихая, грустная, милая, жалкая, провожаемая влажными взглядами родныхъ и знакомыхъ.

На лѣстницѣ, на площадкѣ нижняго этажа остановилась, плача. И вдругъ послышались бѣгущіе сверху легкіе шаги. Нина посмотрѣла вверхъ по лѣстницѣ, — какое-то неясное предчувствіе сказало ей, что это за нею.

Дѣвушка въ траурномъ ситцевомъ платьѣ, съ креповымъ чепчикомъ на головѣ, русоволосая и веснусчатая, съ сѣрыми и покраснѣвшими отъ слезъ глазами,—горничныя такъ плачутъ по добрымъ господамъ,—быстро сбѣгала по лѣстницѣ. Остановилась передъ Ниною.

— Барышня,—тихонько заговорила она, слегка запинаясь, точно конфузясь,—наша барыня, ихъ мамаша, просятъ васъ пожаловать къ нимъ на минуточку.

— Зачѣмъ?—робко спросила Нина.

— Не могу знать, барышня,—отвѣтила горничная, но видно было по ея тону, что знаетъ и хочетъ сказать. — Только очень

просятъ,—продолжала она.—Кажется, у нихъ письмо. Да не знаю ужъ что. Только очень просятъ.

Нина поднималась по лѣстницѣ, и смутная боязнь томила ее, навѣвая ей какія то внѣшнія опасенія, такія мелкія сравнительно съ глубиною ея печали. Думала:

„Неужели попросятъ не приходить болѣе? Но за что же? Или станутъ обвинять въ смерти моего милаго“?

И ручьемъ хлынули слезы. Пошатнулась. Горничная поддержала ее подъ локоть, участливо заглядывая въ лицо.

„Пусть обвиняютъ,—думала Нина,—я не буду спорить. Пусть я виновата. И почемъ я знаю? И что я знаю“?

Горничная провела ее въ гостиную.

Видно было, что вся семья живетъ на дачѣ, и пріѣхали сюда только для похоронъ. Мебель была въ чехлахъ и поставлена какъ-то кое-какъ, не совсѣмъ по зимнему. Зеркало въ простѣнкѣ было наскоро и неровно прикрыто чѣмъ то бѣлымъ,—это потому, что въ домѣ былъ покойникъ.

Нина отвела креповую вуаль отъ лица, поблѣднѣвшаго подъ лѣтнимъ загаромъ и даже словно похудѣвшаго отъ печали,—и смотрѣла печальными и робкими глазами на сѣдую худощавую женщину, довольно высокаго роста, поднявшуюся ей навстрѣчу съ дивана.

„Мать“, подумала Нина.

Какъ-то механически отмѣчала:

„Сѣдая. Тонкая. Глаза голубые, свѣтлые. Похожа на сына“.

Казалось почему-то, что еще на дняхъ эта женщина съ заплаканными глазами и отчаяннымъ лицомъ не была сѣдою,—тщательно зачесывала волосы, и даже, можетъ быть, подкрашивала ихъ, а теперь вдругъ разомъ опустилась и уже забыла о своей внѣшности, и о растрепавшихся на головѣ сѣдыхъ космахъ.

Пригласила сѣсть. Въ этой же комнатѣ, у окна, стоялъ отецъ, высокій, прямой старикъ. Стоялъ въ полуоборотъ къ окну, точно и хотѣлъ смотрѣть на гостью, и хотѣлъ скрыть отъ нея выраженіе печали на гордомъ старческомъ лицѣ.

— Вотъ, — сказала старуха, — смотрю я на васъ, вы одна здѣсь намъ незнакомая. Вотъ я и думаю, что это вамъ должно быть письмо отъ Сереженьки. Вамъ?

— Не знаю,—сказала Нина.—Какъ я могу знать?

Старалась не плакать, а слезы опять хлынули изъ глазъ. Заплакала и мать.

— Такъ это для насъ неожиданно,—говорила она.—Ждемъ Сереженьку къ обѣду, — онъ на день въ городъ уѣхалъ, — и вдругъ... Да, о письмѣ-то я начала. Видите...

Старуха вынула изъ альбома, лежащаго на столѣ, письмо въ узкомъ сѣро-зеленомъ конвертѣ, и сказала:

— О комъ Сереженька пишетъ, мы никакъ не могли догадаться. Но это письмо,—ко мнѣ онъ письмо оставилъ, и вотъ это письмо вложено,—проситъ передать его молодой барышнѣ, которая у насъ не бывала, передать, если она придетъ на панихиду или на выносъ. А узнаете, пишетъ, по тому, что она въ траурѣ будетъ и, можетъ быть, поплачетъ немножко. Ей, пишетъ, и отдайте. Если же она не придетъ, сожгите, пишетъ, не читая. Вотъ я и думаю, не вамъ-ли письмо.

И не колеблясь ни минуты, Нина сказала:

— Да, это мнѣ.

Поблѣднѣла. Протянула руку за письмомъ, вся полная страха. Тяжелые-ли упреки броситъ ей изъ за таинственной грани ея милый? Слова-ли нѣжной любли и утѣшенія?

Подумала:

„А если придетъ она, другая?“

Шуршалъ конвертъ въ дрожащихъ пальцахъ. И уже нетерпѣливою рукою разорванъ край конверта. Быстрыя мысли чередовались, пока вытаскивала письмо изъ темницы конверта:

„Придетъ—отдамъ. Да не придетъ. Злая, оставила, забыла въ страшные предсмертные его часы не томилась тоскою предчувствій. Какъ я. Это—мое. Но если придетъ, и трауръ надѣнетъ, и заплачетъ,—отдамъ“.

И отецъ и мать стояли передъ нею и смотрѣли на ея лицо, когда она читала. Точно по лицу хотѣлось узнать имъ страшную тайну.

Читала:

„Милая, дорогая, пишу тебѣ въ странной, можетъ быть, несбыточной надеждѣ, что ты все-таки придешь къ моему гробу, заплачешь надъ моею могилою, хоть короткое время поносишь по

мнѣ трауръ. Зачѣмъ мнѣ это? Знаю, что это—ужасная ерунда, а все-таки утѣшенъ мечтою о томъ, что ты придешь. И если придешь, тебѣ отдадутъ это письмо... А не придешь—сожгутъ. Такъ я просилъ маму, а она у меня славная и не обманетъ, сдѣлаетъ, какъ я прошу. Ты, я вѣрю, не огорчишь ее ни однимъ ненужнымъ словомъ. Я, видишь-ли, умираю. Все одно къ одному подошло. Не вини себя, милая. Въ нашей разлукѣ я самъ виноватъ, я одинъ. И мнѣ пенять не на кого, а только это было такъ, словно изъ ткани моей жизни кто-то выдернулъ какую-то связующую нить, и все стало разсыпаться. По внѣшности я остался такимъ же, и шелъ заодно съ товарищами, вообще не вѣшалъ носа. Даже взялся за дѣло, которое раньше, можетъ быть, сдѣлалъ бы съ размаха. А теперь оно меня окончательно раздавило. Убить всегда трудно,—но вѣдь я знаю, что... Да что говорить! Взялся, и не могу. Предпочитаю убить самого себя. Не потому, чтобы старыя прописи изъ морали, ну, тамъ святость человѣческой жизни,—да нѣтъ, можетъ быть, и это. Такъ, страшно и темно. Весь изнемогъ. Я — человѣкъ конченный (впрочемъ, эту фразу я слизнулъ у кого-то, ну да сойдетъ). Тебѣ хотѣлъ бы сказать что-нибудь очень свѣтлое и спокойное. Ты, можетъ быть, улыбнешься сквозь слезы, но пусть, — я все-таки тебя, Киска, очень люблю. Будь счастлива, обо мнѣ вспоминай не часто и безъ досады. А если бы ты вернулась,—но, впрочемъ, что вамъ, живущимъ, завѣты изъ-за гроба? Чепуха, не правда-ли? И все-таки, мой другъ, моя милая, тотъ, кто увидѣлъ свѣтъ и отвернулся отъ него, порядочная дрянь.

Прощай. Твой Сергѣй".

Нина вложила письмо въ конвертъ. Хотѣлось уйти, остаться одной, перечитывать, думать и плакать. И уже хотѣла уходить. Но чьи-то просящіе взоры удержали ее.

— Что вамъ пишетъ Сережа?—спросила мать.

Нина молчала. Не знала, что сказать. Старая продолжала:

— Поймите ужасъ нашего положенія,—вѣдь мы совершенно не знаемъ изъ-за чего Сережа, изъ-за чего, — вѣдь это ужасно! Хоть бы что-нибудь знать, хоть бы что-нибудь!

Нина думала:

„Что же я могу сказать? А если она придетъ? и придется ей отдать письмо? Лучше пусть она скажетъ".

Улыбалась и плакала. Сказала рѣшительно:

— Простите, я очень понимаю, но сейчасъ я должна молчать. Я не могу вамъ сказать, ничего не могу.

— Сударыня,—началъ молчавшій до этого времени отецъ, и звукъ его голоса былъ странно-рѣзокъ и скрипучъ, — вѣдь мы могли бы и не отдавать вамъ письма. Въ такомъ положеніи... Мы имѣли бы право сами его распечатать. А вы скрываете...

Не кончилъ. Странно всхлипнулъ. Отвернулся.

Нина потупилась, и тихо сказала:

— Да, вы имѣли возможность прочитать это письмо,—но вы этого не сдѣлали.

— Нѣтъ, конечно, — говорила мать, — кто же говоритъ! Конечно, мы бы не стали читать чужого письма. Но наше... наше горе... умоляю васъ, пожалѣйте старую женщину.

— Ради Бога,—вскрикнула Нина,—подождите, подождите до завтра. Клянусь вамъ, теперь я не могу. Я скажу вамъ завтра. Завтра, когда его... когда Сережу... ради Бога.

Плакали обѣ, обнимая одна другую. И вдругъ мать оттолкнула Нину.

— Не дастъ вамъ Богъ счастія, если онъ изъ-за васъ!—плачущимъ воплемъ слабо вскрикнула она, и бросилась рыдая изъ комнаты.

Отецъ быстро ушелъ за нею. Нина осталась одна.

День проходилъ тупо и вяло, въ смятеніи мыслей и мечтаній. Перечитывала письмо милаго. Думала боязливо:

„А если придетъ та, другая, злая“?

Горько было думать, что придется отдать ей милыя странички, исписанныя мелкимъ, торопливымъ четкимъ почеркомъ. И утѣшая себя, опять думала:

„Да нѣтъ, не придетъ“.

Нетерпѣливо ждала вечера,—итти опять на панихиду, въ гробъ милому положить бѣлую розу, у гроба его оставить бѣлый вѣнокъ опечаленной невѣсты. И узнать, пришла-ли злая разлучница.

Докучныя, лишнія, пламенныя влачились минуты змѣиносолнечнаго дня.

Послѣ обѣда Нина сказала Наташѣ:

— Послѣдняя отрада—получить письмо отъ милаго. Я его получила.

Наташа съ удивленіемъ смотрѣла на узкій зеленый конвертъ. Нина въ первый разъ замѣтила на конвертѣ надпись. Прочла:

„Опечаленной невѣстѣ“.

Та, другая, не приходила. Ее не было ни на вечерней панихидѣ, гдѣ бѣлый легъ вѣнокъ на ступени чернаго катафалка, и у черныхъ волосъ милаго упала бѣлая роза, подарокъ невѣсты. Ее не было и на выносѣ, и на отпѣваніи.

И красота невѣстиной печали ничѣмъ не была нарушена.

По знойнымъ утреннимъ улицамъ равнодушно-шумнаго города, за гробомъ, по пыльной мостовой шла Нина съ родителями своего жениха. Кто-то изъ его родныхъ, элегантно-одѣтый и красивый господинъ съ сѣдѣющими усами и прямымъ станомъ отставного офицера, велъ Нину подъ руку.

Красота ея печали влеклась по безобразію пыльныхъ, знойныхъ улицъ, подъ неистовымъ пыланіемъ древняго Змія, среди минутно тронутыхъ и крестящихся прохожихъ,—роковая красота печали влеклась на сѣромъ и зломъ безучастіи Айсы.

Устала, но не хотѣла сѣсть въ карету. И смертельно устала. Усталость вѣнчала красоту ея печали, и милая томность ея лица была еще болѣе трогательна этимъ, чужимъ ей людямъ.

Скорбный дологъ былъ обрядъ,—потому что не жалѣли денегъ, и въ красивой церкви хорошо пѣлъ отличный хоръ пѣвчихъ. Обрядъ, утѣшающій слабыхъ,—но какое утѣшеніе могъ дать Нинѣ, бѣдной невѣстѣ жениха, только изъ-за гроба сказавшаго ей слова любви, но и слова укора. И думала она:

„Куда же я должна вернуться, чтобы утѣшить его? Чтобы не остаться по его откровенно-милому слову, порядочною дрянью, малодушно отвернувшейся отъ свѣта“?

И казалось ей, что она знаетъ, куда пойдетъ, и чѣмъ его утѣшитъ.

Могила. Брошены послѣднія горстки земли...

Рыдали мать и невѣста, — некрасивая, старая, родная ему, съ покраснѣвшимъ носомъ, сгибалась, сбивая на бокъ шляпу,—и молодая, блѣдная, заплаканная дѣвушка, чужая ему при жизни и теперь единственно близкая ему.

И онѣ остались однѣ надъ свѣжею могилою,—одна не берегла сына, и сердце его было ей темно, и помыслы не понятны и чужды,—и другая: на нее ни разу не глянули его милыя очи, но ей открылось его сердце,—слабое, изнемогшее отъ непосильнаго бремени, земное сердце человѣка, который хотѣлъ великаго подвига и не могъ его совершить.

„Милый,—шептала она,—я знаю путь, которымъ надо итти, чтобы съ тобою быть, чтобы тебя утѣшить. Ты не могъ, ты ослабѣлъ отъ печали, тебѣ темно и холодно въ могилѣ, но ничего, не бойся, я сдѣлаю все, что было твоимъ дѣломъ. И если на твоемъ пути есть страданія, они будутъ моими“.

Смотрѣли одна на другую. Нина думала:

„Что скажу ей? Чѣмъ ее утѣшу“?

Сказала ей тихо:

— Вы сказали вчера, что Богъ не дастъ мнѣ счастія, если онъ умеръ изъ-за меня. Видитъ Богъ, что я въ этомъ нисколько не виновата. Но на что же мнѣ счастіе, если онъ, милый мой, въ могилѣ? Я не умѣла быть съ нимъ вмѣстѣ, когда онъ былъ живъ, но повѣрьте, что я всегда буду вѣрна его памяти. И то, что онъ мнѣ завѣщалъ, исполню,—и его любовь будетъ моею любовью, его друзья моими друзьями, его ненависть моею ненавистью, и то, отчего погибъ онъ, понесу я.

ѲЕДОРЪ СОЛЛОГУБЪ.

ВЕСНА.

По обыкновенію, весь вечеръ Коломійцевъ просидѣлъ дома. Шелъ дождь и было безысходно-тоскливо на душѣ. Разъ десять Коломійцевъ заводилъ грамофонъ и слушалъ одинъ и тотъ же номеръ: Вальдтейфелевскій вальсъ „Полевые цвѣточки". Слушалъ онъ, лежа на кушеткѣ, съ закрытыми глазами, и грустная мелодія вальса съ лирически-спокойнымъ аккомпаниментомъ трубъ переносила его почему-то въ уѣздный городъ, изъ котораго онъ уѣхалъ лѣтъ двѣнадцать тому назадъ. Военный оркестръ въ грамофонѣ звучалъ какъ будто издалека, и при этомъ чувствовалось, что играетъ онъ непремѣнно гдѣ-нибудь въ саду, подъ открытымъ небомъ, и что тутъ же рядомъ, по аллеямъ, гуляетъ праздничная толпа.

И чѣмъ больше Коломійцевъ слушалъ, тѣмъ сильнѣе и непонятнѣе щемило на душѣ.

Потомъ всю ночь снилась Коломійцеву его невѣста, умершая тоже лѣтъ двѣнадцать тому назадъ, о которой онъ давнымъ-давно позабылъ и которой уже совсѣмъ не могъ представить въ лицо. Она стояла на порогѣ его комнаты въ длинныхъ перчаткахъ и большой шляпкѣ, какъ будто собралась на прогулку, ласково прощалась съ нимъ, а онъ все чему-то не вѣрилъ, умолялъ ее не уходить, плакалъ, бросался на колѣни и бился головою объ полъ. И такъ пѣвуче-сладостна была его тоска, что хотѣлось никогда не просыпаться. Подъ конецъ ни съ того ни съ сего Коломійцеву приснилось, что онъ парится въ горячей банѣ и что тутъ же играетъ грамофонъ, и когда разсерженный онъ вскочилъ съ постели, то увидалъ, что онъ весь освѣщенъ солнцемъ. За окномъ слышались звуки военнаго марша и нечеловѣчески-друж-

ный топотъ шаговъ. Коломійцевъ долго ничего не могъ понять и, угрюмо щурясь, провожалъ глазами блестящія мѣдныя трубы музыкантовъ и сѣрыя колонны солдатъ.

Изъ окна вѣяло тепломъ, и отъ вчерашняго дождя на улицѣ не сохранилось и слѣда. Было и весело, и грустно, тянуло на воздухъ, и, медленно одѣваясь, Коломійцевъ рѣшилъ, что не пойдетъ сегодня на службу. По сосѣдству, за перегородкой, стучалъ тяжелыми каблуками, откашливался и ругался самъ съ собою низкой октавой пѣвчій Казанскаго собора, Носачъ. Коломійцевъ задумался и вдругъ вышелъ въ корридоръ. Постоялъ. Носачъ точно почувствовалъ и сейчасъ же пріотворилъ дверь.

— Что вы ругаетесь?—угрюмо спросилъ Коломійцевъ.

— А вамъ какое дѣло?—мрачно переспросилъ Носачъ.

— Хочу вамъ помочь,—неожиданно для себя отвѣчалъ Коломійцевъ.

— Ого-го,— неопредѣленно пробасилъ Носачъ, — чудеса въ рѣшетѣ. Неужели дадите денегъ?

— А вамъ сколько?

Носачъ вылѣзъ въ корридоръ всклокоченный, безъ пиджака.

— Ничего не пойму,—сказалъ, онъ,—да вы, Иванъ Иванычъ, здоровы?

— Ладно, ладно, — говорилъ Коломійцевъ, не глядя ему въ лицо,—хотите двадцать пять рублей?

— Вы подлецъ!—чуть не зашипѣлъ Носачъ и, уйдя къ себѣ, громко захлопнулъ дверь.

Коломійцевъ кротко улыбнулся и постоялъ еще съ минуту.

— Какого дьявола вы здѣсь торчите? — послышалось изъ дверной щели.

— Возьмите деньги, — говорилъ Коломійцевъ, протягивая Носачу на ладони горсточку золотыхъ.

— Да вы серьезно?—недовѣрчивымъ отъ радости и виноватымъ голосомъ спрашивалъ Носачъ, снова выходя въ корридоръ.— Голубчикъ, вы не разсердились? Вѣдь я думалъ, что вы издѣваетесь надо мной, потому васъ и обругалъ. Да что съ вами стряслось такое! Всегда такимъ чортомъ смотрите, и на вотъ тебѣ. Спасибо. Дайте я васъ расцѣлую, родной.

И два угрюмыхъ человѣка расцѣловались.

Потомъ Коломійцевъ быстро вернулся къ себѣ, забралъ изъ

шкатулки всѣ свои сбереженія, рублей полтораста, и почти выбѣжалъ на улицу.

Катились ярко-желтые омнибусы на ярко-красныхъ колесахъ, съ весело трепыхающейся новенькой парусиной на окошкахъ, мчались велосипедисты, на перекресткахъ стояли городовые въ лѣтнихъ фуражкахъ и безъ пальто, а въ воздухѣ пріятно пахло березовыми почками, дымомъ финляндскихъ пароходовъ и нагрѣтой мостовой. Коломійцевъ шелъ, опустивъ свои длинные черные усы и путаную щетинистую бороду, и въ его душѣ звучали грустные звуки Вальдтейфелевскаго вальса, и дѣвушка въ длинныхъ перчаткахъ, съ давно позабытымъ лицомъ, какъ будто убѣгала отъ него куда-то вдаль.

Тоскливо и сладостно щемило сердце, не было ни воспоминаній, ни мыслей, и только безсознательно хотѣлось оказать незамѣтную услугу, раздать всѣ деньги, сдѣлать кому-нибудь веселый, радостный сюрпризъ.

На Невскомъ Коломійцевъ остановился у перваго цвѣточнаго магазина, подумалъ, потеръ себѣ лобъ и медленно переступилъ порогъ. Въ холодномъ сумракѣ магазина роскошно пахло весной, и было странно видѣть среди нѣжной зелени и цвѣтовъ двухъ мужчинъ съ неинтеллигентными лицами, съ карандашами за ухомъ и въ черныхъ засаленныхъ пиджакахъ. Коломійцевъ жадно вдыхалъ ароматъ, и, продолжая упорно думать, зачѣмъ онъ зашелъ сюда, выбиралъ корзину ландышей. Не торгуясь, онъ заплатилъ 15 рублей, и вдругъ расправилъ морщины на лбу и засмѣялся отъ радостной догадки.

— Будьте добры послать это сейчасъ же, я вамъ дамъ адресъ.

— Прикажете съ вашей карточкой?

— Нѣтъ, ничего не нужно, запишите только для себя.

И онъ медленно продиктовалъ:

„Гороховая улица. Кондитерская Au bon gout, продавщицѣ Бертѣ“.

Улыбаясь, онъ вышелъ, и ему было весело представлять себѣ, какъ незнакомая ему женщина, которую однажды въ его присутствіи кассирша кондитерской назвала Бертой, будетъ ломать свою бѣлокурую голову надъ прелестнымъ подаркомъ, не вѣря своимъ глазамъ.

Обѣдалъ Коломійцевъ въ польской столовой, вмѣстѣ со студентами и молодыми дѣвушками, и все время смотрѣлъ на одну изъ нихъ—съ маленькимъ, алымъ, полуоткрытомъ ртомъ и удивленными золотисто-карими глазами. По разсѣянному движенію руки, все время оправлявшей длинный коричневый вуаль, Коломійцевъ догадался, что она ждетъ кого-то, и потомъ, когда пришелъ высокій офицеръ въ пенснэ, съ красивымъ насмѣшливымъ лицомъ, и дѣвушка уронила на полъ вилку, онъ чуть не засмѣялся отъ удовольствія. Молодые люди почти сейчасъ же вышли, и Коломійцевъ, поспѣшно расплатившись, бросился ихъ догонять, но въ толпѣ уже не могъ разыскать ихъ. На солнце надвинулась уродливая, грязная и тяжелая туча и стала неподвижно надъ Казанскимъ соборомъ. Звонили ко всенощной. Коломійцевъ вспомнилъ, что его сосѣдъ, пѣвчій собора, Носачъ, вѣроятно, теперь стоитъ на клиросѣ пьяный и громко откашливается въ кулакъ, а потомъ уйдетъ съ пріятелями куда-нибудь въ трактиръ играть на билліардѣ. И вдругъ вчерашняя, непонятная тоска сдавила его сердце, и съ безпощадной увѣренностью онъ понялъ, что онъ не любилъ и не любитъ, что ему нечѣмъ ея вспомнить и что у прошлаго его нѣтъ живого лица, какъ у давно умершей и позабытой невѣсты. Стало до отвращенія стыдно вспышекъ нелѣпой сантиментальности, 25 рублей, отданныхъ Носачу, корзинки ландышей, посланной продавщицѣ Бертѣ. Ненавидя себя и отворачиваясь отъ встрѣчныхъ, онъ прошелъ къ ближайшей набережной и долго простоялъ у перилъ, неподвижно и тупо глядя въ застывшую мутнозеленую воду. Вынулъ кошелекъ и пересыпалъ въ руку весь запасъ маленькихъ золотыхъ. Жестко подумалъ: „если хватитъ силы разстаться съ этимъ, то сегодня послѣдній день“. Сами собой разжались пальцы, и длинная золотая струйка беззвучно пронзила воду.

„Все кончено“, спокойно подумалъ Коломійцевъ и уже мертвый, безъ ощущеній, направился домой.

Въ корридорѣ было темно, и всѣ двери плотно закрыты, только на порогѣ одной изъ комнатъ стояла горничная съ жестянымъ ведромъ и половой щеткой, медлила уходить и жидкимъ надтреснутымъ голосомъ напѣвала вальсъ „Полевые цвѣточки“, подслушанный вчера.

Коломійцевъ рѣшительно вошелъ къ себѣ, зажегъ на столѣ

двѣ свѣчи, поставилъ между ними зеркало, взялъ бритву, для чего-то подулъ на нее и сѣлъ. Онъ увидалъ въ зеркалѣ темное, заросшее волосами лицо и мертвые, чужіе, ненавистные ему глаза.

„Я сейчасъ убью тебя“—прочиталъ онъ въ этихъ глазахъ.

„Я знаю,—спокойно сказалъ онъ вслухъ,—убивай, только пожалуйста скорѣе“.

Онъ отвернулся отъ зеркала, и ему вдругъ показалось, что чья-то чужая, твердая и страшно жестокая рука перерѣзала ему горло. И сразу онъ началъ падать, не отводя глазъ отъ двери, и тотчасъ безликая дѣвушка, въ длинныхъ перчаткахъ и большой шляпѣ, неподвижно стала передъ нимъ и заслонила собою дверь.

АНАТОЛІЙ КАМЕНСКІЙ.

САМОУБІЙЦѢ.

Тебѣ, кто отстрадалъ, тебѣ, кто жилъ, страдая,
И умеръ, не пройдя тоскливаго пути,
Тебѣ, уставшій братъ, я шлю свое „прости“,
Съ безумною мечтой къ могилѣ припадая.
Меня пугаетъ жизнь безцѣльно-молодая,
Холодная, какъ ледъ, жестокая, какъ звѣрь,
И я—какъ ты—хочу открыть до срока дверь,
Войти въ блаженный міръ, забыться, не рыдая...
Забыться я хочу! Вся жизнь моя—тюрьма.
Душа, отравленна сомнѣніемъ ума,
Его презрѣніемъ—мятется и не вѣритъ!
А сердце слабое постыдно лицемѣритъ
И пьетъ безуміе пылающихъ страстей,
Уже отчаявшись въ исканіи путей.

ЯКОВЪ ГОДИНЪ.

СЫНЪ РЫБАКА *).

— Мама! Мнѣ не спится. Разскажи мнѣ сказку.
Нѣтъ, не сказку! Правду. Море глубоко?
— А не хочешь сказку? Птицу Синеглазку,
Что жила надъ моремъ, въ скалахъ высоко?
— Лучше правду, мама. За морями что же?
Долго будетъ папа плавать по морямъ?
— Онъ вернется скоро. Помоги намъ, Боже!
А за моремъ—море. Только море тамъ.
— У отца вѣдь лодка крѣпкая, большая?
Утонуть не можетъ онъ въ морскихъ волнахъ?
— Плачешь, милый? Смотришь, сердце сокрушая.
Полно! Это вечеръ нагоняетъ страхъ.
— По ночамъ мнѣ, мама, и страшнѣй бываетъ:
Снится дно морское и глаза звѣрей.
— Всякій сонъ, любимый, мимо пролетаетъ.
Положи головку, засыпай скорѣй!
— Мама, слышишь, мама: я ужъ засыпаю.
Только пусть не снится страшный этотъ сонъ.
— Тихо спи! На сердце Божье уповаю.
Боже, Боже, Боже! Пусть вернется онъ.

СЕРГѢЙ ГОРОДЕЦКІЙ.

---

*) «Образованіе» № 7, 1908 г.

ВЕСНОЙ ПОВѢЯЛО.

I.

Знаменское волостное управленіе сообщило земскому врачу Воропаеву о появленіи въ этой волости пятнистаго тифа, и докторъ, не смотря на распутицу, немедленно затрусилъ туда на земской таратайкѣ по раскисшей, вязкой дорогѣ. Больница осталась подъ присмотромъ его жены—акушерки-фельдшерицы.

По отъѣздѣ мужа, Нина Петровна тотчасъ-же вступила въ исполненіе его обязанностей — начала обходъ палатъ, которыхъ было всего четыре: заразная, родильная, дѣтская и хирургическая. Ее сопровождала фельдшерица Александра Ивановна, молодая дѣвушка, нѣжная, свѣжая блондинка съ темными кругами подъ голубыми глазами и съ пышнымъ ореоломъ пепельныхъ волосъ.

Нина Петровна была смугла и казалась гораздо моложе своихъ тридцати лѣтъ. Волосы у нея были черны, какъ воронье крыло, а глаза какъ-будто были наполнены чернымъ свѣтомъ. Благодаря опущеннымъ книзу угламъ узенькаго рта и влажности глазъ, лицо ея казалось печальнымъ, всегда готовымъ заплакать. У Александры-же Ивановны немного вздернутый носъ, полныя, свѣже-красныя губы и искрящаяся, почти огненная лазурь глазъ дѣлали лицо смѣшливымъ и веселымъ. Обѣ были влюблены въ земскаго учителя Никонова, завѣдывавшаго школой сосѣдняго села Низовки, и ненавидѣли другъ друга искренно и глубоко.

Обходя больныхъ, онѣ старались не глядѣть другъ на друга и обмѣнивались только короткими, дѣловыми замѣчаніями. Въ корридорѣ, при переходѣ изъ хирургическаго отдѣленія въ дѣтское, Александра Ивановна, не подымая глазъ и краснѣя, тихо спросила:

— Иванъ Васильевичъ пріѣдетъ сегодня?

Нина Петровна искоса посмотрѣла на нее, чуть замѣтно однимъ уголкомъ рта усмѣхнулась и небрежно проронила:

— Не знаю... пишетъ, что дѣла у него много...

И строго сжавъ губы, дѣловитой походкой прошла въ дѣтскую палату. Александра Ивановна еще ниже опустила голову и послѣдовала за ней съ покорнымъ, грустно скучающимъ видомъ.

Послѣ обхода онѣ завтракали въ столовой, сидя одна противъ другой. Нина Петровна ѣла съ большимъ аппетитомъ, часто опуская руку въ карманъ бѣлаго передника, гдѣ у нея лежала записка Никонова — «Сегодня буду. Никоновъ». Эти три слова наполняли все ея существо трепетомъ радостнаго волненія. А Александра Ивановна забыла, что передъ ней стоитъ тарелка съ жареннымъ мясомъ, и, катая изъ хлѣба шарики, смотрѣла на окно, стекла котораго оттаивали и пропускали въ комнату, прямо къ столу, яркіе, золотые, уже грѣющіе лучи солнца. На ея рѣсницахъ дрожатъ слезы, которыхъ она не замѣчаетъ.

Ей отчего-то холодно. Она ежится, кутается въ свой пуховый сѣрый платокъ, съ которымъ она никогда не разстается. Но отъ этого теплѣй не становится; она потупляется, боится поднять глаза, чтобы не встрѣтиться съ глазами Нины Петровны, которая упорно, съ нескрываемой злобой, смотритъ на нее. Молчаніе становится тягостнымъ, невыносимымъ. Наконецъ, не выдержавъ, Александра Ивановна встаетъ и уже на ходу, почти плача, говоритъ:

— Я пойду къ себѣ... у меня голова болитъ...

Проходя въ дверь, она больно ударяется плечомъ о косякъ двери и слышитъ за собой тихій, язвительный смѣшокъ.

II.

Въ семь часовъ вечера пріѣхалъ Никоновъ. Десять верстъ тряски по распутицѣ его нисколько не утомили, и онъ выглядѣлъ бодрымъ и веселымъ. Это былъ крѣпкій, двадцати-трехъ-лѣтній юноша, смуглый, какъ цыганъ, съ черной, кудрявой бородкой и лихорадочно горѣвшими глазами. У Воропаевыхъ онъ былъ своимъ человѣкомъ, докторъ и его жена называли его попросту Ваней.

Въ передней его встрѣтила Александра Ивановна. Радостно удивившись, она сдѣлала большіе глаза, еще хранившіе слѣды

недавнихъ слезъ и густо покраснѣвъ, смѣшалась и не поздоровавшись, убѣжала.

— У Саши весенняя печаль, Ваня, — смѣясь говорила Нина Петровна, высовываясь изъ двери столовой:—это хорошая печаль, и ей можно позавидовать...

Въ столовой уже пыхтѣлъ на столѣ бѣлый самоваръ, и блестѣли подъ висячей лампой на бѣлоснѣжной скатерти стаканы и чашки. Въ комнатѣ было по зимнему тепло, а въ раскрытую форточку окна влеталъ порывами легкій вѣтерокъ, пахнущій талымъ снѣгомъ и дождевыми облаками.

Нина Петровна разливала чай и казалась чѣмъ-то смущенной. Никоновъ чувствовалъ ея смущеніе, удивленно поглядывалъ на нее и не понималъ, что съ ней. Но ея смущеніе какъ-то странно волновало его и лишало способности говорить. Смущеніе начинало овладѣвать и имъ. Онъ, украдкой, разсматривалъ ее такъ, какъ-будто впервые видѣлъ ее и впервые почувствовалъ въ ней женщину—молодую, красивую, страстную. Волненіе росло и, вмѣстѣ съ нимъ, поднимался и сжималъ сердце жутко-сладкій страхъ. Отъ ея взгляда, который онъ временами ловилъ глазами, его бросало въ жаръ и холодъ.

— Пейте чай, Ваня... остынетъ...

Голосъ ея звучалъ обычной ласковостью и дѣланнымъ спокойствіемъ. Откинувъ со лба привычнымъ движеніемъ руки волосы, Никоновъ посмотрѣлъ на Нину Петровну, и его глаза невольно остановились на ея, почти дѣвически высокой и упругой груди, взволновано колыхавшейся подъ тонкой кисеей голубой рубашечки. Она покраснѣла, поймавъ его взглядъ и низко нагнувъ голову, торопливо, нервно замѣшала ложечкой въ стаканѣ.

Онъ сдѣлалъ усиліе и, овладѣвъ собой, заговорилъ почти спокойнымъ голосомъ:

— Весна начинается... для меня уже вторая въ этихъ мѣстахъ... Каждый разъ, когда наступаетъ весна я волнуюсь отъ мысли: можетъ быть, съ этой весной придетъ и другая...

Онъ помолчалъ и помѣшивая въ стаканѣ ложечкой, задумчиво прибавилъ:

— Въ воздухѣ носится... иногда кажется, что слышишь ея широкій, свободный шумъ...

Нина Петровна уныло поникла, съежилась и смотрѣла на

него съ явной тоской разочарованія. Ея глаза какъ-будто говорили: ахъ, не то, не то говоришь ты!.. И то, что она хотѣла-бы услышать отъ него—просилось на языкъ горячими, страстными словами, и холодная дрожь чувственнаго страха пробѣгала у него по спинѣ. Но что-то упорно мѣшало. Какой-то уголокъ души возмущался, протестовалъ, испуганно и оскорбленно дрожалъ. «Не надо, не надо!» — мысленно восклицалъ Никоновъ и рѣзкимъ усиліемъ воли заставляя себя думать о другомъ, онъ продолжалъ говорить о томъ, что было не интересно въ данную минуту ни ему, ни ей.

— Сегодня я проѣзжалъ черезъ Низовку и видѣлъ этотъ возмутительный хвостъ очереди у казенной винной лавки. Это какой-то отвратительный, страшный паукъ, присосавшійся къ деревнѣ, опутавшій ее грязной, липкой паутиной и сосущій изъ нея жизнь... Подумать только...

Дверь съ шумомъ распахнулась, и на порогѣ появилась Александра Ивановна. Она имѣла смущенный и растерянный видъ, словно нечаянно открыла и нарушила интимный tete-a-tete.

— Ахъ, извините,—пробормотала она, дѣлая сконфуженное лицо и въ то-же время съ нескрываемымъ любопытствомъ ревности оглядывая сидѣвшихъ за столомъ.

Нина Петровна бросила на нее гнѣвный, уничтожающій взглядъ. Никоновъ замѣтилъ, какъ скрестились, словно два стальныхъ клинка, ихъ сверкающіе злобой и ненавистью глаза. На мгновеніе воцарилось тяжелое молчаніе, въ которомъ было слышно только взволнованное дыханіе двухъ женщинъ. Никоновъ перехватилъ взглядъ Александры Ивановны, та смѣшалась, покраснѣла и круто повернувшись, выбѣжала, хлопнувъ дверью.

Нина Петровна не подымала отъ скатерти глазъ и молчала. Никоновъ не зналъ, какъ загладить впечатлѣніе непріятной сцены. Онъ боялся каждой минуты молчанія, въ которомъ чувствовались неловкость и напряженіе, смутный страхъ чего-то неизбѣжнаго.

Нервно барабаня пальцами по столу, онъ мучительно искалъ о чемъ-бы заговорить, встряхивалъ головой, откидывая со лба волосы, проводилъ рукой по лбу и волосамъ, теребилъ бородку и кусалъ усы. При взглядѣ на Нину Петровну, его снова охватывало волненіе, къ головѣ приливала кровь, въ вискахъ стучало. Хотѣлось схватить руками за плечи эту стройную, молодую жен-

щину и сдавить ее такъ, чтобы она застонала и безсильная, покорилась его власти, его желаніямъ.

Онъ всталъ и широко зашагалъ по комнатѣ изъ угла въ уголъ, думая: „Это возмутительно, какъ я распустилъ себя! Этакое я животное“!..

Нина Петровна осторожно и робко слѣдила за нимъ глазами.

III.

— Мнѣ эту ночь приснился странный сонъ,—заговорилъ Никоновъ, продолжая ходить и глядя себѣ подъ ноги:—какой-то тихій, блѣдный свѣтъ разливается вокругъ меня. И не люди, а скорѣе тѣни людей бродятъ въ безмолвныхъ, синеватыхъ поляхъ. Сквозь нихъ я вижу небо, холмы, извивающіеся между холмами серебряныя рѣки, темные, высокіе сады... Не видно, кто старъ, кто молодъ. Онѣ всѣ одинаково чисты, прозрачны, красивы... Я иду за ними—такой-же тѣнью—встрѣчаюсь то съ одной, то съ другой—и каждую могу обнять и приласкать, потому что мои объятья чисты и мои ласки безгрѣшны. И каждая мнѣ близка и понятна, какъ понятенъ я самъ себѣ, и всѣхъ я одинаково люблю, и всѣ меня любятъ... И никто не говоритъ, потому что слова не нужны. Однимъ прикосновеніемъ руки, однимъ поцѣлуемъ губъ выражается все, чѣмъ здѣсь живутъ—тихая, спокойная, чистая любовь душъ. Никто не торопится, всѣ идутъ ровными, медленными шагами, потому что жизнь безконечна и смерти нѣтъ. И никто не падаетъ, потому что знаютъ дорогу, по которой идутъ; никто не оглядывается, потому что никого не боятся... Нѣтъ ни зла, ни добра. Только—любовь и покой...

Онъ замолчалъ, остановился посреди комнаты и посмотрѣлъ на Нину Петровну. Она передернула плечами, какъ-будто ей стало холодно и, не подымая опущенной головы, проговорила не своимъ, глухимъ, сдавленнымъ голосомъ:

— Я не хотѣла-бы такой жизни... Это смерть...

Потомъ подняла голову и вскинула на Никонова глаза, въ которыхъ ярко, безстыдно горѣло неудержимое желаніе любви, счастья. Кровь бросилась ему въ голову, застучала въ вискахъ.

Она вдругъ тихо, вкрадчиво засмѣялась, встала, закинула

руки за голову и потягиваясь, словно отъ нѣги, внезапно охватившей ея тѣло, только сказала:

— Ахъ, Ваня...

И снова засмѣялась мелкимъ, нервнымъ смѣшкомъ, отъ котораго у Никонова побѣжала по спинѣ холодная дрожь. Она вся дрожала отъ этого смѣха, и смѣхъ ея не обрывался, а росъ, поднимался, переходилъ въ громкій, истерическій хохотъ. Хватаясь руками и за грудь и горло, Нина Петровна старалась разорвать душившее ее платье, но руки прыгали, не слушались, и стыдясь передъ Никоновымъ своего припадка, она бросилась, наконецъ, въ спальню и тамъ продолжала хохотать, зарываясь головой въ подушки.

Никоновъ стоялъ посреди комнаты и смотрѣлъ на дверь спальни, волнуясь и колеблясь. Его тянуло въ сумракъ этой двери, за порогомъ которой, казалось, само счастье корчилось и смѣялось надъ его нерѣшительностью. Онъ прислушивался къ замирающему тамъ смѣху. И ему казалось, кто-то упорно, настойчиво шепталъ ему въ ухо:

— Иди-же... иди...

Въ спальнѣ стало тихо. И оттуда, какъ-будто легкимъ вздохомъ, вдругъ что-то выпорхнуло и прильнуло къ его замирающему сердцу.

— Ваня...

Руки его протянулись къ двери, онъ весь потянулся туда. Губы шевелились, словно пріучались произносить нѣжныя слова любви.

Легкій порывъ вѣтра хлопнулъ раскрытой форточкой; въ ту-же минуту гдѣ-то взвизгнула и тяжело громыхнула дверь, и въ корридорѣ торопливо застучали женскіе каблуки. Шаги удалялись и скоро замолкли. Никоновъ провелъ рукой по мокрому лбу и прислушался. Нина Петровна изъ спальни не подавала никакихъ признаковъ жизни. Вѣроятно, уснула.

Крадучись, какъ воръ, Никоновъ тихонько вышелъ въ корридоръ и не отдавая себѣ отчета, пошелъ къ выходной двери.

На крыльцѣ сидѣла Александра Ивановна, безъ пальто, съ непокрытой головой. Она испуганно подняла голову, когда онъ скрипнулъ дверью и вскинула на него глаза, полные слезъ.

— Вы простудитесь,—сказалъ онъ безучастнымъ голосомъ, остановившись надъ ней и задумчиво пощипывая бородку.

Она улыбнулась сквозь слезы, ея лицо освѣтилось радостью отъ мысли, что онъ заботится о ней.

— Ничего... привыкла...

Но онъ равнодушно скользнулъ по ней почти невидящимъ взглядомъ, сошелъ по ступенямъ внизъ и медленно пошелъ по двору, кое-гдѣ еще покрытому сѣрымъ, тающимъ снѣгомъ. Александра Ивановна еще ниже согнулась, обхвативъ руками колѣни и заплакала тихо, безпомощно, какъ одинокое, обиженное дитя.

IV.

Никоновъ ничего не думалъ и не видѣлъ. Ему нужно было итти, двигаться, уйти отъ чувства, тянувшаго его въ комнаты, гдѣ онъ оставилъ нетронутымъ счастье—большое, полное восторга и ужаса. Онъ старался ускорить шаги, но отчего-то трудно было итти и мучительно хотѣлось вернуться назадъ.

Передъ нимъ внезапно выросло что-то темное, плотное. Онъ подошелъ къ двери какого-то низкаго, каменнаго строенія. Нащупалъ рукой скобку, открылъ дверь, вошелъ. Низкая, пустая комната. Въ носъ ударило сыростью погреба и еще чѣмъ-то отвратительно-тяжелымъ и удушливымъ, вызывавшимъ представленіе разлагающагося трупа. На подоконникѣ коптила маленькая лампочка съ отбитымъ на концѣ стекломъ, освѣщавшая только первую половину комнаты. Въ густомъ сумракѣ задней части бѣлѣлись длинныя, деревянныя скамьи, стоявшія рядомъ, одна подлѣ другой.

„Мертвецкая“,—вспомнилъ Никоновъ, и уже хотѣлъ повернуться, чтобъ выйти. Но, скользнувъ глазами по противоположной стѣнѣ, окаменѣлъ и не могъ двинутся съ мѣста. Такъ бываетъ во снѣ, когда видишь какой-нибудь ужасъ, чувствуешь необходимость уйти, бѣжать—и не можешь двинуть ни рукой, ни ногой.

Въ полумракѣ виднѣлось бѣлое, какъ стѣна, лицо съ черной дырой широко раскрытаго, оскаленнаго рта, съ темными впадинами глазъ, въ которыхъ блестѣли мертвымъ стеклянымъ блескомъ два бѣлыхъ пятна, безъ зрачковъ—глаза ужаса, Медузы, отъ взгляда которой каменѣли люди... Съ трудомъ овладѣвъ собой, Никоновъ взялъ съ окна лампочку и подошелъ ближе.

Это былъ трупъ громаднаго мужика, скрюченный отъ смертельной боли, съ распоротымъ животомъ, изъ котораго вывалились и свѣсились со скамьи къ полу внутренности. По обрюзгшему отъ перепоя лицу было видно, что мужика убили пьянымъ. Изъ раскрытаго дикимъ, звѣринымъ крикомъ рта разило перегорѣлой водкой. Глаза такъ сильно закатились, что зрачки совершенно исчезли, и виднѣлись только бѣлки. Одежда на немъ была изорвана, вывалена въ грязи; кисти рукъ, залитыя кровью, запутались въ выпавшихъ синихъ внутренностяхъ.

Никоновъ съ дрожью отвращенія разсматривалъ трупъ, уже разлагавшійся и издававшій тяжелое зловоніе. Въ лицѣ этого, погибшаго страшной, скотской смертью мужика онъ видѣлъ цѣлый народъ, нищій и забитый, погибавшій отъ невѣжества и пьянства. „Что Они сдѣлали съ нимъ?“—съ острой болью негодованія думалъ онъ: „когда это кончится? Проснется-ли онъ когда-нибудь? И что будетъ, когда онъ проснется и потребуетъ отчета, и начнетъ мстить“?..

При этой мысли Никоновъ почувствовалъ злорадное удовлетвореніе. Съ поблѣднѣвшимъ отъ гнѣва лицомъ онъ поднялъ надъ трупомъ сжатые кулаки и кому-то погрозилъ ими.

Когда онъ выходилъ изъ мертвецкой—глаза его упали на освѣщенныя окна столовой—и онъ вдругъ увидѣлъ передъ собой смуглое лицо Нины Петровны, ея безстыдно зовущіе глаза, молодое, красивое, страстное тѣло. На мгновеніе онъ обезсилѣлъ, въ груди спиралью заходило волненіе. Но тотчасъ-же соблазнительный образъ молодой женщины заслонило отвратительное мертвое тѣло съ зіяющими бѣлками глазъ, съ вывалившимися изъ живота внутренностями. „Нужно работать, работать, работать“!—думалъ Никоновъ, широко шагая по двору: „Къ черту—личная жизнь, личное счастье“!..

На крыльцѣ уже не было Александры Ивановны. Постоявъ съ минуту у крыльца, онъ повернулъ въ сторону и пошелъ къ людской. Разбудилъ мужика, привезшаго его сюда и велѣлъ ему запрягать лошадь, а самъ тихонько, крадучись, прошелъ въ переднюю, одѣлъ пальто и шапку и такъ же неслышно вышелъ во дворъ. Уже садясь въ телѣгу, онъ увидѣлъ Александру Ивановну, вышедшую на крыльцо. Махнулъ ей шапкой и крикнулъ:

— Прощайте!..

Проводивъ его недоумѣвающимъ взглядомъ, Александра Ивановна вернулась въ корридоръ и открывъ дверь столовой, крикнула злорадно-торжествующимъ голосомъ:

— Иванъ Васильевичъ уѣхалъ!..

Потомъ бросилась въ свою комнату, уткнулась лицомъ въ подушку и залилась слезами.

ВЛ. ЛЕНСКІЙ.

БѢЛАЯ ГОРЯЧКА.

Какъ смѣетъ этотъ жалкій гномъ
Смѣяться предъ моимъ окномъ,
Гдѣ я, молясь подъ мирной сѣнью,
Запреты шлю землетрясенью?
Нѣтъ, рядомъ тягостныхъ помѣхъ
Заставлю смолкнуть наглый смѣхъ.
Заставлю, да!.. А ты, товарищъ,
Зачѣмъ, чернѣй ночныхъ пожарищъ,
Взобрался ты на столъ, какъ воръ,
И мнѣ читаешь приговоръ
О томъ, что буду преданъ казни?
Я, видишь, внемлю безъ боязни...
Что мнѣ дрожать! Посламъ суда
Во вѣкъ нѣтъ доступа сюда—
Въ священный храмъ, гдѣ тайной стражей
Я окруженъ отъ силы вражьей...
Лишь позову—мнѣ власть дана—
И встанетъ грозный сатана...
Ты думалъ, думалъ, что повѣрю,
Что правъ ты? Нѣтъ, я все измѣрю,
Узнаю все, коварный братъ!
Среди священныхъ этихъ вратъ
Уже не стать тебѣ отнынѣ,
Уйди блуждать, какъ звѣрь, въ пустынѣ...

Ушелъ... прогналъ его съ трудомъ...
Какой глупецъ! грозилъ судомъ,
Читалъ мнѣ приговоръ игриво...
Но онъ ушелъ... Ха-ха, какъ криво,
Задѣвъ холмы и темный лѣсъ,
Обезобразивъ сводъ небесъ,
Луну повѣсилъ Богъ сегодня!
Ха-ха, ветха рука Господня...
Что жъ, дайте лѣстницу сюда
И я, повѣрьте, безъ труда
Исправлю въ мигъ Его ошибку...
Ха-ха, какъ криво... Прочь улыбку!
Уже исправилъ я—луна
Виситъ прямая, какъ струна,
Надъ затихающей землею...
Но отчего еще хвалою
Не увѣнчалъ ты, щедрый Богъ,
Того, кто вдругъ тебѣ помогъ?
Я совершилъ твою работу,
А ты, ты погруженъ въ дремоту!
Ага! сознаться тяжело,
Что время славное прошло,
Что сталъ ты старъ и слабъ... Я боленъ...
Прости, о Боже, я безволенъ...
Забудь, забудь мою хулу,
Я вновь Твой рабъ, я вновь въ углу
Стою покоренъ предъ Тобою
Съ неумолкаемой мольбою...
Прости меня... но чтобы гномъ
Не хохоталъ передъ окномъ.

ИЛЬЯ ГУРВИЧЪ.

ВО ТЬМѢ.

ПОВѢСТЬ

(ИЗЪ ЖИЗНИ ГРУШЕВСКИХЪ УГЛЕКОПОВЪ).

I.

Пожаръ произошелъ поздно ночью, когда, за исключеніемъ работавшихъ въ шахтахъ углекоповъ, всѣ давно уже спали. По темной безлюдной равнинѣ пронесся протяжный жалобный гудокъ. За первымъ послѣдовалъ второй, третій... И вскорѣ острые сверлящіе крики пара слились въ потрясающій вопль.

Грушевка проснулась, и въ кромѣшной тьмѣ задвигались люди. Гонимые страхомъ и надеждой, эти люди бѣжали прямо на огненный столбъ. Этотъ столбъ, красный и живой, дрожалъ, вытягивался и кровавымъ знаменемъ развѣвался надъ рудникомъ братьевъ Глѣбовыхъ. Бѣжавшіе обгоняли другъ-друга, и слышно было какъ они выли на бѣгу. Тутъ были и мужчины, и женщины, и дѣти. Но вотъ они уже близко, и пожаръ глядитъ имъ въ глаза. Они видятъ машинное зданіе. Огонь яркимъ горячимъ кольцомъ обхватилъ его со всѣхъ сторонъ. Прибѣжавшіе на пожаръ знаютъ, что въ этомъ зданіи находится *входъ* и *выходъ* изъ шахтъ, и потому, что они это знаютъ, имъ становится холодно, хотя они и стоятъ вблизи огня.

Толпа, между тѣмъ, растетъ и ширится. Многоголосый паръ кричитъ на всю степь и будитъ чернокаменную равнину. Люди прибѣгаютъ изъ Александровска, изъ сосѣднихъ рудниковъ и сливаются въ одну темную плотную массу.

Пламя шипитъ, клокочетъ и золотыми фонтанами вылетаетъ изъ машиннаго зданія, а бездонная мгла пугливо сторонится, и свѣтлый кругъ пожара увеличивается. Огонь, поднявшись вверхъ, разсыпается дождемъ свѣтлыхъ искръ. Брызги пламени, точно зо-

лотыя пчелы, жужжатъ, кружатся и, умирая, чернымъ пескомъ падаютъ на землю.

Многоустная толпа молчитъ. Она въ оцѣпенѣніи. Ужасъ сковалъ сознаніе, мозгъ и языкъ. Единственно, что толпа знаетъ и помнитъ,—это то, что подъ ея ногами, въ глубокихъ, темныхъ и душныхъ нѣдрахъ земли теперь копошатся люди. И воображеніе рисуетъ картины, отъ которыхъ волосы на головѣ шевелятся.

«Что они тамъ теперь дѣлаютъ, наши углекопы? Сколько ихъ»?

И не успѣетъ кто-нибудь изъ толпы задать себѣ эти вопросы, какъ воображеніе быстро и ясно отвѣчаетъ: «Шахтеры гибнутъ. Ихъ много, слишкомъ много. Лампочки погасли. Въ смертельной паникѣ ползаютъ они по мокрымъ каменнымъ корридорамъ. Смерть глядитъ имъ въ глаза и смѣется надъ ихъ безсиліемъ. Показалась вода. Шумные говорливые водопады врываются въ шахты и обвиваютъ ноги углекоповъ. Спасенія нѣтъ. Всѣ должны погибнуть. А кругомъ плотная черная мгла и нигдѣ ни одной свѣтлой точки, ни одного намека на освобожденіе. Еще минута— и шахты превратятся въ колоссальную могилу»...

Вотъ что говоритъ воображеніе. А безсильная толпа стоитъ на землѣ, подъ открытымъ небомъ, и ничѣмъ, рѣшительно ничѣмъ не можетъ помочь погибающимъ подъ землею братьямъ.

Пламя продолжаетъ разрушать зданіе. Вотъ упала и утонула крыша. Огонь вздохнулъ и свободнѣе поднялся вверхъ. Отблески пожара золотыми змѣями корчатся и ползаютъ по влажной землѣ.

Вдругъ сверкнула надежда. Кто-то прибѣжалъ и крикнулъ: «шахтеры нашли выходъ! Ихъ поднимаютъ на рудникѣ Ахтырова»!..

Будто токъ электрическій коснулся толпы, и она мгновенно ожила и заговорила. Только теперь многіе заплакали.

И когда показалась первая группа спасенныхъ, толпой овладѣлъ бѣшеный восторгъ.

Изнуренные, черные люди медленно подходили къ пожару. То были спасенные. Впереди съ согбенной спиной шелъ бородатый шахтеръ. На черномъ, грязномъ лицѣ его застыла улыбка мученика. Бѣлые зубы блестѣли на темномъ фонѣ измазаннаго

лица, а въ сѣрыхъ глазахъ не угасли еще вспышки страха и надежды. Это былъ «отбойщикъ». Въ правой рукѣ онъ судорожно сжималъ «зубчикъ»,—свой главный инструментъ. Шахтеръ спасъ себя и кусокъ хозяйской стали.

Спасенные прибывали, а толпа быстро окружала ихъ и забрасывала вопросами.

— Ну, какъ вы тамъ, землячки?

— Спужались, небось, а?

— Что? Всѣмъ не спастись? А много осталось?

— Да неужто! Ай, ай, грѣхъ-то какой!..

Какая-то женщина въ ситцевомъ платочкѣ все время вертѣлась около спасенныхъ и заливалась горькими слезами.

— Голу-у-убчики вы мои!—безпрерывно повторяла она и при этомъ раскачивала головой и усиленно размахивала руками.

Она плакала и смѣялась въ одно и то же время и то и дѣло сморкалась въ руку.

— Голу-у-убчики вы мои!..

Потомъ узнали, что у этой женщины не было ни одного близкаго человѣка въ шахтѣ.

А на рудникѣ Глѣбовыхъ огонь угасалъ. Темная ночь потушила грозный факелъ и накинула на скорбное мѣсто черное покрывало. Но—не надолго: разсвѣтъ былъ близокъ.

Бодро и весело нарождалось весеннее утро. Заря бросала на черную равнину блѣдно-розовые узоры, а въ сиреневомъ небѣ купались жаворонки, и, какъ серебряныя струны, звенѣли ихъ голоса. Теплый разсвѣтъ, напоенный ароматной влагой, беззаботно разрывалъ темные покровы ночи и обнажалъ мѣсто катастрофы.

Въ шестомъ часу утра, когда взошедшее солнце обсыпало степь косымъ дождемъ золотыхъ лучей, къ мѣсту пожара прибыли особы, власть имущія, и самъ владѣлецъ рудника, Иванъ Миронычъ Глѣбовъ. Хозяинъ прикатилъ изъ Ростова. Онъ ночью сидѣлъ въ клубѣ за картами, когда ему сообщили по телефону о случившемся. Иванъ Миронычъ былъ блѣденъ и видимо сильно взволнованъ.

— Что тутъ случилось?—растерянно пробормоталъ онъ и поспѣшно выпрыгнулъ изъ дрожекъ.

Это былъ одинъ изъ многихъ малограмотныхъ милліонеровъ Грушевки. Мѣстная интеллигенція прозвала его геніальнымъ само-

родкомъ за то, что онъ изъ ничего сумѣлъ составить себѣ огромное состояніе. Такихъ «самородковъ» на Руси не мало. Главныя свойства подобныхъ «геніевъ» заключаются въ томъ, что они умѣютъ душить молчаливыхъ и слабыхъ, а сильныхъ одаривать съ неслыханной щедростью; умѣютъ, гдѣ нужно, быть простыми «мужичками», благотворителями, попечителями, а иногда даже прикинуться либералами. Но самый прочный фундаментъ ихъ благогополучія—это инстинктъ хищника, никогда имъ не измѣняющій. Благодаря этому инстинкту «самородокъ изъ крестьянъ» незамѣтно высасываетъ соки изъ дѣйствительно талантливыхъ людей, которые безсознательно отдаютъ лукавому хищнику драгоцѣннѣйшіе перлы своего ума и дарованія.

Иванъ Миронычъ былъ именно такимъ самородкомъ, и не мудрено, что имя его гремѣло на весь Донецкій бассейнъ.

Рабочимъ жилось у него плохо, но ихъ протесты заглушалъ колоколъ церкви, выстроенной Глѣбовымъ. Глѣбовъ сбавилъ углекопамъ поденный заработокъ, и, когда измученные шахтеры завыли отъ боли, ихъ стала утѣшать добрѣйшая въ мірѣ женщина, прозванная углекопами сестрой-Татьяной. Утѣшала потому, что изъ всѣхъ шахтовладѣльцевъ одинъ только Глѣбовъ обѣщалъ ей построить школу для дѣтей рабочихъ. А школа была святой мечтой загадочной женщины, Богъ вѣсть откуда появившейся на горизонтѣ черной Грушевки. Сказали Ивану Мироновичу, что при болѣе усовершенствованной постановкѣ дѣла добыча антрацита *) увеличится вдвое, и онъ, не долго думая, выписалъ изъ Петербурга дѣйствительно талантливаго человѣка, инженера Дорогина и буквально озолотилъ его. И когда Дорогину или его знакомымъ приходилось слышать, что Глѣбовъ—кулакъ, они искренно пожимали плечами, недоумѣвая, откуда могъ родиться подобный нелѣпый слухъ.

«Подумайте сами—говорили поклонники Ивана Мироновича,—какой онъ кулакъ, когда одинъ Дорогинъ обходится ему чуть-ли не въ сорокъ тысячъ ежегодно. Напротивъ, это замѣчательно широкая натура. Посмотрите, какъ онъ обставилъ дѣло. Какія машины! Какія усовершенствованія! А вѣдь онъ почти неграмотный.

---

*) Антрацитъ—каменный уголь, дающій мало летучихъ продуктовъ; содержитъ мало водорода, сравнительно съ кислородомъ.

Всѣ дѣла въ памяти держитъ. А какъ началъ! Пѣшкомъ пришелъ»... и такъ далѣе.

Словомъ, объ Иванѣ Мироновичѣ говорили такъ, какъ вообще принято говорить обо всѣхъ русскихъ самородкахъ-богачахъ. Въ дѣйствительности же, Иванъ Глѣбовъ былъ просто-напросто хитрый и жадный мужичекъ. Инженеръ стоилъ дорого не ему, а рабочимъ, съ которыхъ онъ дралъ по семи шкуръ въ недѣлю. Но за то инженеръ увеличивалъ доходность рудника и кромѣ того служилъ еще украшеніемъ и рекламой. Вотъ каковъ былъ этотъ самый Иванъ Миронычъ.

— Что тутъ случилось?—вторично прошепталъ владѣлецъ рудника, подойдя къ самому мѣсту пожара.

— Какой несчастный случай! И—совсѣмъ непредвидѣнный...

Такими словами встрѣтилъ хозяина самъ Дорогинъ, тоже недавно прикатившій сюда изъ Александровска, гдѣ онъ сидѣлъ за картами въ шахтовладѣльческомъ клубѣ.

Дорогинъ былъ высокій, тонкій мужчина лѣтъ сорока. Мелкія черты лица, небольшая остроконечная голова и длинныя худыя ноги—дѣлали его похожимъ на большую болотную птицу.

Когда Дорогинъ разговаривалъ съ толстымъ и круглымъ Иваномъ Глѣбовымъ, онъ сгибался такъ, что издали напоминалъ большую букву Э.

— Какъ, примѣрно, случилась эта оказія?—спросилъ Иванъ Миронычъ.

При этомъ небольшіе каріе глаза его трусливо забѣгали по дымившимся грудамъ сгорѣвшаго зданія.

— Говорятъ, плотники курили около ствола... Впрочемъ, я думаю, что причина не въ плотникахъ.

И Дорогинъ еще ниже нагнулся, желая найти глаза хозяина, но тѣ убѣгали куда-то въ сторону.

— А кто-жъ причиной?

— Я говорилъ вамъ, Иванъ Миронычъ,—вентиляціи плохи, а вы все рукой отмахивались. Вотъ и вышло такъ, что окисленный сѣрый колчеданъ освободилъ теплоту, и горючіе газы воспламенились...

Но тутъ Дорогинъ умолкъ: со стороны рудника Ахтырова показалась толпа углекоповъ, человѣкъ въ двѣсти. Рабочіе бѣжали къ мѣсту пожара и такъ кричали, что ихъ голосъ заглушалъ ревъ утреннихъ гудковъ.

Иванъ Миронычъ козырькомъ приложилъ руку ко лбу, всмотрѣлся въ толпу и весь съежился, точно попалъ на морозъ.

II.

Толпа съ гикомъ и ревомъ неслась прямо на Глѣбова. Иванъ Миронычъ не на шутку струсилъ; онъ уже готовъ былъ вскочить въ дрожки и дать тягу, но его удержалъ Дорогинъ.

— Не бойтесь, я съ ними говорить буду,—сказалъ онъ и смѣло пошелъ навстрѣчу толпѣ.

Какъ разъ въ это время прибыло начальство: александровскій полиціймейстеръ, городской голова, выборный отъ шахтовладѣльцевъ окружный инженеръ и старшина вольной пожарной дружины.

Иванъ Миронычъ, увидавъ начальство, облегченно вздохнулъ и платкомъ вытеръ холодный потъ, выступившій у него на лбу.

— Стойте, ребята, куда вы?—крикнулъ Дорогинъ, когда толпа добѣжала до него почти вплотную.

Въ отвѣтъ толпа глухо зарычала и остановилась. А спустя немного, стали раздаваться отдѣльные голоса, сначала робкіе и тихіе, а потомъ болѣе смѣлые и задорные.

— У насъ, въ Калугѣ, за скотиной лучше смотрятъ!..

— Образованные черти, а людей не жалѣютъ!..

— Что-жъ, всамдѣлѣ, погибать, стало быть, теперя цѣлой смѣнѣ?..

— Ты—анджинеръ, такъ ты и спасай!..

— Вѣрно! Спасай, ежели ученость имѣешь!

— А то, гляди, и на тебя не посмотримъ!..

Дорогинъ казался совершенно спокойнымъ. Только зубы у него были крѣпко стиснуты и въ углахъ плотно сомкнутыхъ губъ пряталась мелкая дрожь. Лихорадочно заблестѣвшіе глаза инженера вылавливали изъ толпы крикуновъ.

— Ну, баста!—крикнулъ Дорогинъ.—Я ничего не понимаю. Пусть кто-нибудь толкомъ объяснитъ, въ чемъ дѣло?

Не успѣлъ онъ кончить, какъ толпа выдавила изъ себя юношу колоссальнаго роста, бѣлолицаго, упругаго, съ застѣнчивыми голубыми глазами.

Это былъ помощникъ штейгера, Петръ Смоляковъ, въ прошломъ году только окончившій штейгерское училище. Братъ его, Андрей, былъ старшимъ штейгеромъ и служилъ у Ивана Миронича.

— Мы просимъ... то-есть требуемъ,—взволнованнымъ голосомъ заговорилъ молодой Смоляковъ:—чтобы была спасена вся смѣна. Въ Ахтырскую шахту попала только четвертая группа, а всѣ остальные и сейчасъ еще находятся тамъ, на второмъ пласту. Тамъ и братъ мой, Андрей... Мы стоимъ за справедливость... Къ вамъ ничего не имѣемъ... А Иванъ Миронычъ долженъ отвѣтъ дать...

Тутъ голосъ юнаго великана оборвался, и онъ густо покраснѣлъ. Петръ только теперь вспомнилъ, что не поздоровался съ Дорогинымъ, котораго онъ глубоко уважалъ.

— Позвольте, я все-таки ничего не понялъ,—все тѣмъ же твердымъ голосомъ сказалъ Дорогинъ.—Мнѣ только что управляющій докладывалъ, что человѣческихъ жертвъ нѣтъ, что наши люди благополучно поднялись черезъ ахтырскій рудникъ?..

— Брешетъ твой управляющій!—крикнулъ кто-то изъ толпы.

Этотъ окрикъ послужилъ какъ бы сигналомъ, и народъ снова заволновался. Посыпались острыя словечки, кто-то крѣпко выругался, а на обоихъ флангахъ поднялись черные грязные кулаки. Въ это время на всѣхъ рудникахъ закончилась смѣна рабочихъ. Съ ближайшихъ шахтъ показались «отработанные» углекопы. Они только что узнали о случившемся и поспѣшно большими группами направились къ глѣбовскимъ рабочимъ.

Дорогинъ замѣтилъ это и понялъ, что положеніе становится серьезнымъ. Надо было дѣйствовать рѣшительно и быстро, иначе могло вспыхнуть полное возстаніе.

— Смоляковъ, сколько вчера опустилось людей? — громко спросилъ инженеръ.

— Четыреста двадцать одинъ человѣкъ, Дмитрій Александровичъ,—почтительно отвѣтилъ штейгеръ.

Толпа стала прислушиваться.

— А сколько поднялось черезъ ахтырскую шахту?

— Вотъ, всѣ здѣсь:—сто восемьдесятъ...

— Значитъ, почти двѣсти пятьдесятъ человѣкъ остались въ рудникѣ, а вы тутъ стоите и бобы разводите! Да какъ же вамъ

не стыдно ребята? Неужели, у васъ Бога нѣтъ? Народъ гибнетъ подъ землей, а вы тутъ на солнышкѣ грѣетесь!..

Голосъ Дорогина съ каждымъ словомъ становился крѣпче и звончѣй. Въ глазахъ вспыхнуло непритворное негодованіе, потому что онъ дѣйствительно былъ обманутъ управляющимъ.

— Какъ не стыдно! Гдѣ ваша совѣсть?—уже кричалъ въ какомъ-то изступленіи Дорогинъ.—Сами спасли свои шкуры, а товарищей бросили. И еще бунтовать вздумали! А каково тѣмъ, заживо похороненнымъ!.. Вѣдь они тамъ, въ темнотѣ, головы себѣ разбиваютъ съ отчаянія! Подумали вы о нихъ?

Дорогинъ, казалось, загипнотизировалъ толпу. Слова инженера камнями падали на головы рабочихъ, и они молчали, понурившись, какъ овцы, застигнутыя грозой.

— Кто былъ старшимъ въ четвертой группѣ?—уже строго-дѣловымъ тономъ обратился къ толпѣ Дорогинъ.

Среди углекоповъ произошло легкое движеніе. Толпа, повидимому, ожидала совсѣмъ не того. Она хотѣла излить накопившуюся злобу, протестовать, кого-то судить, съ кѣмъ-то расправиться, и вдругъ сама попала въ положеніе обвиняемой. Въ центрѣ находились еще рабочіе, пробовавшіе воспламенить угасшее настроеніе, но толпа оставалась безучастной.

— Не слушайте его! Онъ зубы заговариваетъ, — слышался чей-то голосъ изъ центра.

Но тутъ вмѣшался Петръ Смоляковъ, который всего полчаса назадъ больше всѣхъ агитировалъ и велъ толпу съ тѣмъ, чтобы произвести безпорядки.

— Колбай, чего-жъ ты стоишь? Тебя господинъ инженеръ спрашиваетъ!—крикнулъ Смоляковъ.

— Я тутъ не при чемъ,—послышалось чье-то ворчанье, и вслѣдъ за тѣмъ изъ толпы нехотя высунулся маленькій коренастый углекопъ,—оборванный, пришибленный, съ большими испуганными глазами.

— Ну, не мнись, голубчикъ,—обратился къ Колбаю Дорогинъ: — намъ времени терять нельзя. Такъ ты, значитъ, былъ старшимъ?

Колбай, раньше чѣмъ отвѣтить, обернулся назадъ и, увидавъ, что толпа стоитъ смирно и покорно, отвѣтилъ будничнымъ тономъ:

— Такъ точно, я, ваше благородіе.

— Отлично. Теперь отвѣчай на вопросы. Гдѣ работала ваша группа?

— Въ седьмой шахтѣ. Новую жилу откусывали.

— А дальше—что было?

— А дальше, значитъ, было такъ. Раздѣлили мы породу и залегли... Пошла работа, какъ слѣдуетъ. Порода хорошая попалась, такъ листами и падала... Только и знай,—нагружай вагончики. Пришелъ къ намъ штейгеръ, Андрей Семенычъ, и говоритъ: «Э, братцы, вамъ надо тягельщиковъ прибавить»—и ушелъ. Хорошо-съ... Вотъ, это, мы работаемъ... А тягельщики увозятъ антрацитъ, а сами не возвращаются. Нагрузили мы послѣднія салазки, и говорю я тягельщикамъ: «гоните своихъ обратно, какого чорта зѣваютъ, да сами поторопитесь»... Хорошо-съ... Вотъ, это, отползли послѣдніе тягельщики и не возвращаются. А порода сама въ руки просится. Накусали мы угля, почитай, пудовъ тыщи, а тягельщиковъ нѣтъ. Ну, тутъ мы выкатились изъ подъ породы, закурили и стали дожидаться. Анъ—нѣтъ никого. Что за притча такая! И вдругъ, это, слышимъ мы гулъ и шумъ, какъ будто вода идетъ. А потомъ газы передъ нами завертѣлись. Ну, тутъ мы, дѣйствительно, поняли, что несчастье случилось и спужались... Бросились мы вонъ изъ шахты, а дымъ и вода дорогу загородили. И крикнулъ кто-то: «пожаръ»! И пуще прежняго мы струсили. А лампочки еще горятъ. И вотъ, это, Присядка Кириллъ, который съ ахтырскаго рудника къ намъ перешелъ, закричалъ: «Эй, ребята, айда за мной, на Ахтырку»! Мы и пошли направо. А тамъ пустая порода встрѣлась. Стали мы ее кусать и калитку выбили. Хорошо-съ. А тутъ и лампочки погасли, а зажигать боимся, потому—газы ходятъ. Остались мы въ темнотѣ и давай кричать. Кричали мы, кричали, покуда не остались безъ голоса. А потомъ ахтырскіе шахтари наткнулись на насъ и вывели къ отдушинѣ... Вотъ, стало быть, и все. А Кириллъ Присядка утопъ. Онъ, какъ упалъ въ воду, а мы по немъ...

— Хорошо,—перебилъ вдругъ Колбая Дорогинъ.—Вы слышали?—обратился онъ къ толпѣ.

Ему никто не отвѣтилъ.

— Теперь я спрашиваю у васъ, что намъ дѣлать:—бунтовать или людей спасать?

Въ толпѣ опять произошло движеніе.

— Конешно, спасать... А то какже...

— Всѣ подъ Богомъ ходимъ...

— Жить всѣмъ охота...

— Стало быть, вы хотите,—вмѣшался Дорогинъ,—чтобъ народъ былъ спасенъ?

— Да, конешно... Нельзя бросать людей на вѣтеръ!..—послышалось со всѣхъ сторонъ.

— Если такъ, то не станемъ терять времени. Идите къ пожару. Я найду входъ и самъ спущусь въ рудникъ,—сказалъ Дорогинъ и пошелъ впередъ.

Послѣднія слова инженера произвели на рабочихъ огромное впечатлѣніе. Онъ самъ въ рудникъ спустится! У Петра Смолякова слезы умиленія выступили на глазахъ.

Толпа пошла за своимъ инженеромъ, бодрая, послушная и окончательно покоренная.

Полиціймейстеръ, издали слѣдившій за всѣми движеніями толпы и убѣдившись, что ничего опаснаго нѣтъ, быстро пошелъ на встрѣчу Дорогину и, когда поровнялся съ нимъ, тихо сказалъ:

— Эти черномазые, кажется, бунтовать вздумали? Если прикажете, я подкрѣпленіе вамъ вышлю, Дмитрій Александровичъ.

— Вы съ ума сошли! Никакихъ подкрѣпленій мнѣ не нужно,—довольно громко сказалъ Дорогинъ, ни разу не взглянувъ при этомъ на полицейскаго чиновника. Тотъ ласково улыбнулся, прижалъ рукой шашку къ ногѣ и хотѣлъ было уйти. Но Дмитрій Александровичъ остановилъ его.

— А впрочемъ, вотъ что: дайте-ка знать Ивану Миронычу, чтобы онъ здѣсь не вертѣлся.

— Хорошо, сейчасъ исполню ваше желаніе.

И полиціймейстеръ сталъ глазами отыскивать Глѣбова; но того нигдѣ не было видно. «Самородокъ» былъ не глупъ и своевременно улизнулъ.

Когда рабочіе подошли къ мѣсту пожара, Дорогинъ остановилъ ихъ и обратился къ нимъ со слѣдующими словами:

— Вотъ что, ребята! Шахтеры, оставшіеся въ рудникѣ, еще живы. Помните, что они находятся на сто пять саженей подъ землею. Безъ огня и пищи они мечутся по шахтамъ и ищутъ спа-

сенія. Они, быть можетъ, уже потеряли всякую надежду... И вотъ, я говорю вамъ: мы спасемъ ихъ, если вы не пожалѣете силъ и труда...

Толпа не дала договорить инженеру.

— Да что мы—нехристи какіе!..

— Приказывай, а мы все дѣлать будемъ!..

— Сами понимаемъ:—чужому горю помочь—не воду толочь... На доброе дѣло потрудиться каждый радъ...

Эти восклицанія сыпались со всѣхъ сторонъ. Дорогинъ воспламенился. Бѣшенная энергія вспыхнула въ его черныхъ глазахъ, и онъ бодро приступилъ къ дѣлу. Прежде всего онъ разбилъ рабочихъ на партіи и приказалъ имъ какъ можно скорѣе очистить мѣсто пожара; всѣ эти груды дерева, камня и желѣза отбросить прочь и добраться къ стволу рудника. Слѣдить за всей этой работой онъ поручилъ Петру Смолякову, а самъ уѣхалъ на своей линейкѣ, сказавъ, что черезъ полчаса будетъ обратно.

III.

Углекопы приступили къ дѣлу. Никогда еще Грушевка не видала подобной лихорадочной работы. Шахтерамъ казалось, что они слышатъ вопли товарищей, и каждый изъ нихъ удваивалъ свою энергію. Обуглившіяся балки, огромные цокольные камни, перегорѣвшія части машинъ,—всѣ эти тяжести, какъ щепки, разбрасывались рабочими. Нѣкоторые съ горяча поднимали невѣроятныя тяжести и бѣгомъ уносили ихъ подальше.

Ровно черезъ полчаса явился Дорогинъ. На немъ былъ одѣтъ его обычный рабочій костюмъ, который очень шелъ къ нему. Костюмъ состоялъ изъ кожанной шведской куртки, такихъ-же кожанныхъ брюкъ и высокихъ сапогъ съ голенищами выше колѣнъ. Онъ опытнымъ взглядомъ окинулъ работы, улыбнулся и подозвалъ къ себѣ Петра Смолякова.

— Что они дѣлаютъ? Развѣ можно такъ работать?

— А что?—съ тревогой въ голосѣ спросилъ юноша.

— Надо умѣрить ихъ пылъ. Вѣдь это не работа, а какая-то вакханалія. Черезъ десять минутъ они упадутъ въ изнеможеніи.

Въ это время къ Дорогину подошелъ окружный инженеръ и поздоровался съ нимъ.

— Много людей, говорятъ, осталось въ шахтахъ?

— Да, человѣкъ двѣсти пятьдесятъ...

Подъ коричневыми усами окружнаго инженера скользнула улыбка, а глаза проговорили что-то недоброе. Онъ не любилъ Дорогина, потому что былъ посредственностью.

— Н-да, положеніе критическое...

— Почему?—живо спросилъ Дорогинъ и укололъ собесѣдника своими черными, лихорадочно блестѣвшими глазами.

— Я, видите-ли, полагаю, что за это время вода успѣла затопить шахты.

— А я думаю иначе: — у насъ работали двѣ водоотливныя машины и рудникъ былъ достаточно сухъ.

— Вамъ лучше знать... Ахъ, да, слышали? я телеграфировалъ въ Новочеркасскъ. Думаю, что самъ наказный атаманъ пріѣдетъ.

— Пусть себѣ ѣдетъ на здоровье!

Къ разговаривавшимъ подошелъ врачъ Умновъ,—добрѣйшей души человѣкъ. Онъ былъ взволнованъ, и непритворная скорбь глядѣла въ его мягкихъ сѣрыхъ глазахъ.

— Голубчикъ, Дмитрій Александровичъ, скажите, что будетъ съ жертвами? Ихъ еще можно спасти? Да?

Все это докторъ проговорилъ быстро и почти задыхаясь, а самъ нѣжно проводилъ рукой по кожаному рукаву куртки Дорогина.

— Я не знаю, что сейчасъ дѣлается тамъ, въ рудникѣ, но надѣюсь, что не всѣ погибнутъ. Большого скопленія гремучихъ газовъ я не предвижу, а впрочемъ... Ну, да тамъ посмотримъ! А теперь я иду къ рабочимъ.

И Дорогинъ оставилъ доктора съ окружнымъ инженеромъ. Послѣдній многозначительно посмотрѣлъ ему вслѣдъ, потомъ съ улыбкой взглянулъ на разстроеннаго Умнова, прищурилъ лѣвый глазъ и сказалъ:

— Столичная штука. Посмотримъ, какъ онъ расхлебаетъ сію кашу. Сегодня здѣсь будетъ наказный атаманъ,—добавилъ онъ и хитро взглянулъ на Умнова.

— Будетъ здѣсь?

— Непремѣнно.

— Кто будетъ?

— Говорю вамъ,—наказный атаманъ.

— А-а,—разсѣянно протянулъ докторъ, и направился къ рабочимъ казармамъ, оставивъ въ недоумѣніи инженера.

Къ десяти часамъ утра, Грушевка, или вѣрнѣе—вся площадь залежи приняла необыкновенно оживленный видъ. Со станціи желѣзной дороги и изъ города Александровска нескончаемой вереницей потянулся народъ къ мѣсту катастрофы. Со всѣхъ сторонъ, то и дѣло, подъѣзжали въ экипажахъ шахтовладѣльцы и ихъ семьи. Прибылъ вторично Иванъ Миронычъ съ младшимъ братомъ Спиридономъ. Имъ дали знать, что народъ успокоился.

Вѣсть о томъ, что двѣсти пятьдесятъ углекоповъ остались подъ землей, распространилась съ неимовѣрной быстротой, причемъ вначалѣ число жертвъ «слухи» преувеличивали до смѣшного.

Съ утреннимъ поѣздомъ изъ Ростова и Новочеркасска понаѣхало много любопытныхъ и матеріально заинтересованныхъ лицъ. Въ полдень антрацитъ поднялся въ цѣнѣ на цѣлую копейку.

Обыкновенно пустынная, темно-сѣрая равнина Грушевки теперь была полна народомъ. Издали, благодаря нарядным дамамъ, можно было подумать, что здѣсь происходитъ гулянье.

Чистая публика держала себя такъ, какъ будто, дѣйствительно, попала на какое-то интересное зрѣлище. Многіе изъ прибывшихъ разбились на отдѣльныя кучки и съ видимымъ удовольствіемъ обмѣнивались впечатлѣніями. При этомъ больше всего доставалось отъ инженеровъ Дорогину, а отъ шахтовладѣльцевъ—Ивану Глѣбову. Они старались подвести итоги будущихъ барышей Глѣбова.

— Да, эта катастрофа не мало прибылей принесетъ нашему Ивану Миронычу,—сказалъ одинъ изъ сосѣдей Глѣбова по руднику.

— Вы думаете?—не безъ лукавства задалъ вопросъ другой сосѣдъ.

— Конечно такъ! Рудникъ остался рудникомъ, а машинное зданіе было очень не плохо застраховано.

— Этого мало! Иванъ Глѣбовъ еще на повышеніе сыграетъ.

— Н-да... богачамъ счастье,—сказалъ и искренно вздохнулъ при этомъ одинъ изъ собесѣдниковъ.

— Теперь, пожалуй, форсу сбавитъ,—слышался шопотъ въ кучкѣ горныхъ инженеровъ.

— Онъ не признавалъ теоріи, такъ вотъ теперь мы посмотримъ, что онъ со своей практикой сдѣлаетъ.

— Теперь ему смѣло можно сказать: «не въ свои сани, голубчикъ, не садись». Донецкій бассейнъ — не великосвѣтскій салонъ. Здѣсь утонченныя манеры ни къ чему!

Вотъ, чѣмъ интересовалась чистая публика; а о тѣхъ, что ночью были заживо погребены, почти забыли.

За то простой народъ совсѣмъ иначе отнесся къ происшедшему. Многіе, подойдя къ мѣсту пожара, набожно крестились, а у нѣкоторыхъ слезы блестѣли на глазахъ. Каждый, вступивъ на почву рудника, опускалъ глаза въ землю, какъ-бы стараясь взглядомъ пронзить насквозь стосаженный каменный пластъ и увидать тѣхъ, которые, быть можетъ, въ это время надрывали грудь, крича о спасеніи.

IV.

Когда Дорогинъ подошелъ къ рабочимъ, дѣло на половину было уже сдѣлано. Колодезь, служившій входомъ въ рудникъ, былъ освобожденъ отъ упавшей на него крыши, а распаянныя и перегорѣвшія части машинъ унесены въ уцѣлѣвшій сарай. Оставалось убрать груды кирпичей и все еще тлѣвшія балки и стропила.

Утренняя смѣна рабочихъ, въ числѣ пятисотъ человѣкъ, оставшись безъ дѣла, артелями прибывала къ мѣсту пожара и съ необычайной горячностью принималась за работу. Въ концѣ концовъ, добровольцевъ собралась такая масса, что имъ стало тѣсно, и они только мѣшали другъ-другу. Эти черные люди работали молча и съ какимъ-то остервенѣніемъ. Только изрѣдка, когда приходилось оторвать балку или протащить тяжелый предметъ, у нѣкоторыхъ вырывались сквозь стиснутые зубы проклятья.

Большинство углекоповъ было обуто въ лапти, и странно было видѣть, какъ эти неуклюжія ноги осторожно скользили и шлепали по черной липкой грязи, образовавшейся вокругъ пожарища.

Петръ Смоляковъ, вмѣсто того, чтобы наблюдать за работой, самъ принялся таскать тяжести, желая этимъ облегчить свое волненіе. Онъ плохо сознавалъ, что вокругъ него дѣлалось, ибо мысленно юноша жилъ тамъ, на днѣ рудника, вмѣстѣ съ погибавшимъ, а можетъ быть уже погибшимъ братомъ.

Дорогинъ быстро разбилъ рабочихъ на группы, далъ нужныя указанія, и дѣло сразу приняло правильный ходъ. Инженеръ не отходилъ отъ углекоповъ, пока работы не закончились. Въ полдень мѣсто пожара было совершенно очищено. Торчали только четыре желѣзныхъ столба надъ стволомъ или колодцемъ, да въ видѣ надгробной плиты бѣлѣлъ вблизи квадратный каменный фундаментъ уничтоженной подземной машины.

Петръ Смоляковъ, грязный, измученный, не отходилъ отъ Дорогина и съ нетерпѣніемъ ожидалъ приказаній. Молодой штейгеръ глубоко вѣрилъ въ геній Дорогина и былъ убѣжденъ, что отъ него все зависитъ.

— Дмитрій Александровичъ, они еще живы?—полный робкой надежды, спросилъ Смоляковъ.

— Я увѣренъ, что они живы,—отвѣтилъ Дорогинъ и добавилъ:—вотъ что, Смоляковъ, мнѣ нужна лампочка.

Юноша сейчасъ же бросился исполнять приказаніе, но тутъ же остановился, вспомнивъ, что всѣ лампочки находились въ сгорѣвшемъ машинномъ зданіи. Тогда онъ обратился къ рабочимъ.

— Ребята, господину инженеру лампочка нужна!

Не успѣлъ онъ кончить, какъ изъ толпы отдѣлилось нѣсколько человѣкъ и со всѣхъ ногъ бросилось бѣжать къ сосѣднему руднику. Какъ всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, вмѣсто одной, притащили нѣсколько лампъ, и всѣ—безъ масла. Пришлось бѣжать за масломъ. А Дорогинъ терпѣливо стоялъ у колодца, и лицо его было покойно и безстрастно. Вскорѣ къ нему подошелъ Иванъ Глѣбовъ, и выборный отъ шахтовладѣльцевъ, инженеръ Крюковъ, благообразный старикъ, съ выхоленной сѣдой бородой. Наканунѣ Дорогинъ игралъ съ Крюковымъ въ винтъ, и во время игры они нѣсколько разъ горячо поспорили. Потомъ подошелъ окружный инженеръ и только что прикатившій изъ Таганрога крупный чиновникъ горнаго вѣдомства.

Спустя немного около колодца собрался весь цвѣтъ Грушевки, а немного поодаль топтались на одномъ мѣстѣ многочисленныя артели углекоповъ. Никто почти не разговаривалъ; всѣ какъ будто ждали чего-то. Становилось жутко отъ этой тишины. А надъ черной равниной собирались тучи. Солнце спряталось. Сталъ накрапывать дождь. Кто-то раскрылъ зонтикъ и сейчасъ-же закрылъ его. Принесли масло и веревки. Дорогинъ зажегъ лам-

почку и на тонкой веревкѣ медленно сталъ опускать ее въ рудникъ. Присутствующіе съ затаеннымъ дыханіемъ слѣдили за каждымъ его движеніемъ, какъ будто онъ совершалъ великое таинство.

Черезъ нѣсколько минутъ лампочка вернулась погашенной и мокрой. Окружный инженеръ не вытерпѣлъ и прервалъ молчаніе.

— Мое предположеніе оправдалось: я вамъ говорилъ, что шахты затоплены.

— Извините, вы и сейчасъ говорите вздоръ,—вдругъ отчеканилъ Дорогинъ.

Присутствующіе переглянулись. Окружный инженеръ густо покраснѣлъ и заволновался.

— Позвольте, какъ это—вздоръ!.. И вообще, что это за манера разговаривать!.. Дѣло идетъ о спасеніи людей...

— Вотъ именно!—рѣзко перебилъ Дорогинъ,—потому я и прошу мнѣ не мѣшать. А затѣмъ, повернувшись къ Ивану Миронычу, онъ сказалъ.—Немедленно телеграфируйте въ Ростовъ, чтобы сегодня же были отправлены сюда запасные насосы. Подъемную и водоотливныя машины мы перенесемъ съ рудника Николая Чудотворца.

— Дмитрій Александровичъ!—голосомъ полнымъ отчаянія воскликнулъ Глѣбовъ и развелъ руками.

— Что такое?

— Вѣдь это, стало быть, придется остановить и другой рудникъ!

Дорогинъ вцѣпился черными глазами въ круглое мягкое лицо Глѣбова и покачалъ головой.

— Да, да, придется остановить... Потерпите убытки. Что дѣлать!..

— Ужъ я и не знаю... Право не знаю, какъ и быть,—бормоталъ Глѣбовъ.

Дорогинъ вспыхнулъ, какъ порохъ.

— Да какъ вы смѣете тормозить дѣло!—съ несвойственной ему запальчивостью воскликнулъ Дмитрій Александровичъ.—На вашей совѣсти лежатъ двѣсти пятьдесятъ человѣческихъ жизней. Не забудьте этого!.. Я требую,—слышите—немедленнаго исполненія моихъ приказаній, иначе я брошу все!..

Дорогинъ такъ кричалъ, что каждое его слово улавливала стоявшая вдали толпа. Иванъ Миронычъ, по обыкновенію, струсилъ, растерялся и сталъ кого то отыскивать своими маленькими неспокойными глазками.

— Да я сейчасъ... Разъ нужно, такъ, стало быть, нужно... Я сейчасъ!..

И онъ отошелъ отъ колодца.

Рѣзкій оскорбительный тонъ Дорогина не понравился обывателямъ Грушевки. Эти люди, прежде всего, дорожили своимъ покоемъ и хотѣли, чтобы все шло въ ихъ жизни по тихому, да по хорошему. И только теперь они почувствовали, что Дорогинъ является элементомъ буйнымъ, а потому и нежелательнымъ. И въ тотъ моментъ, когда Дорогинъ отчитывалъ почтеннаго Ивана Мироныча, у многихъ языкъ чесался, чтобы сказать «зазнавшемуся выскочкѣ» непріятность; но ни у кого не хватило смѣлости.

— А знаете, Дмитрій Александровичъ,—послѣ нѣкотораго колебанія, заговорилъ Крюковъ,—я склоненъ присоединиться къ мнѣнію нашего почтеннаго Станислава Адольфовича (говорившій указалъ на окружнаго инженера), что шахты, по всей вѣроятности, затоплены...

— А если такъ, то что тогда?—живо перебилъ Крюкова Дорогинъ и вторично сталъ опускать въ колодезь зажженную лампочку.

Онъ повидимому успокоился или, вѣрнѣе, рѣшилъ быть спокойнымъ; но ему не дали привести это доброе намѣреніе въ исполненіе. Окружающіе какъ будто сговорились довести его до бѣлаго каленія.

— Тогда, мнѣ казалось бы,—продолжалъ Крюковъ своимъ холоднымъ, какъ сталь, голосомъ,—что времени нельзя терять и что слѣдуетъ найти сейчасъ же другой, болѣе надежный входъ въ шахты. Чего проще, напримѣръ,—черезъ рудникъ Ахтырова. Вѣдь одна группа спаслась уже этимъ путемъ.

Дорогинъ, казалось, не слушалъ его. Онъ стоялъ, нагнувшись надъ колодцемъ, и медленно пропускалъ черезъ обѣ руки сѣрую бичевку, къ которой была прикрѣплена лампочка. Послѣ непродолжительной паузы онъ сказалъ, не поднимая головы:

— Все геніальное—удивительно просто. Удивляюсь простотѣ

вашего плана, тѣмъ болѣе, что вамъ, мѣстному аборигену, лучше чѣмъ кому-либо должно быть извѣстно, что второй пластъ ахтырскаго рудника ниже на двѣ сажени нашего, и если въ наши шахты проникла вода, то навѣрно рудникъ Ахтырова теперь затопленъ. А впрочемъ, спасать людей всякій имѣетъ право, и я никому не мѣшаю проникать въ шахты черезъ какой ему угодно ходъ. И ужъ за одно прошу также и мнѣ не мѣшать...

Только онъ это сказалъ, какъ на рудникѣ Ахтырова заревѣлъ гудокъ,—протяжный и злой. Всѣ, находившіеся на мѣстѣ катастрофы, повернули головы и съ недоумѣніемъ стали всматриваться въ чернѣвшее вдали машинное зданіе сосѣдняго рудника. Зашевелилась и толпа углекоповъ. Было ясно, что въ сосѣднихъ шахтахъ что то произошло, иначе гудокъ не сталъ бы кричать въ неурочный часъ. Вскорѣ все выяснилось. Отъ Ахтырова прискакалъ верхомъ на лошади конторщикъ и заявилъ, что въ рудникѣ наводненіе и что рабочіе поднялись наверхъ.

Дорогинъ въ это время бережно поднималъ лампочку. Узнавъ въ чемъ дѣло, онъ на мгновеніе поднялъ голову и сказалъ:

— Такъ, значитъ, черезъ Ахтыровскій рудникъ надо спуститься?

Крюковъ сконфуженно пробормоталъ что то и отвернулся. Дорогинъ разсмѣялся нервнымъ клокочущимъ смѣхомъ. Внутри его закипало негодованіе, но онъ всѣми силами сдерживалъ себя.

Наводненіе въ рудникѣ Ахтырова не произвело почти никакого впечатлѣнія, такъ какъ всѣмъ присутствующимъ было извѣстно, что «Ахтырка» давно уже «вылущена». За послѣднее время нѣсколько десятковъ «упряжечныхъ» (поденщиковъ) шахтеровъ доламывало остатки антрацита.

Дорогинъ еще нѣсколько разъ спускалъ фонарь, а потомъ, нагнувшись надъ колодцемъ, сталъ къ чему-то прислушиваться. Толпа углекоповъ инстинктивно поддалась впередъ и замерла въ томительномъ ожиданіи. Черныя, какъ у трубочистовъ, лица сдѣлались неподвижными, какъ маски. Стоявшіе въ заднихъ рядахъ вытягивали шеи, и въ черной толпѣ, то въ одномъ, то въ другомъ мѣстѣ, поднимались бѣлоглазыя головы съ грязными бородатыми лицами и тутъ же падали внизъ, а на ихъ мѣстѣ поднимались другія лица, черныя, мокрыя, съ крѣпкими сверкающими зубами.

Дорогинъ выпрямился и сказалъ:

— На первомъ пласту воды еще нѣтъ, а на второмъ, въ низкихъ галлереяхъ, вода поднялась не выше двухъ аршинъ. Я слышу, какъ шумитъ вода.

При послѣднихъ словахъ инженера многіе подошли ближе къ колодцу и стали прислушиваться. Иванъ Миронычъ, видя, что его инженеръ успокоился, также подошелъ къ стволу, нагнулся и сейчасъ же отпрянулъ назадъ. Его испугала черная бездна, въ которой утонули его глаза.

— Значитъ, спуститься можно будетъ?—спросилъ кто-то изъ присутствующихъ.

— Не раньше, какъ черезъ сорокъ восемъ часовъ, потому что площадка вся затоплена. Рабочіе, если они живы, ушли навѣрно...

Дорогинъ не договорилъ. Онъ какъ-то вдругъ склонилъ на бокъ голову и замеръ на мѣстѣ. Этого движенія было достаточно для того, чтобы всѣ присутствующіе сдѣлали тоже самое. И надъ рудникомъ стало до того тихо, что слышно было, какъ падали и звенѣли мелкія и рѣдкія капли дождя. И вотъ, среди этой мертвой тишины, донесся слабый стонущій голосъ. Голосъ поднимался изъ колодца. Первые звуки были до того слабы, что слухъ съ трудомъ ихъ улавливалъ; но потомъ они какъ будто усилились, и всѣ услыхали слово—«спасите»!

Этотъ подземный голосъ укололъ сердца стоявшихъ у колодца, и люди вздрогнули. Толпа углекоповъ двинулась впередъ и вновь замерла на мѣстѣ.

— Спасите!—еще разъ донесся изъ глубокихъ шахтъ слабый придушенный голосъ.

Кто-то снялъ шапку и набожно осѣнилъ себя крестомъ. И сотни рукъ сейчасъ же сдѣлали тоже самое. А тишина рѣяла надъ поникшими головами рабочихъ, и никто ее не нарушалъ. Только Петръ Смоляковъ, отвернувшись отъ колодца, заплакалъ по-мужски,—беззвучно и съ крѣпко стиснутыми зубами.

V.

Вторыя сутки идутъ спѣшныя работы на рудникѣ Глѣбова. Нѣсколько паровыхъ насосовъ и двѣ водоотливныя машины жадно тянутъ воду изъ затопленныхъ шахтъ. Вода поднимается по руд-

ничнымъ трубамъ и кричащими водопадами падаетъ въ мутную плоскодонную Грушевку.

Дорогинъ весь отдался дѣлу, забывъ о снѣ и пищѣ. Не щадя хозяйскихъ средствъ, онъ ни передъ чѣмъ не останавливается, чтобы ускорить дѣло. Нѣсколько десятковъ мастеровыхъ и механиковъ, выписанныхъ имъ изъ Ростова, устанавливаютъ подъемную машину.

Иванъ Миронычъ въ отчаяніи. Онъ лишился сна и аппетита. Дорогинъ положительно задался цѣлью раззорить его. Оба рудника бездѣйствуютъ, а рабочимъ надо платить. А во что ему обойдутся эти насосы, эти механики! — сказать объ этомъ Дорогину нельзя:—онъ золъ, какъ чортъ!

Мѣстное населеніе все еще возбуждено, но острый интересъ къ оставшимся подъ землею жертвамъ съ каждымъ часомъ слабѣетъ.

Сегодня воскресенье, и среди углекоповъ много пьяныхъ. Пріѣздъ любопытныхъ все еще продолжается, но къ руднику, по распоряженію Дорогина, никого не допускаютъ. Прибыли двѣ сотни казаковъ. Ихъ помѣстили на пожарномъ дворѣ, въ Александровскѣ.

Дмитрій Александровичъ заявилъ, что въ полдень, если машина будетъ готова, онъ спустится въ рудникъ. Всѣ съ нетерпѣніемъ ждутъ этого событія. Жертвы уже третій день находятся въ затопленныхъ шахтахъ. Вчера вечеромъ подземные крики прекратились. Петръ Смоляковъ съ момента катастрофы не сомкнулъ еще глазъ. Дорогинъ почти ничего не говоритъ, и его вопросы оставляетъ безъ отвѣта.

Утромъ пріѣхали изъ Таганрога мать и сестра Смоляковыхъ. Ихъ встрѣтилъ Петръ. Въ первый разъ Грушевка огласилась рыданіемъ. Женщинъ никто не утѣшалъ и никто не говорилъ, что спасеніе еще возможно. У самаго Дорогина надежды гасли. Что касается остальныхъ жертвъ событія,—объ ихъ участи думали какъ-то издалека, какъ о людяхъ никому неизвѣстныхъ и чужихъ. Углекопы — народъ пришлый. Оставшіеся подъ землею шахтеры пришли въ Грушевку изъ дальнихъ мѣстъ. Это были крестьяне воронежской и тамбовской губерній. Семьи остались на родинѣ и здѣсь не кому было ихъ оплакивать.

Ровно въ часъ работы закончились. Дорогинъ отправился домой и вскорѣ вернулся совсѣмъ уже готовый къ спуску. На машинной площадкѣ поднялся старшій машинистъ. Стальной валъ съ канатомъ лежалъ на двухъ стальныхъ балкахъ, временно укрѣпленныхъ. Налѣво отъ подъемной машины работали насосы. Такимъ образомъ внутренность машиннаго зданія была возстановленна. Не было только стѣнъ и крыши.

Новая клѣтка-платформа, прикрѣпленная къ стальному канату, загадочно раскачивалась надъ колодцемъ.

Дорогинъ явился не одинъ:—съ нимъ была его собака, великолѣпный сеттеръ, «Бахусъ». Взглянувъ на канатъ и на клѣтку, Дмитрій Александровичъ подошелъ къ машинисту.

— Вы будете спускать тихо и съ перерывами, — сказалъ онъ.—Слѣдите за моими сигналами. Не поднимайте клѣтки, пока не позвоню.

— Хорошо. Вы одинъ спуститесь?

— Да... Впрочемъ, со мною собака. Поднимать клѣтку слѣдуетъ еще тише, потому что обшивка ствола отстала отъ стѣнокъ и по всему проходу висятъ недогорѣвшія доски. Ну, будьте внимательны.

И Дорогинъ вернулся къ колодцу. Онъ попробовалъ пружину колокола, надѣлъ на лампочку предохранитель и вошелъ въ клѣтку вмѣстѣ съ собакой.

— Да хранитъ васъ Господь!—крикнула ему мать Смолякова, стоявшая тутъ-же съ дочерью и сыномъ, и поднесла къ глазамъ платокъ.

— Дмитрій Александровичъ, возьмите и меня,—невольно вырвалось у Петра, и онъ ринулся впередъ.

Дорогинъ въ это время надѣвалъ черныя рукавицы. Онъ улыбнулся и сдѣлалъ отрицательный жестъ рукой.

— Возьмите, умоляю васъ!—страстно прошепталъ юноша, подойдя къ самой клѣткѣ.

— Идите къ своимъ, вы имъ нужнѣе,—тихо сказалъ Дорогинъ, и сдѣлалъ знакъ машинисту.

Нервы у присутствующихъ были напряжены, какъ струны.

— Счастливый путь, коллега!—вырвалось у одного изъ присутствовавшихъ инженеровъ.

Иванъ Миронычъ снялъ шляпу.

— Счастливый путь! Полнаго успѣха!

— Будьте осторожнѣй!

— Мы ждемъ васъ, Дмитрій Александровичъ!

Дорогинъ, немного блѣдный, улыбнулся окружающимъ и молча поклонился имъ. Одной рукой онъ держалъ за ошейникъ собаку, а въ другой у него была лампочка. Машинистъ взялся за рычагъ, но въ это время кто-то крикнулъ ему: „Погоди“! и онъ остановился.

Это былъ Колбай. Маленькій, широкоплечій и, по обыкновенію, грязный и оборванный, онъ вынырнулъ изъ толпы собравшихся углекоповъ и бѣгомъ бросился къ клѣткѣ.

— Ваше благородіе, я къ вамъ на подмогу,—сказалъ онъ.

Колбай задыхался отъ волненія и въ тоже время сѣрыми глазами отыскивалъ доброту на лицѣ Дорогина.

— Возьмите, ваше благородіе, пригожусь, ей Богу пригожусь!

Дмитрій Александровичъ поднялъ перекладину, и Колбай вошелъ въ клѣтку.

Въ толпѣ послышались одобренія по адресу Колбая.

— Пускаю, — равнодушнымъ тономъ провозгласилъ машинистъ.

Дорогинъ поднялъ руку и тутъ-же опустилъ ее. Это послужило сигналомъ для машиниста. Потомъ раздался обычный свистокъ и машинистъ надавилъ рычажокъ. Конецъ стального каната натянулся и клѣтка съ легкимъ скрипомъ медленно стала падать въ колодецъ. Сотни глазъ вонзились въ клѣтку и какъ будто старались поднять ее обратно. Но платформа постепенно уходила въ глубь ствола.

По тѣлу собаки пробѣжала дрожь, на спинѣ поднялась и зашевелилась золотистая шерсть, точно по ней пробѣжалъ вѣтеръ. «Бахусъ» поднялъ свою умную морду и вопросительно посмотрѣлъ на хозяина; при этомъ его черныя влажныя ноздри нервно заходили во всѣ стороны, какъ будто онъ понялъ, что его ждетъ, и старался запастись свѣжимъ воздухомъ.

А клѣтка продолжала уходить при полномъ молчаніи присутствующихъ. Вотъ уже скрылась собака. Исчезъ изъ виду Колбай. Вотъ уже осталась одна голова Дорогина. Онъ глазами шлетъ привѣтъ оставшимся людямъ и яркимъ теплымъ пятнамъ, что раскидало полуденное солнце на поверхности рудника.

Еще двѣ-три секунды—и не стало видно Дорогина. Надъ колодцемъ, проглотившемъ клѣтку стоитъ стальной скрипучій канатъ, кажущійся неподвижнымъ.

Присутствующіе перевели глаза съ колодца на центральный валъ. Разматывая вокругъ себя канатъ, валъ грузно и медленно вертѣлся и съ каждымъ поворотомъ его широкій кругъ каната съуживался.

Кто-то изъ инженеровъ подошелъ къ колодцу и заглянулъ въ него. Угрожающая тишина и черная мгла,—вотъ все, что исходило изъ ствола.

Инженеръ выпрямился и отошелъ прочь.

А толпа, наконецъ заговорила, и голосъ ея, подобно рокоту ручья, свободно прокатился по сѣрой равнинѣ Грушевки.

— Анджинеръ, а совѣсть имѣетъ!—сказалъ кто-то.

— Это вѣрно, ежели самъ спустился...

— А ты какъ думалъ? и среди господъ хорошіе люди встрѣчаются.

— А Колбай-то нашъ каковъ?

— Молодецъ, что говорить!..

— Будешь молодцомъ, коли терять нечего! Человѣкъ-то онъ подорожный: ни кола, ни двора.

— А жить-то, чай и ему охота...

— Вѣрно, вѣрно. Молодецъ Колбай! На такое опасное дѣло не всякій пойдетъ.

— А что братцы, живы наши, аль нѣтъ?

— Чтой-то смолкли, сердечные...

— Помилуй и спаси, Господи!..

— Чего горевать:—всѣ тамъ будемъ!..

И долго еще вполголоса разговаривали углекопы, а канатъ медленно продолжалъ разматываться и, казалось, этому конца не будетъ.

VI.

Двѣ артели углекоповъ въ числѣ около двухсотъ пятидесяти человѣкъ, за два часа до пожара работали въ трехъ поперечныхъ шахтахъ, разбившись на четыре группы. Шахтеры разрабатывали новую жилу, найденную Дорогинымъ. Шахты находились

въ полверстѣ отъ подъемной площадки, въ концѣ пластового ската. Эта мѣстность считалась самой глубокой во всей Грушевкѣ. Мощный каменный пластъ съ антрацитомъ въ промежуткахъ, толщиною въ сто пять саженъ, повисъ непроницаемымъ щитомъ надъ длинными и узкими корридорами, въ которыхъ люди, подобно кротамъ, грызли каменныя нѣдры, удлиняя свои тѣсныя норы.

Въ послѣдней шахтѣ, № 12,—самой низкой и дальней, работала воронежская артель. Работа въ этой шахтѣ требовала извѣстнаго умѣнія, а главное—осторожности; и поэтому старшій Смоляковъ назначилъ сюда девятую группу, состоявшую изъ старыхъ опытныхъ шахтеровъ. Старшимъ, или вожакомъ этой группы, состоялъ одинъ изъ лучшихъ углекоповъ, Степанъ Капраловъ. Это былъ сильный рослый человѣкъ лѣтъ сорока. Капраловъ зналъ рудникъ также хорошо, какъ свою родную деревню. При немъ взрывались всѣ новыя галлереи и ему были извѣстны всѣ входы и выходы.

За два дня до пожара къ Степану Капралову пріѣхалъ его единственный сынъ, двѣнадцатилѣтній мальчуганъ. Ребенка привезъ одинъ изъ земляковъ, который ужъ за одно сообщилъ Степану и о смерти жены. Капраловъ зналъ, что его жена больна; онъ еще недавно выслалъ ей деньги на леченіе, но онъ не думалъ, что болѣзнь эта такъ быстро отниметъ жизнь.

Сына Степанъ обласкалъ какъ могъ, ночью тайкомъ поплакалъ по женѣ, а на другой день надо было спуститься въ рудникъ и возиться съ печалью было некогда. Не имѣя на кого оставить мальчика, Капраловъ съ разрѣшенія штейгера, взялъ его съ собою въ рудникъ.

— А что, Васютка, не боязно тебѣ?—спросилъ Степанъ у сына, когда клѣтка вмѣстѣ съ ними падала внизъ.

— Не,—коротко отвѣчалъ Васютка, и продолжалъ широко раскрытыми глазами скользить по чернымъ стѣнкамъ колодца.

Мальчикъ дѣйствительно не испытывалъ страха и относился ко всему окружающему съ наивнымъ любопытствомъ. Онъ только крѣпче прижимался къ отцу, зная, что тятька сильный и все можетъ и что обидѣть его, Ваську, никто не посмѣетъ. А о другой опасности ребенокъ не думалъ, какъ, быть можетъ, не думаетъ объ этомъ и молодой барашекъ, попавшій съ матерью на бойню.

Такъ какъ Степанъ находился въ вечерней смѣнѣ, то особенно возиться съ сыномъ ему не приходилось. На подъемной площадкѣ онъ нашелъ груду старыхъ мѣшковъ, приготовилъ въ сторонкѣ постель и уложилъ мальчика спать. Степанъ былъ за него покоенъ, такъ какъ на площадкѣ всегда толчется народъ, который, въ случаѣ чего, далъ-бы ему знать. А Васька, попавъ на сто сажень подъ землей въ душной и жаркой атмосферѣ рудника, распарился, изморился и въ концѣ концовъ уснулъ сномъ праведника. А утромъ его разбудилъ тятька и они поднялись на свѣтъ Божій.

Тоже самое было и въ ночь пожара. Васютка спалъ на мѣшкахъ у подножія колодца, а отецъ работалъ въ шахтѣ.

Шахта № 12 шла зигзагами и концомъ упиралась въ нижнюю обходную галлерею, давно уже заваленную пустой породой и упраздненную. Начало брала она изъ главнаго проспекта, гдѣ были проложены рельсы до самой подъемной площадки. Паралельно съ шахтой № 12 тянулись еще пять новыхъ корридоровъ, гдѣ всего недѣлю тому назадъ Дорогинъ взрывалъ породу динамитомъ.

Степанъ Капраловъ, какъ всегда, работалъ усердно и слѣдилъ за товарищами. Въ десятомъ часу вечера забойщики вырвали изъ подъ породы «зубы» (деревянныя подпорки) и громадный слой антрацита, «искусанный» зубчиками зарубщиковъ, съ оглушительнымъ трескомъ рухнулъ въ пяти шагахъ отъ углекоповъ.

Подождавъ немного, шахтеры подползли къ антрациту и стали его крошить. И пудовые куски жирнаго зернистаго антрацита одинъ за другимъ скатывались на середину «гнѣзда».

Тягельщики, большею частью подростки, прикрѣпленные желѣзной цѣпью къ ящикамъ, быстро на четвереньках, точно ручные медвѣди, подбѣгали къ гнѣзду и садились въ ожиданіи, когда нагрузчики наполнятъ ящики. И при первомъ окрикѣ: «пошелъ»! они торопливо становились на четвереньки и медленно съ большимъ трудомъ тащили ящики къ главному проспекту, гдѣ ихъ уже ожидали откатчики съ квадратными вагончиками, увозившими добычу на подъемную площадку.

Вся эта работа происходила во мракѣ, въ духотѣ и жарѣ, доходившей до тридцати градусовъ. Углекопы, а въ особенности

тягельщики, буквально купались въ собственномъ поту. Чтобы ноги не скользили по мокрому камню, тяжелые башмаки тягельщиковъ были подкованы. И когда на четвереньках они бѣгали по шахтѣ, звеня цѣпями, ихъ подкованныя ноги производили характерный желѣзный стукъ, напоминавшій топотъ лошадей по каменной мостовой.

У каждаго рабочаго имѣлась лампочка, за которой онъ слѣдилъ съ особеннымъ вниманіемъ, потому что лампочка для углекопа—его глаза. Безъ лампочки шахтеръ становится безпомощнымъ, какъ человѣкъ, котораго лишили зрѣнія.

Чтобы не дѣлалось въ шахтахъ, эхо сейчасъ-же подхватываетъ каждый звукъ, каждый шорохъ и быстро разноситъ ихъ по всему руднику. А когда рабочихъ нѣтъ, въ рудникѣ поднимается звонъ, монотонный и печальный. Это звенитъ почвенная вода, падая съ камня на камень.

Лампочки шахтеровъ безпрерывно борятся съ тьмою, безпомощно долбя ее красными язычками. Разорветъ лампочка клочокъ плотной бездонной тьмы и въ темно-желтомъ пятнѣ вырастетъ согнутая фигура углекопа, обнажится крохотная площадь каменнаго свода, покажется надъ головой рабочаго мокрый камень, весь въ трещинахъ, изъ которыхъ тонкими струйками стекаетъ вода—слезы земли, какъ ее называютъ углекопы.

Но вотъ погасла лампочка и тьма мгновенно проглатываетъ шахтера.

Къ Степану Капралову подошелъ штейгеръ Смоляковъ.

— Ну, что, какъ дѣла?

— Ничего, слава Богу, порода ластится.

— Ну, и отлично. Я, братъ, иду на верхъ. Ты кончай эту зарубку, и потомъ сходи въ одиннадцатую, посмотри, что тамъ дѣлается. Мнѣ кажется, у нихъ тамъ дѣло не ладится.

— Ладно, ужо схожу.

— Ну, прощай, ухожу.

— Съ Богомъ, Андрей Степанычь! Ужъ вы не безпокойтесь: я тутъ погляжу.

Штейгеръ ушелъ. Нѣсколько секундъ видно было, какъ его огромная уродливая тѣнь судорожно корчилась и обвивалась вокругъ узкаго корридора.

Степанъ проводилъ штейгера, поднялъ съ земли лампочку и описалъ ею кругъ, желая лучше разсмотрѣть въ какомъ положенiи находится работа. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него лежали на животахъ отбойщики. Онъ видѣлъ только ихъ ноги, обутыя въ лапти, да слышалъ равномѣрный стукъ шахтерскихъ молотковъ. Углекопы лежали въ широкой скважинѣ и путемъ мучительныхъ усилiй «кусали» породу. Тамъ было жарко, какъ въ горячо натопленной банѣ.

Капраловъ взглянулъ на пластъ, низко упавшiй надъ работавшими углекопами, и впервые подумалъ: «а что, ежели, не приведи Господи, подпорки ослабнутъ да эта самая камнина рухнетъ»... На этомъ мѣстѣ онъ удержалъ свою мысль, стараясь о такихъ «глупостяхъ» не думать. Онъ поставилъ лампочку на землю, самъ опустился на колѣни, взялъ въ руки молотъ и зубчикъ и хотѣлъ было растянуться, чтобы заползти въ «гнѣздо», но въ это время до его слуха долетѣлъ какой-то странный шумъ, полный смятенiя.

Степанъ сталъ прислушиваться. Шумъ приближался. Опытный шахтеръ понялъ, что по шахтѣ съ воемъ бѣгутъ тягельщики. Онъ слышалъ какъ звенѣли ихъ цѣпи и какъ стучали по камню ихъ подкованныя ноги.

— Эй, бросайте работу! Въ рудникѣ не ладно! — крикнулъ Капраловъ, и первый выкатился изъ гнѣзда.

Отбойщики быстро, одинъ за другимъ, бросились вонъ изъ скважины и сбились въ тѣсную кучу по серединѣ шахты. Красные огоньки запрыгали въ дрожащихъ рукахъ и по мокрымъ каменнымъ сводамъ заплясали человѣкообразныя чудовища. Оглушительный шумъ мчался изъ глубинъ рудника прямо на рабочихъ. Слышался странный крикъ подобно львиному реву и трескъ падающихъ въ лѣсу деревьевъ, и грохотъ водопада, и пушечные выстрѣлы, и барабанный бой. Вся эта трескотня, весь этотъ гулъ, слившись въ многозвучный громъ, мчались по шахтамъ и оглушали перепуганныхъ на смерть углекоповъ. Казалось, сама темнота заметалась по руднику и искала выхода.

Вотъ прорѣзались огоньки и показались тягельщики. Они бѣжали, какъ перепуганное стадо оленей, держась близко другъ къ другу. Цѣпи свои они роняли по дорогѣ, но за то лампочки были у каждаго. Добѣжавъ къ отбойщикамъ, они остановились

съ искаженными отъ страха лицами. Между ними были мальчики 15—16 лѣтъ.

— Пожаръ!.. Стволъ горитъ!.. Сердцевина (средняя главная шахта) вся въ водѣ!..

Все это прокричалъ одинъ изъ тягельщиковъ, и остановился.

«Васютка»!.. промелькнуло въ головѣ Степана, и онъ, ничего не говоря, бросился вонъ изъ шахты, на встрѣчу подземному грому.

Рабочіе побѣжали за старшимъ. Обезумѣвшіе шахтеры метались въ паникѣ по глубокимъ каменнымъ нѣдрамъ земли, черная тьма гналась за ними по пятамъ, а тяжелыя черныя скалы давили имъ головы.

VII.

Пожаръ возникъ въ самомъ опасномъ мѣстѣ, на подъемной площадкѣ, вблизи основанія колодца. И такимъ образомъ единственный выходъ изъ рудника былъ прегражденъ. Сама площадка имѣла форму креста. Начало брала она у основанія колодца, гдѣ происходила безпрерывная нагрузка антрацита. Клѣтки-платформы съ быстротою птичьяго полета то поднимались вверхъ, то падали внизъ. Работа непрекращалась ни на минуту, и всегда тутъ толпились рабочіе. Правая и лѣвая части площадки были выложены толстыми просмоленными бревнами. Эти бревна подпирали каменный сводъ и въ тоже время служили защитой отъ почвенной воды. Здѣсь человѣкъ могъ стоять во весь ростъ. Тягельщики любили тутъ курить и выпрямлять свои кости. На площадкѣ каменный пластъ рудника не такъ давилъ своею тяжестью и рабочіе не рѣдко забывали, что находятся глубоко подъ землей.

Въ общемъ подъемная площадка напоминала деревенскую баню, сухую и горячо натопленную. Вдоль стѣнъ горѣли шахтерскія лампочки. Красные огоньки рѣшетили тьму и обнажали черную пасть продольной шахты или проспекта, какъ ее называли штейгера.

За нѣсколько минутъ до катастрофы въ обѣихъ частяхъ площадки собрались тягельщики въ ожиданіи выгрузки антрацита. У колодца работали откатчики. Поминутно въ рудникъ падали мѣдные сигналы колокола и платформы, нагруженныя антрацитомъ, поднимались вверхъ при громкой командѣ стволового.

Пожаръ вспыхнулъ мгновенно и застигъ рабочихъ врасплохъ. Загорѣлось въ дальнемъ углу площадки. Узкая полоса огня скользнула по бревенчатой стѣнѣ и съ шипѣніемъ и трескомъ поднялась вверхъ. А черезъ минуту все помѣщеніе было уже объято пламенемъ. Горѣли толстыя сухія бревна, горѣла деревянная обшивка ствола и масло изъ упавшихъ лампочекъ.

Стосаженный колодецъ, обшитый толстыми досками, являлся въ данномъ случаѣ сильной тягой и огонь метнулся туда. Люди не успѣли подать сигнала, какъ уже оказались со всѣхъ сторонъ окруженными пламенемъ. И рабочіе въ ужасѣ бросились въ продольную шахту. Но отбѣжавъ немного, они вынуждены были свернуть въ первую боковую галлерею: вода неожиданно преградила имъ путь. Опасность вырвала разсудокъ и люди превратились въ животныхъ. Они съ дикимъ воемъ бросились впередъ, давя другъ друга.

А на площадкѣ свирѣпствовалъ огонь. Его кроваво-красныя лапы вытягивались и ползали по стѣнамъ, по землѣ, поднимались по бревнамъ къ потолку, жадно ища пищу. И все, что способно было горѣть, вспыхивало, какъ порохъ и увеличивало зной и трескъ.

Васютка мирно спалъ на мѣшкахъ лицомъ къ стѣнѣ. Въ двухъ шагахъ отъ его ложа находился упраздненный входъ давно уже выработанной шахты. Изъ темной заброшенной пещеры несло сыростью и пустотой.

Огненныя змѣйки неоднократно подползали къ спящему мальчику и въ злобномъ безсиліи откатывались прочь. Надъ головой Васютки бушевали стихійныя силы. Освобожденная почвенная вода съ трехъ сторонъ ворвалась на площадку и съ ревомъ бросалась въ рудникъ. Внутри колодца гремѣло пламя, разрушая и проглатывая обшивку. Толстыя доски съ оглушительнымъ трескомъ падали съ вершины колодца и здѣсь, внизу, догорали до тла.

Черные винтообразные клубы дыма, какъ живыя существа бѣгали по площадкѣ, пока огонь не выталкивалъ ихъ черезъ колодецъ на верхъ.

Вотъ черная туча дыма упала на мальчика и на мгновеніе скрыла его изъ виду. Васютка проснулся весь въ поту. Онъ сѣлъ и не спѣша протеръ глаза. Сознаніе еще не вернулось къ нему

и онъ равнодушнымъ взглядомъ окинулъ бушевавшій вокругъ него огонь. Но это состояніе длилось не долго. Инстинктъ разбудилъ мальчика и поднялъ его на ноги. Испугъ остановился въ его голубыхъ глазахъ, а изъ груди вырвался крикъ отчаянія.

— Тятька! Тятя!—закричалъ мальчикъ, и шарахнулся назадъ къ пещерѣ заброшенной шахты.

Голосъ Васютки утонулъ въ грохотѣ водопадовъ и въ трескѣ огня.

— Тятя Степанъ!—еще разъ крикнулъ Васютка, и кубаремъ полетѣлъ въ шахту.

Мальчика толкнула туда новая туча ѣдкаго дыма. Васютка, руководимый инстинктомъ, поднялся на ноги и бросился бѣжать по шахтѣ. Но вскорѣ онъ снова упалъ, ударившись головой о низко упавшій каменный сводъ. Тогда онъ поползъ на четвереренькахъ, какъ это дѣлаютъ тягельщики.

Съ каждымъ шагомъ становилось темнѣй. Отблески огня таяли и умирали въ черномъ мракѣ каменнаго склепа. Плотная мгла окутала мальчика со всѣхъ сторонъ. Васютка остановился. Онъ почувствовалъ, что по его лицу и шеѣ течетъ теплая струйка. Онъ дотронулся рукой и рука сдѣлалась мокрой. Мальчикъ догадался, что это кровь и заплакалъ. А потомъ онъ снова принялся кричать изо всей мочи.

— Тятя, сюда! Тятенька!

Мальчикъ вдругъ испугался собственнаго крика и умолкъ. Ему вспомнились разсказы о страшныхъ чудовищахъ, живущихъ въ землѣ и онъ рѣшилъ молчать, чтобы голосомъ не привлечь на себя вниманіе стоголовыхъ змѣй и прочей чертовщины.

Съ этого момента воображеніе Васютки заработало съ удвоенной силой и въ памяти его воскресло все страшное, когда либо слышанное имъ въ родной деревнѣ. Онъ былъ теперь увѣренъ, что весь этотъ шумъ поднялся въ рудникѣ не спроста, и что нечистыя силы сговорились погубить его, Васютку. И мальчикъ сталъ прятаться. Онъ плотнѣе придвинулся къ каменной стѣнѣ, подобралъ подъ себя ноги, сложилъ накрестъ руки и весь съежился, чтобы быть какъ можно меньше и не замѣтней. Но глубокая бездонная тьма, полное одиночество и буйный грохотъ пожара рождали невольный страхъ и мальчикъ холодѣлъ отъ ужаса.

Надо перекреститься, подумалъ Васютка, и хотѣлъ было уже выполнить эту мысль, какъ вдругъ онъ вспомнилъ, что ему нельзя шевелиться. Вѣдь его со всѣхъ сторонъ сторожатъ чудовища, и стоитъ ему только поднять руку и рука будетъ съѣдена. Онъ чувствуетъ присутствіе нечистой силы. Она витаетъ надъ нимъ и шуршитъ колючей чешуей. Но здѣсь такъ темно, а онъ, Васютка, такой маленькій, что нечистая сила никакъ его найти не можетъ. И мальчикъ по мѣрѣ силъ удерживаетъ дыханіе и крѣпче прижимаетъ руки къ груди, желая этимъ остановить біеніе сердца. А тутъ, какъ на зло, по всему тѣлу пробѣгаетъ дрожь и зубы стучатъ во рту.

Васютка знаетъ, что нечисть сгинетъ, какъ только станетъ свѣтло. «Вотъ взойдетъ солнышко и все будетъ кончено. Придетъ тятька, повезетъ его въ городъ, купитъ ему сапоги и шапку, а потомъ его отдадутъ въ ученіе. Только надо, чтобы здѣсь сразу сдѣлалось свѣтло».

Но тутъ мысли Васютки оборвались: вблизи отъ него кто-то зашагалъ. Мальчикъ явственно разслышалъ шарканье ногъ. Холодная царапающая дрожь пробѣжала у него подъ черепомъ. Сознаніе Васютки помрачилось и онъ замлѣлъ.

Шаги приближались. Вотъ уже они совсѣмъ близко. Мальчикъ осторожно повернулъ голову въ ту сторону откуда шли шаги и увидалъ чей-то красный глазъ, налитый кровью. Въ густой черной темнотѣ онъ яркой точкой двигался по шахтѣ. Васютка чтобы не крикнуть, крѣпко стиснулъ зубы, но напрасно: когда огромное чудовище съ единственнымъ глазомъ на невидимомъ лицѣ подползло къ нему, онъ такъ вскрикнулъ, что въ груди сдѣлалось больно.

Молодой звонкій голосъ острымъ металломъ ударился о камни и звенящими осколками разсыпался во мглѣ.

— Кто здѣсь?

Васютка услыхалъ этотъ человѣческій голосъ надъ самой головой. Онъ широко раскрылъ глаза и почувствовалъ облегченіе. Онъ увидалъ передъ собой не кровавый глазъ чудовища, а обыкновенную шахтерскую лампочку. Она висѣла на груди человѣка, стоявшаго передъ нимъ на четвереньках. Это былъ самъ штейгеръ—Андрей Смоляковъ.

— Ты кто?—задыхающимся отъ волненія и усталости голосомъ спросилъ штейгеръ.

— Я—сынъ тятьки Степана... Васютка,—отвѣтилъ мальчикъ и вдругъ заплакалъ, тихо и жалобно.

— Ты съ площадки сейчасъ? Да? Отвѣчай скорѣй...

Но Васютка не въ силахъ былъ говорить: накопившіяся слезы рвались наружу и душили его.

Въ это время эхо притащило съ подъемной площадки гудѣніе пожара, грохотъ водопадовъ и швырнуло весь этотъ гулъ на черные камни тѣснаго корридора.

Смоляковъ вздрогнулъ, сдѣлалъ быстрый поворотъ и поползъ назадъ. Васютка мгновенно пересталъ плакать, упалъ на четвереньках и съ чисто кошачьей ловкостью подскочилъ къ удалявшемуся штейгеру и крѣпко обѣими руками вцѣпился въ его кожаную куртку.

Смоляковъ рѣзкимъ движеніемъ хотѣлъ оттолкнуть мальчика, но тотъ словно приросъ къ нему.

— Дяденька, миленькій... Не надо уходить... Я боюсь... Дяденька, голубчикъ, сведи къ тятькѣ Степану...

Васютка говорилъ торопливо и въ каждомъ словѣ его звучала мольба безпомощности.

— Отстань отъ меня, дьяволъ,—скрежеща зубами, прошипѣлъ обезумѣвшій отъ волненія и страха штейгеръ.

— Дяденька, миленькій, не гони... Я боюсь... Мнѣ больно... У меня кровь...

Смоляковъ тяжело вздохнулъ, сѣлъ и, снявъ съ груди лампочку, поднесъ ее къ лицу Васютки. Въ этотъ моментъ разсудокъ вернулся къ нему и штейгеру сдѣлалось стыдно и больно.

— Что я дѣлаю? Что я дѣлаю?—мысленно воскликнулъ онъ, и путемъ напряженнаго усилія вернулъ себѣ хладнокровіе и разсудительность.

— Мальчикъ, ты расшибъ себѣ голову. Погоди я сейчасъ остановлю кровь. Держи лампочку.

Штейгеръ хотѣлъ смыть слѣды недавней жестокости и каждое слово свое старался пропитать сердечной нѣжностью и любовью.

— Дорогой мой мальчикъ, гдѣ это ты такъ ушибся?—продолжалъ онъ голосомъ ласкать Васютку, и въ тоже время сталъ платкомъ перевязывать рану.

У мальчика затылокъ былъ сильно расшибленъ и вокругъ продольной раны уже образовались черные бугорки запекшейся крови.

— Тебѣ больно? Да?

— Больно...

— Ну, не плачь, дорогой, теперь не будетъ больно.

— А тятя мой гдѣ?

— Онъ тамъ, на работѣ... Ну, вотъ и готово. А теперь уйдемъ отсюда. Слышишь, какъ вода за нами гонится. Она уже близко.

— Ой, дяденька, я боюсь.

— А ты держись за меня покрѣпче и не бойся.

И Смоляковъ съ ребенкомъ поползъ впередъ.

Штейгеръ любовался самимъ собою. Онъ чувствовалъ себя добрымъ, великодушнымъ и смѣлымъ. Онъ побѣдилъ самого себя и гордился этой побѣдой. Теперь онъ жаждалъ подвиговъ.

Смоляковъ вспомнилъ какъ недостойно велъ онъ себя всего полчаса тому назадъ и горячее чувство стыда обожгло его. Онъ шелъ по главной шахтѣ, когда вспыхнулъ пожаръ. Въ двадцати шагахъ отъ площадки на него набросилась обезумѣвшая толпа рабочихъ. Боясь быть раздавленнымъ, онъ отскочилъ къ стѣнѣ и притаился. Толпа съ дикимъ воемъ ворвалась въ боковую галлерею. И когда въ главной шахтѣ никого не стало, Смоляковъ забѣгалъ по руднику, ища спасенія. Инстинктъ самосохраненія властно заговорилъ въ немъ и толкалъ его впередъ. Онъ зналъ, что въ рудникѣ много шахтеровъ, что они могутъ погибнуть, если не найдутъ выхода, но это его мало безпокоило. Штейгеръ желалъ только одного: спасти себя, а до остального ему дѣла не было.

Гонимый страхомъ и надеждой, онъ проникъ въ обходную галлерею и направился къ ахтырскому руднику. Онъ хорошо зналъ дорогу и въ нѣсколько минутъ успѣлъ обойти полъ рудника. По дорогѣ онъ молился о томъ, чтобы рабочіе не настигли его. Мысль, что толпа можетъ помѣшать ему приводила его въ ужасъ. И вотъ когда онъ уже былъ близокъ къ цѣли, вода преградила ему путь. Онъ понялъ что въ сосѣднемъ рудникѣ наводненіе и что онъ находится въ самомъ опасномъ мѣстѣ. Полный страха и отчаянія, Смоляковъ бросился бѣжать назадъ. Но тутъ ему измѣ-

нила память. Онъ забылъ расположеніе шахтъ, заблудился и снова попалъ въ обходную галлерею, гдѣ и натолкнулся на Васютку. Кровь и слезы безпомощнаго ребенка вернули Смолякову сознаніе и звѣрь завладѣвшій его душой, уступилъ мѣсто человѣку.

— О, я сумѣю вознаградить себя за минутную слабость,— думалъ Смоляковъ.—Еще не поздно. Надо только найти моихъ рабочихъ. Я всѣхъ спасу, или первымъ погибну...

— Дяденька, еще далеко?—перебилъ мысли штейгера Васютка.

— Нѣтъ, нѣтъ, теперь уже скоро.

— Дяденька, мнѣ больно...

Васютка захныкалъ.

— Потерпи, голубчикъ, немного, а когда придемъ, я сдѣлаю чтобъ тебѣ не было больно.

Отъ этихъ словъ мальчику не становилось легче и онъ едва поспѣвалъ за штейгеромъ.

VIII.

Въ то время, когда Смоляковъ съ Васюткой ползали по тѣсному ущелью заброшенной галлереи, двѣсти пятьдесятъ человѣкъ углекоповъ, сбившись въ плотную массу, встревоженнымъ стадомъ метались по руднику, тщетно ища выхода. Отчаяніе и бѣшенное безсиліе овладѣли толпой. Страхъ соединилъ ихъ и не давалъ имъ разойтись въ разныя стороны. Они ревниво слѣдили другъ за другомъ и никому не давали быть первымъ. Стоило одному крикнуть, какъ вся толпа присоединялась къ его голосу и рудникъ оглашался иступленнымъ многоголосымъ ревомъ.

Степанъ Капраловъ, насквозь пронзенный мыслью о сынѣ, нѣсколько разъ пробовалъ уйти отъ толпы, чтобы самому найти дорогу къ подъемной площадкѣ, но каждый разъ толпа обгоняла его и втискивала въ середину.

— Дорогу дайте, черти! Бога въ васъ нѣтъ!.. Сынишка мой въ огнѣ!..

Такъ кричалъ Степанъ, но его голосъ безпомощно тонулъ въ дикомъ ревѣ безумной толпы.

А вода тѣмъ временемъ прибывала и рабочимъ съ каждой

минутой оставалось все меньше и меньше сухого пространства. Изъ тысячи расщелинъ чернокаменнаго пласта выбѣгали ручейки и съ побѣднымъ звономъ падали въ рудникъ. Тамъ, на днѣ рудника они быстро соединялись и шумливыми рѣками носились по руднику, наполняя собою опустѣвшія шахты. Если водѣ случалось на пути встрѣтить преграду въ видѣ низко упавшаго свода, она быстро опоясывала собою каменную глыбу и вкрадчиво разъѣдала пластъ. И черная скала падала, наполняя рудникъ оглушительнымъ громомъ. Тогда вода поднималась на вершину упавшаго камня, откуда кричащимъ водопадомъ скатывалась въ рудникъ.

И каждый разъ, когда до слуха углекоповъ изъ темныхъ глубинъ рудника долеталъ грохотъ падающей породы, ими овладѣвала паника. Въ такой моментъ каждый изъ нихъ мысленно измѣрялъ толщину пласта, висѣвшаго надъ его головой и чувствовалъ себя заживо похороненнымъ.

Сотни лампочекъ въ дрожащихъ рукахъ углекоповъ, красными точками трепетно мигали въ бездонной мглѣ. Когда испуганная толпа, давя другъ друга, живой неразрывной массой сама втискивала себя въ тѣсный каменный проходъ, она, благодаря лампочкамъ, принимала видъ стоглазаго неуклюжаго чудовища. А когда вода догоняла толпу и холодныя струи стальными языками лизали ей ноги, сотни красныхъ глазъ устремлялись впередъ и матовые лучи этихъ огненныхъ глазъ раскаленными прутьями вонзались въ сѣрую, мутную влагу.

Но постепенно этихъ огоньковъ становилось меньше: у многихъ уже догорѣло масло. И каждый, у кого гасла лампочка, съ отчаяніемъ въ душѣ бросалъ ее прочь и, какъ слѣпой, прижимался къ тому, у кого еще былъ въ рукахъ огонекъ. Число такихъ слѣпыхъ быстро увеличивалось и они лишней тягостью являлись для толпы. Когда, рыдая, какъ дѣти, они въ темнотѣ протягивали руки и хватались за каждаго, у кого еще была лампочка, ихъ съ проклятьемъ отталкивали прочь.

— Эй, шахтеры, стойте! Слушайте!

Этотъ голосъ, сильный и густой, внезапно упалъ на толпу и остановилъ ее. Въ пяти шагахъ отъ углекоповъ кто-то кричалъ и

горящей лампочкой чертилъ въ темнотѣ кресты. Многіе узнали по голосу старшаго штейгера Андрея Смолякова.

— Слушайте, ребята, не бойтесь! Тихонько идите за мной, не толпитесь...

Степанъ Капраловъ не далъ Смолякову договорить: его зоркіе глаза увидали Васютку и онъ съ радостнымъ воплемъ бросился впередъ.

Спустя немного онъ уже сидѣлъ на корточкахъ передъ сыномъ, нѣжно проводилъ рукой по его спинѣ и ронялъ крупныя безмолвныя слезы.

Появленіе штейгера отрезвило толпу и сразу какъ-то успокоило ее.

— Вы, ребята, не бойтесь,—громко разговаривалъ Смоляковъ съ рабочими.—Мы сейчасъ найдемъ дорогу въ четвертую шахту и тамъ засядемъ, пока воду не выкачаютъ. Тамъ высоко и вода до насъ не дойдетъ. Ну, съ Богомъ.

И толпа покорно послѣдовала за штейгеромъ. Черезъ полчаса всѣ рабочіе, до единаго сидѣли въ четвертой галлереѣ, самой высокой и сухой. Послѣ бѣшенныхъ волненій и мучительныхъ страховъ наступилъ безмолвный покой. Толпа притихла и жутко молчала. Говорили только двое: Смоляковъ и Степанъ—одинъ съ рабочими, а другой съ сыномъ.

— Это что за катастрофа... Вотъ въ Юзовкѣ при мнѣ случился пожаръ, такъ это дѣйствительно было страшно. Рудникъ былъ сырой, неблагоустроенный, порода рыхлая, гремучихъ газовъ пропасть, машины плохія... И вдругъ пожаръ... И то больше половины шахтарей спаслось.

— Ужо, погоди, подымутъ насъ на свѣтъ,—тихо разговаривалъ въ это время Капраловъ съ Васюткой,—возьму я разсчетъ и уѣдемъ мы съ тобою домой, въ деревню...

— А у насъ, слава Богу,—продолжалъ тѣмъ временемъ Смоляковъ,—рудникъ образцовый, инженеръ дѣльный. Ужъ онъ не дастъ намъ погибнуть. Навѣрно ужъ и теперь хлопочетъ.

— А я мамкину могилку тебѣ покажу. Подлѣ овражка могилка-то,—слышался шопотъ Васютки.

— И никуда я изъ деревни не уйду. Буду хрестьянствовать. Время раннее, къ запашкѣ поспѣемъ, чай...

Голоса разговаривающихъ тихо переплетались и мягко шур-

шали надъ головами упорно молчавшихъ рабочихъ. Вдругъ гдѣ-то вблизи что-то треснуло и вслѣдъ затѣмъ раздался такой грохотъ, какъ будто изъ сотни пушекъ выстрѣлили. Каменный рудникъ вздрогнулъ. Рабочіе мгновенно вскочили на ноги. Всѣмъ стало ясно, что начинаются обвалы. Люди снова потеряли разсудокъ и въ смертельной паникѣ заметались по шахтѣ. Всѣ усилія штейгера на этотъ разъ ни къ чему не привели. Толпа находилась во власти животнаго инстинкта и успокоиться уже не могла.

А въ рудникѣ произошло вотъ что: каменный выступъ пустой породы, висѣвшій надъ входомъ въ шахту № 4, подточенный почвенной водой рухнулъ и такимъ образомъ единственный выходъ изъ галлереи былъ плотно закупоренъ. Объ этомъ зналъ одинъ только Смоляковъ, потому что, дорога, по которой онъ шелъ сюда уже не существовала: она вся была подъ водой.

Среди безсмысленнаго галдѣнія и толкотни штейгеръ съ большимъ трудомъ добрался къ обвалу. На томъ мѣстѣ гдѣ былъ совершенно свободный выходъ теперь стояла передъ нимъ плотная каменная стѣна. Смоляковъ съ помощью лампочки осмотрѣлъ упавшую глыбу и хотѣлъ было отдать приказаніе, чтобы рабочіе взялись за инструменты, но въ это время толпа хлынула на него и придавила къ камню. Штейгеръ возмутился.

— Что вы дѣлаете? Какъ вамъ не стыдно!—закричалъ Смоляковъ, но на его крикъ никто не отозвался.

Темнота и гулкій шумъ воды увеличивалъ страхъ и безуміе врывалось въ душу толпы. Рабочіе себя не помнили отъ отчаянія и яростно кричали о спасеніи.

Смоляковъ, видя свое безсиліе, отошелъ въ сторону. Онъ напрягалъ весь свой умъ, чтобы придумать какой-нибудь выходъ изъ этого страшнаго положенія, но усталый и взволнованный мозгъ отказывался служить.

А рабочіе топтались на одномъ мѣстѣ, давили другъ-друга и кричали о спасеніи.

— Что сейчасъ: утро, день или ночь?—мысленно спросилъ у себя Смоляковъ и воображеніе вынесло его изъ рудника. Тамъ уже работаютъ. Дорогинъ устанавливаетъ машины. Скоро воду выкачаютъ и всѣ будутъ спасены. Тамъ и братъ Петръ трудится...

Штейгеръ хочетъ подѣлиться этими мыслями, но не съ кѣмъ:

толпа потеряла разсудокъ и говорить съ нею нельзя. Надо узнать сколько времени ушло съ момента катастрофы и тогда все станетъ ясно и надежда подкрѣпитъ его.

Смоляковъ разстегнулъ куртку, вытащилъ часы и поднесъ ихъ къ лампочкѣ. Часы показывали десять. Это сильно его встревожило. Онъ хорошо помнитъ, что было около одиннадцати, когда онъ давеча собирался оставить рудникъ. Неужели такъ много времени прошло? Онъ приложилъ часы къ уху, часы стояли. Въ этотъ моментъ лампочка его погасла и темнота плотно окутала его.

Штейгеръ палъ духомъ. Онъ почувствовалъ слабость въ ногахъ и, какъ тяжело больной, осторожно опустился на каменный полъ шахты.

— Подвиньтесь сюда, господинъ штейгеръ, здѣсь еще совсѣмъ сухо,—проговорилъ кто-то надъ самымъ ухомъ Смолякова.

— Кто это?—почти съ испугомъ спросилъ онъ.

— Не все-ли вамъ равно кто я? Здѣсь нѣтъ личностей: темнота все стерла. И часики ваши остановились. Стало быть, живемъ внѣ времени и внѣ пространства. Мы теперь вродѣ какъ-бы духи безплотные: безъ именъ и безъ лицъ...

Смоляковъ съ напряженнымъ вниманіемъ прислушивался къ словамъ невидимаго человѣка и въ звукахъ его голоса отыскивалъ знакомыя нотки. Голосъ этотъ положительно былъ ему знакомъ, но онъ никакъ не могъ припомнить кому онъ принадлежитъ.

— Я давно уже отдыхаю здѣсь и слѣжу за вами. Видѣлъ какъ вы на часики поглядывали и какъ у васъ лампочка погасла...

— Постой, вѣдь это ты, Копчикъ? Да?..—перебилъ говорившаго Смоляковъ.

— Ну, вотъ, къ чему вамъ было угадывать.

— А что?

— Теперь не интересно вамъ будетъ.

— Отчего?

— Да какой вамъ интересъ меня слушать, разъ вы знаете кто я.

— Это ты напрасно, я всегда тебя считалъ умнымъ человѣкомъ, хотя и погибшимъ.

Когда штейгеръ говорилъ это, въ его воображеніи промель-

кнула маленькая подвижная фигурка Копчика съ острой мордочкой и крохотными ручками и ножками. Кѣмъ былъ Копчикъ до своего появленія на рудники—никто не зналъ, но одно было несомнѣнно, что этотъ маленькій человѣчекъ жилъ когда-то иной жизнью. Копчикъ былъ «безпередышнымъ» пьяницей, какъ говорили углекопы, т. е. пилъ всегда, безъ передышки. Въ шахты опускался онъ рѣдко, а больше занимался тѣмъ, что бродилъ по рабочимъ казармамъ, тѣшилъ народъ, за рюмку водки выкидывалъ различныя колѣнца, а иногда писалъ углекопамъ письма на родину. Копчикъ былъ единственнымъ грамотнымъ человѣкомъ среди грушевскихъ шахтеровъ. Рабочіе относились къ нему съ насмѣшливой жалостью и по своему любили его. За то рудничное начальство терпѣть его не могло за его острый языкъ и бездѣльничаніе. Одинъ только Смоляковъ относился къ нему снисходительно и всегда смотрѣлъ на него съ затаеннымъ любопытствомъ.

Вотъ и теперь штейгеръ былъ радъ, что его сосѣдомъ оказался Копчикъ, а не обыкновенный шахтеръ.

— Позвольте мнѣ, господинъ штейгеръ, задать вамъ одинъ вопросъ,—проговорилъ Копчикъ, послѣ небольшой паузы.

— Спрашивай.

— Что такое—погибшій человѣкъ?

— Ахъ, голубчикъ, теперь не до разговоровъ. Ты слышишь, что тамъ дѣлается?

— Слышу. Это страхъ кричитъ. Только, я знаю, у страха голосъ короткій. Покричитъ и перестанетъ. Я давеча тоже кричалъ и бѣгалъ со всѣми, какъ ошалѣлый заяцъ. А когда понялъ, что этимъ дѣло не поправлю, успокоился и легъ вотъ здѣсь.

— И не боишься?—перебилъ его штейгеръ.

— Теперь не боюсь: привыкъ. Я очень быстро ко всему привыкаю. Вотъ, напримѣръ, къ водкѣ я привыкъ въ два дня.

При этихъ словахъ передъ глазами штейгера снова промелькнула маленькая фигурка Копчика, и онъ не могъ удержаться отъ улыбки.

— Потому-то ты и погибшій человѣкъ, что къ дурному быстро привыкаешь.

— Чѣмъ-же пьянство плохо? Отъ моей привычки никто не страдаетъ, а казнѣ даже прибыль. А вотъ у нашего хозяина есть

привычка кровь рабочихъ пить. Ужъ лучше-бы онъ водку пилъ. Не правда-ли?

— Ахъ, Копчикъ, Копчикъ, не глупый ты человѣкъ, а быть серьезнымъ не хочешь. На жизнь смотришь, какъ на шутку.

— Это вѣрно. Веселый я человѣкъ, и серьезнымъ быть не желаю.

— Почему?

— Да потому, что всѣ серьезные люди—обманщики. Они себя и другихъ обманываютъ. У иного въ головѣ ума меньше чѣмъ въ моемъ карманѣ денегъ, а на лицѣ несетъ такую серьезность, какъ будто изобрѣлъ вѣчный двигатель. Кто у насъ самый серьезный народъ? Сидѣльцы винныхъ лавокъ да городовые. Встрѣчалъ я одного господина. Борода—патріарха, лобъ—пророка, осанка—завоевателя, никогда не улыбнется, взглядъ глубокій и вдумчивый. При встрѣчѣ я всегда этому господину почтительно уступалъ дорогу. А потомъ я узналъ, что онъ—учитель чистописанія. И только. А вотъ Галилей былъ веселымъ человѣкомъ, хотя чистописаніемъ и не занимался.

— Чудакъ ты, Копчикъ, какой! Развѣ я о такой серьезности говорю? Можно быть и серьезнымъ, и веселымъ въ одно и то же время. Серьезно относиться къ жизни—это значитъ брать отъ нея все полезное, а вредное отбрасывать. Погибшимъ я считаю того человѣка, который ни себѣ, ни другимъ пользы не приноситъ. Такой человѣкъ является лишнимъ бременемъ земли.

— Все это вѣрно, господинъ штейгеръ, но бѣда въ томъ, что мы не знаемъ кто полезенъ и кто вреденъ для земли. Вотъ я, напримѣръ, все, что вы считаете полезнымъ, нахожу страшно вреднымъ. Вы говорите: будь полезнымъ себѣ и другимъ, а я говорю: будь вреднымъ себѣ, но не другимъ, потому что человѣкъ не вреднымъ быть не можетъ.

— Ну, ужъ это ты, Копчикъ, глупости говоришь. Ты потому не видишь свѣта, что живешь во тьмѣ.

— И тутъ я иначе думаю, — живо перебилъ Копчикъ. — Изъ темной комнаты всегда хорошо видно, что дѣлается въ свѣтлой. Все несчастье въ томъ, что люди до сихъ поръ не понимаютъ, когда они вредны и когда полезны. Я зналъ одного священника, который занимался благотворительностью. Со всей страны стекались къ нему деньги, а онъ раздавалъ ихъ бѣднымъ. И что же

вышло? Въ томъ городѣ, гдѣ жилъ священникъ развилось такое пьянство, такая праздность и такой развратъ, что бѣдный батюшка съ горя заболѣлъ и умеръ. И нынѣ о покойномъ благодѣтелѣ отзываются крайне непочтительно не только посторонніе, но и тѣ, которые пропивали его святыя деньги. Вотъ вамъ и полезная дѣятельность.

Копчикъ вздохнулъ и умолкъ. Молчалъ и Смоляковъ. Голоса углекоповъ, топтавшихся около обвала, становились тише и вскорѣ совершенно замерли. Казалось, что рабочіе нашли выходъ и ушли изъ шахты.

IX.

Время тянулось безконечно долго. Углекопы давно уже выбились изъ силъ и молча лежали на каменномъ днѣ рудника въ ожиданіи смерти. О спасеніи никто уже не заботился. Пережитыя волненія ослабили нервы и людьми овладѣла апатія.

Спички и табакъ давно уже были израсходованы и рабочіе лишились послѣдняго утѣшенія—курева.

Смоляковъ былъ единственнымъ человѣкомъ не потерявшимъ надежды на спасеніе, хотя и у него эта надежда быстро догорала, какъ свѣча на вѣтрѣ.

Въ рудникѣ стало тихо. Грохотъ водопадовъ прекратился, не слышно было и обваловъ. Ясно, что наводненіе прекратилось. Штейгеръ увѣренъ, что тамъ, на верху уже работаютъ водоотливныя машины. Но почему-же все это такъ долго тянется? Вѣдь пройдетъ еще немного времени и люди начнутъ умирать отъ истощенія!

Смоляковъ не можетъ лежать спокойно. Онъ поминутно встаетъ и до боли напрягаетъ слухъ. По руднику бродитъ печальный звонъ. То «слезы земли» падаютъ на черные камни.

— Ахъ, еслибы лампочка, — съ тоской думалъ штейгеръ. — Онъ-бы нашелъ дорогу къ площадкѣ. Навѣрно обходная галлерея теперь освобождена отъ воды. И зачѣмъ онъ не догадался сохранить масло.

Послѣдняя мысль давно уже сверлила мозгъ штейгера, и онъ простить себѣ этого не можетъ. Вѣдь это такъ просто можно было сдѣлать! Стоило только приказать рабочимъ, когда онъ съ

ними встрѣтился, погасить лампочки, а потомъ зажигать по очереди. И тогда огня хватило бы на долго.

Съ тѣхъ поръ какъ углекопы притихли Смоляковъ началъ волноваться. «Рѣшили умереть» промелькнуло въ его головѣ. При этой мысли сердце тоскливо сжалось. Хоть-бы кто-нибудь слово сказалъ. Онъ знаетъ, что рабочіе не могли уйти, что они лежатъ, быть можетъ, рядышкомъ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него, но тьма уничтожила понятіе о разстояніи и временами онъ чувствуетъ себя совершенно одинокимъ. Даже Копчикъ — и тотъ умолкъ. Живъ-ли онъ?

— Копчикъ, а Копчикъ! Ты спишь?

— Нѣтъ, не сплю.

— Чтоже ты не философствуешь?

— Боюсь разговоромъ голодъ увеличить. За меня теперь мой желудокъ философствуетъ.

— Потерпи не много. Теперь я думаю, не долго осталось.

— Жить не долго осталось?

— Нѣтъ! Навѣрно сейчасъ идутъ работы, тамъ, на верху.

— А вамъ хочется быть на верху?

— Что за вопросъ. А тебѣ?

— Мнѣ не очень. Я уже свыкся и чувствую себя здѣсь не плохо.

— Полно врать, Копчикъ. Жить и тебѣ хочется.

— А развѣ я здѣсь не живу? Разница только въ томъ, что здѣсь я умру отъ голода, а тамъ, на верху, при хорошихъ обстоятельствахъ, я-бы умеръ отъ старости.

— Тише, Копчикъ... Ты слышишь?..

Копчикъ умолкъ и сталъ прислушиваться. Надъ самой головой его проползало что-то живое, грузное. Горячее дыханіе невидимаго существа теплой волной пахнуло на Копчика, и онъ невольно поднялъ руку. Рука коснулась чьихъ-то волосъ. Копчикъ слегка отодвинулся.

— Хлѣбца... Нѣтъ-ли у тебя, братецъ, хлѣбца?... Васютка помираетъ... Дай, Христа ради...—задыхающимся шопотомъ проговорилъ кто-то.

— Это ты, Капраловъ?

— Я съ сыномъ здѣсь... Помоги, милый человѣкъ... Замлѣлъ малецъ мой...

— Эхъ, голубчикъ, радъ-бы помочь, да нечѣмъ...

Въ отвѣтъ изъ груди Степана вырвался глубокій вздохъ. И тяжело дыша онъ протащился дальше. Его остановилъ Смоляковъ.

— Ты куда? тамъ никого нѣтъ.

— Ужъ я и не знаю... Силушки моей нѣту. Всѣхъ, почитай, обходилъ, а ни у кого хлѣбца не добылъ.

— А сынишка гдѣ?

— Тутъ онъ у меня, на рукахъ. Давеча все плакалъ, хлѣбушка просилъ, а теперя замлѣлъ и молчитъ... Тяжело мнѣ, охъ какъ тяжело!..

Капраловъ съ трудомъ выговаривалъ нѣкоторыя слова и дышалъ громко и отрывисто.

— А ты-бы положилъ мальчика, да и самъ-бы отдохнулъ, — сказалъ Смоляковъ.

— Нельзя: какъ положу, такъ плакать начинаетъ. У него, вишь, голова разбита... О, Господи!..

— Потерпи немного, скоро придутъ люди и поднимутъ насъ.

— Нѣтъ, не придутъ... Забыли... Тамъ, на свѣтѣ и безъ насъ людей много.

Не успѣлъ Капраловъ кончить, какъ по руднику пронесся живой гулъ и шумъ. Сначала трудно было понять что это, но вскорѣ по отдѣльно врывавшимся въ шахту звукамъ можно было разобрать топотъ ногъ, человѣческіе голоса и звонкій стукъ молотковъ.

Рабочіе ожили и въ шахтѣ поднялось безтолковое движеніе. Въ черной бездонной тьмѣ они натыкались другъ на друга, поминутно мѣняли направленіе, на каждомъ шагу спотыкались, падали и кричали о спасеніи. Мгновеніями, когда становилось тише, слышались чьи то стоны, а извнѣ—усиленный стукъ желѣза.

Прислушиваясь къ шуму, врывавшемуся въ шахту, Смоляковъ понялъ, что люди идутъ черезъ обходную галлерею. Въ первый моментъ обстоятельство это его удивило, но вспомнивъ, что главный входъ заваленъ упавшей породой, онъ успокоился и поднялся на ноги.

— Копчикъ, вставай и ползи за мной. Къ намъ спасеніе идетъ. Держись лѣвѣй, а то шахтари затопчатъ насъ. Слышишь, что они дѣлаютъ?.. Ну-же, скорѣй, гдѣ ты?

Смоляковъ наклонился, пошарилъ рукой и, не найдя Копчика, поползъ одинъ. На встрѣчу ему неслись человѣческіе голоса и

шумъ шаговъ. Нетерпѣніе росло въ душѣ штейгера и онъ быстро ползъ впередъ, царапая руками мокрыя камни тѣсной шахты. Позади кричали рабочіе, ища дорогу, но Смоляковъ старался не вслушиваться и какъ будто удиралъ отъ этого смѣшаннаго вопля радости и отчаянія. Штейгеръ смотрѣлъ впереди себя широко раскрытыми глазами и ждалъ съ замираніемъ сердца, когда первый спасительный огонекъ прорѣжетъ черную давящую тьму.

И огонекъ наконецъ показался. Темно-красная точка вынырнула изъ черной глубины и поплыла на встрѣчу Смолякову. Вслѣдъ за первымъ огонькомъ, словно звѣзды, выпали изъ тьмы и медленно задвигались другія огненныя точки. Вотъ выступило очертаніе человѣка—темная согнутая фигура и желтое лицо, освѣщенное лампочкой.

Это самъ Дорогинъ. Смоляковъ дѣлаетъ отчаянный прыжокъ и почти кричитъ:

— Дмитрій Александровичъ! Дмитрій Александровичъ!..

И тутъ-же въ изнеможеніи садится на камни. Надъ нимъ склоняются инженеръ и братъ Петръ. Штейгеръ хочетъ говорить, но не можетъ: спазмы сдавили горло.

— Ну, успокойтесь. Теперь все кончено, говоритъ Дорогинъ.

— Скорѣе идите туда,—съ трудомъ шепчетъ Смоляковъ.— Тамъ шахтари мечутся и убиваютъ другъ-друга...

Инженеръ говоритъ что-то, но Смоляковъ не слышитъ. Голова кружится, въ вискахъ стучитъ... Онъ положительно теряетъ сознаніе. Вотъ его повели куда-то. Петръ тутъ-же. Онъ увѣряетъ, что прошло всего трое сутокъ. Но штейгеръ не вѣритъ. Онъ готовъ поспорить съ кѣмъ угодно, что прошло больше недѣли.

Вотъ и подъемная площадка. Вотъ и платформа. Кругомъ кричатъ люди и рвутся къ клѣткѣ. Слышенъ звонъ сигнала. Платформа покачнулась и быстро, какъ птица, взлетѣла вверхъ.

Солнце купалось въ пламени заката, когда изъ рудника поднялись первые пять спасенныхъ. Это были все мальчики-тягельщики. Когда стволовой, длинный и тощій старикъ съ больными глазами, открылъ клѣтку, тягельщики порывисто бросились вонъ, но тутъ-же остановились, ослѣпленные свѣтомъ яркаго заката. Они низко опустили головы и, словно овцы, сбились въ тѣсную кучу. Клѣтка упала въ колодецъ.

— Что больно мало васъ?—спросилъ у мальчиковъ машинистъ.

— Анджинеръ больше не пущаетъ—отвѣтилъ одинъ изъ тягельщиковъ.—Канатъ, говоритъ, оборвется.

— Ну, мальцы, идите къ доктору,—прошамкалъ стволовой.—Стопъ!—добавилъ онъ, обращаясь уже къ машинисту.

Къ тягельщикамъ подошелъ фельдшеръ и подвелъ ихъ къ деревянной перегородкѣ, гдѣ ихъ встрѣтилъ врачъ Умновъ. Онъ былъ въ бѣломъ халатѣ. Около него суетился почти весь персоналъ Александровской больницы. Въ ожиданіи жертвъ, Умновъ приготовилъ все необходимое, что требуется для оказанія первой помощи. Тутъ стояли до десяти передвижныхъ коекъ-носилокъ, какіе-то чаны наполненные теплой и холодной водой, на двухъ столахъ возвышались груды перевязочныхъ средствъ, инструменты, вино, бульонъ и различные пузырьки.

Умновъ встрѣтилъ группу спасенныхъ мальчиковъ съ радостной улыбкой на лицѣ.

— Что, плутяги, живы? То-то. Ну, подходи по очереди, подкрѣпитесь, чѣмъ Богъ послалъ.

Въ голосѣ Умнова, какъ одинокая струна, звучала доброта полная тихой печали. А спасенные мальчики, потные, грязные, съ черными, какъ вакса, лицами лихорадочно вздрагивали и все еще прятали обремененные тьмою глаза.

Изъ колодца вынырнула слѣдующая клѣтка съ углекопами. И поминутно слышались мѣдные сигналы колокола и шамкающій голосъ стволового:

— Стопъ! Поднимай!

Тихо шуршалъ стальной канатъ, злобно шипѣлъ сгущенный паръ подъемной машины и громко вздыхалъ машинистъ, широкоплечій, чернобородый здоровякъ съ дѣтскими голубыми глазами.

За исключеніемъ матери и сестры Смоляковыхъ, постороннихъ никого не было. Острый интересъ къ жертвамъ событія ослабъ и мѣстные обыватели перестали любопытствовать. А рабочіе по случаю праздника и безработицы „гуляли“ на Ахтырскомъ рудникѣ, пропивая послѣднія копейки. Въ ту минуту, когда стали поднимать изъ рудника погибавшихъ тамъ углекоповъ, на „Ахтыркѣ“ играла гармоника и пьяный хоръ голосовъ оглашалъ

темно-сѣрую равнину Грушевки безсмысленными и грубыми пѣснями шахтеровъ.

Черезъ полчаса поднялась клѣтка съ первыми жертвами катастрофы. На днѣ клѣтки, покрытые дырявыми мѣшками, лежали четыре трупа, а подлѣ нихъ съ оскаленными бѣлыми зубами и обнаженной головой стоялъ Колбай, измученный, грязный, но съ радостно горѣвшими глазами.

Стволовой, машинистъ, фельдшеръ и кочегаръ выглянувшій на минутку изъ-за машинной топки, при появленіи клѣтки съ трупами молча обнажили головы и молча нѣсколько разъ осѣнили себя крестнымъ знаменіемъ.

Смерть зарѣяла надъ рудникомъ и рождала печаль и молчаніе. Два фельдшера, больничный служитель и Колбай осторожно стали снимать покойныхъ съ платформы. Трупы были отнесены къ загородкѣ и, по приказанію доктора, положены въ одинъ рядъ.

— Снимите мѣшки,—сказалъ Умновъ.

Старшій фельдшеръ снялъ мѣшки и невольно отшатнулся, когда увидалъ изуродованныя тѣла.

— Ишь ты, какъ его, бѣднягу, измяли,—тихо проговорилъ Колбай, указывая на одинъ изъ труповъ.

— Кто онъ такой?—еще тише спросилъ у Колбая фельдшеръ.

— Это нашъ, Кириллъ Присядка. По рукѣ узналъ: шестипалый онъ.

Присядка, какъ и Копчикъ, славился среди шахтеровъ, какъ самый умный и веселый человѣкъ. А теперь этотъ „веселый“ человѣкъ лежалъ мертвымъ и изуродованнымъ до неузнаваемости. Рядомъ съ нимъ лежалъ трупъ рослаго углекопа съ выбитой челюстью. Колбай не узналъ его. И на вопросъ врача какъ зовутъ покойника, онъ отвѣтилъ пожатіемъ плечъ.

— А вотъ этихъ я знаю,—живо проговорилъ Колбай, взглянувъ на двухъ мертвыхъ тягельщиковъ.—Эти мальчишки—родные братья Климовы. Сорванцами были, прости Господи... Отецъ ихній на Ахтыркѣ работаетъ. Безпутяшный мужичекъ. Въ прошломъ годѣ мальцы эти (Колбай пальцемъ указалъ на трупы) чуть было на смерть не приколотили отца-то. А онъ—хоть-бы что! Макаромъ зовутъ его. Запьянцовскій мужиченка.

Закатъ остылъ, поблѣднѣло небо надъ Грушевкой и медленно спускались сумерки, когда изъ колодца поднялась послѣдняя клѣтка. На платформѣ стоялъ Дорогинъ, братья Смоляковы, „Бахусъ", радостно вбиравшій чернымъ подвижнымъ носомъ свѣжій воздухъ и Степанъ Капраловъ съ мертвымъ сыномъ на рукахъ.

Степанъ стоялъ на колѣняхъ съ откинутой назадъ головой. Его поддерживалъ Дорогинъ. Когда Петръ Смоляковъ вывелъ изъ клѣтки едва державшагося на ногахъ брата, Дорогинъ подозвалъ людей и попросилъ какъ можно осторожнѣй отнять у Степана дѣтскій трупъ, а самаго Капралова снести къ врачу. Многіе изъ присутствовавшихъ, заинтересованные трогательной сценой, происходившей между матерью съ сыномъ, Смоляковыхъ, не обратили сначала на Степана вниманія, но когда неожиданно раздался его отчаянный крикъ, всѣ повернули головы къ колодцу и замерли на своихъ мѣстахъ.

Степанъ крикнулъ въ тотъ моментъ, когда стали снимать его съ платформы. Крикнулъ онъ отъ боли, потому что окровавленныя ноги его прилипли къ полу платформы. Цѣлыя сутки ползалъ онъ на колѣняхъ по каменной шахтѣ и ноги его были изодраны до самыхъ костей. Эти обнаженныя окровавленныя кости и бросились въ глаза присутствующимъ, когда подняли Капралова.

Степана положили на койку, а трупъ Васютки лежалъ уже среди мертвыхъ и выдѣлялся чистымъ и блѣднымъ лицомъ.

Капраловъ не могъ говорить; нервная дрожь заставляла его корчиться, а зубы выбивали мелкую дробь. Когда стали промывать ему раны на ногахъ, онъ коротко вскрикивалъ и не разъ впадалъ въ безсознательное состояніе.

Дорогинъ, выйдя изъ клѣтки, подошелъ къ Умнову и шепотомъ спросилъ его, много-ли увѣчныхъ.

— Нѣтъ, не много. Признаться, я ожидалъ больше. Всего двадцать три ушибленныхъ и восемьнадцать труповъ. Спасибо вамъ, Дмитрій Александровичъ. Хорошій вы человѣкъ,—тихо закончилъ врачъ.

Дорогинъ съ удивленіемъ взглянулъ на Умнова, пожалъ плечами и отвернулся.

Кто-то изъ больныхъ застоналъ, мучительно и жалобно.

Дмитрій Александровичъ, не выпуская изъ рукъ ошейникъ Бахуса, медленно подошелъ къ машинѣ и остановился въ глубокой задумчивости.

Сгущались сумерки. На блѣдномъ голубомъ небѣ прорѣзался молодой мѣсяцъ. Прохладный вѣтеръ время отъ времени приносилъ со стороны „Ахтырки“ обрывки пьяной плясовой пѣсни и скрипящіе звуки гармоники.

И каждый разъ, когда до слуха Дорогина долетали эти клочья пьянаго веселья, онъ судорожно вздрагивалъ, а черные глаза его злобно вспыхивали.

X.

Въ тотъ же день, вечеромъ, Иванъ Миронычъ, по случаю благополучно окончившейся для него катастрофы, „закатилъ“ въ мѣстномъ шахтовладѣльческомъ клубѣ ужинъ съ шампанскимъ.

Къ одиннадцати въ „боковой“ залѣ были уже накрыты столы и приглашенные стали собираться. Иванъ Миронычъ въ черномъ сюртукѣ радушно встрѣчалъ гостей. Каждому изъ гостей онъ торопливо протягивалъ свою короткую толстую руку и свадебнымъ тономъ приговаривалъ: „Милости просимъ, гости дорогіе“.

Гости въ свою очередь были застегнуты на всѣ пуговицы и настроенные весьма торжественно. Просто говоря, эти люди, ради собственнаго удовольствія, разыгрывали комедію. Они отлично знали другъ друга, были, что называется, своими, ежедневно играли въ карты, пили вино, каждый изъ нихъ въ этомъ-же клубѣ ужиналъ и всѣ они были между собою на „ты“. Но стоило Глѣбову заявить, что онъ сегодня даетъ ужинъ, какъ вдругъ всѣ торжественно настроились и явились въ клубъ, точно въ гости.

— Пожалуйте, господа, къ столу,—провозгласилъ Иванъ Миронычъ, когда часы пробили одиннадцать.

— А гдѣ-же виновникъ торжества, нашъ милѣйшій Дмитрій Александровичъ?—спросилъ кто-то.

— Не придетъ. Такъ и сказалъ—не приду... Ну, и Богъ съ нимъ,—добавилъ Иванъ Миронычъ со вздохомъ.

Гости не заставили себя долго просить и заняли мѣста. За столомъ оказалось тринадцать человѣкъ. Это обстоятельство и послужило вначалѣ темой для разговора. За исключеніемъ Ивана

Мироныча, всѣ сидѣвшіе за столомъ были горные инженеры, изъ которыхъ многіе владѣли собственными рудниками. Предсѣдательствующее мѣсто занялъ выборный отъ шахтовладѣльцевъ, инженеръ Крюковъ. Справа отъ него помѣстился Глѣбовъ, а слѣва—окружный инженеръ.

Лакеи стали обносить кушанья. Завязался разговоръ.

— Да-съ, Иванъ Миронычъ,—проговорилъ Крюковъ,—тревожные деньки пережили мы...

— Это вѣрно-съ... Слава Богу, обошлось. Могло и хуже быть. Спасибо всетаки Дорогину.

— Да, человѣкъ онъ способный, хотя... Хотя довольно курьезный.

— Именно курьезный,—подхватилъ окружный инженеръ, и залился мелкимъ смѣхомъ.—Удачно сказали вы...

— Господа,—возвысилъ голосъ Крюковъ,—то, что я скажу сейчасъ многимъ, быть можетъ, покажется абсурдомъ, но это мое убѣжденіе. Вы знаете меня, знаете мои убѣжденія и, конечно, заподозрить меня въ узкомъ консерватизмѣ, а тѣмъ болѣе въ томъ, что называется у насъ мракобѣсіемъ, вы не можете. Но скажу откровенно, когда я прибылъ на мѣсто пожара и увидалъ тысячную толпу праздныхъ углекоповъ, я успокоился на мысли, что эта толпа ничего не сдѣлаетъ худого. Теперь вообразите себѣ нашихъ углекоповъ грамотными и политически зрѣлыми, какими являются сейчасъ многіе заводскіе рабочіе. Что бы это было такое! Подумать даже страшно... И вотъ, говорю откровенно, былъ моментъ, когда въ душѣ я радовался безграмотности нашихъ шахтеровъ. А вѣдь вы меня, кажется, знаете. Я всегда стоялъ за просвѣщеніе народа...

— Что-жъ, вы вполнѣ правы,—проговорилъ Иванъ Миронычъ.—Грамота нужна образованнымъ людямъ...

Но тутъ Глѣбовъ умолкъ: неожиданно распахнулась дверь и въ залу стремительно вошелъ Дорогинъ. Его появленіе почему-то смутило и встревожило сидѣвшихъ за столомъ.

Дорогинъ широкими шагами подошелъ къ столу и, никому не подавая руки, сѣлъ на свободное мѣсто.

— Дмитрій Александровичъ, наконецъ-то вы пожаловали!—воскликнулъ Крюковъ, и нѣжно провелъ рукой по выхоленной сѣдой бородѣ.

— Я пришелъ сейчасъ потому, что завтра я покидаю Грушевку навсегда и хочу съ вами проститься...

Всѣ замѣтили, что Дорогинъ находится въ сильномъ нервномъ возбужденіи. При послѣднихъ его словахъ за столомъ произошло замѣтное движеніе и быстрый разговоръ глазами.

Иванъ Миронычъ даже привскочилъ на стулѣ.

— Да что вы, Дмитрій Александровичъ! Господь съ вами,— скороговоркой пролепеталъ ошеломленный Глѣбовъ.—Все такъ хорошо кончилось. Вы спасли рудникъ и людей... Я даже, какъ видите, ужинъ въ честь васъ устроилъ...

— Ну, вотъ что,—перебилъ Глѣбова Крюковъ:—дадимъ нашему коллегѣ свободно думать какъ ему угодно, а сейчасъ онъ нашъ и мы должны его встрѣтить шампанскимъ. Человѣкъ, подай холодненькаго.

Принесли шампанское. Лакеи наполнили бокалы. Крюковъ откашлялся, стряхнулъ съ красивой бороды хлѣбныя крошки, всталъ, обвелъ глазами присутствующихъ и началъ.

— Господа, я буду кратокъ. Почтеннѣйшій Иванъ Миронычъ пригласилъ насъ сегодня сюда, чтобы выразить наше удивленіе и уваженіе Дмитрію Александровичу за тотъ смѣлый и талантливый подвигъ...

— Довольно!!—вдругъ крикнулъ на всю залу Дорогинъ и вскочилъ съ мѣста.—Довольно ломать комедію! Теперь не время для шутокъ. Меня не чествовать должны вы, а судить, а такъ какъ судьями вы быть не достойны, то я самъ скажу свое послѣднее слово подсудимаго.

За столомъ сдѣлалось тихо. Крюковъ далъ лакеямъ знакъ уйти. Инженеры уткнулись въ тарелки. Чувствовалось приближеніе грозы. Дорогинъ, высокій и худой, съ блѣднымъ лицомъ и лихорадочно горящими глазами выпрямился во весь ростъ и осыпалъ присутствующихъ негодующими взглядами.

— Сегодня,—началъ онъ тихимъ, но взволнованнымъ голосомъ,—я пережилъ и перечувствовалъ такъ много, какъ никогда не приходилось и, быть можетъ, никогда не придется. Когда я увидалъ, какъ люди умирали во тьмѣ рудника, съ какимъ отчаяніемъ рвались они къ свѣту и погибали, разбиваясь о камни,— мнѣ сдѣлалось жутко и рудничная тьма впервые меня испугала. И мнѣ захотѣлось какъ можно скорѣе вырваться изъ душныхъ

нѣдръ черныхъ шахтъ. И вотъ я поднялся съ мертвыми и увѣчными. И что-же я увидалъ? Я увидалъ другую тьму, тьму надземную. Когда люди вынесенные изъ рудника, умирали подъ открытымъ небомъ, ихъ предсмертные стоны заглушались пьяными пѣснями такихъ-же темныхъ и дикихъ углекоповъ, какими были сами умирающіе. Въ эти тяжелыя минуты передъ моими глазами прошла вся рабочая Россія, темная, обездоленная, истекающая кровью... И вотъ, наконецъ, я пришелъ къ вамъ. И снова очутился среди непроглядной тьмы, самой ужасной тьмы! Да! мы рыцари тьмы. Наша тьма—тьма интеллигентная и потому самая страшная. Кто мы? Мы—стражники россійской вольной каторги, мы—духовные палачи нашего честнаго рабочаго народа! Въ нашихъ рукахъ большая половина родной промышленности. Мы командуемъ двухмилліонной арміей рабочихъ. Никто, ни врачи, ни юристы такъ близко не соприкасаются съ рабочимъ народомъ какъ мы—инженеры. И что-же мы дѣлаемъ? Мы наживаемъ и проживаемъ колоссальныя состоянія, добытыя кровью и потомъ голодныхъ рабочихъ, утопаемъ въ роскоши, а нашимъ кормильцамъ рабочимъ мы вмѣсто хлѣба подносимъ камень. Назовите мнѣ хоть одного русскаго инженера гуманиста! Вы молчите, потому что нѣтъ такого. Насъ не интересуетъ народъ и его бѣдствія. Даже теперь, когда несчастная страна наша залита кровью, когда беззаконіе и произволъ высасываютъ изъ народа послѣднія соки, когда великая, безпредѣльная Русь одиноко гибнетъ на глазахъ изумленнаго міра,—мы—инженеры, пьемъ шампанское, веселимся и безумно радуемся тому, что не намъ плохо, а другимъ. Нѣтъ, я словъ не нахожу. Негодованіе мое сильнѣе всякихъ словъ и я его словами выразить не въ состояніи. Вотъ зачѣмъ я пришелъ сюда. Я больше не вашъ. Прощайте!

Дорогинъ далеко отшвырнулъ отъ себя стулъ и почти выбѣжалъ изъ клуба.

На другой день Дорогина уже не было въ Грушевкѣ: онъ со скорымъ поѣздомъ уѣхалъ въ Петербургъ.

А. СВИРСКІЙ.

СКАЗКА О ВЕСЕЛОМЪ ЧОРТѢ.

Какъ закапали капели
И повсюду заблестѣли,
Говорливы и бойки,
Золотые ручейки,
Чортъ въ болотѣ завозился,
Выползъ, легъ и обсушился;
Тину съ шерсти соскребя,
Глянулъ въ воду на себя,
Самъ съ собой перемигнулся,
Ражимъ парнемъ обернулся
И въ деревню за версту
Объявился на мосту:—
Очи—вишни наливныя,
Кудри—хмелемъ завитыя,
И, какъ яблоко, румянъ...
На распашку синь-кафтанъ,
Подъ рубашку съ пѣтушками
Поясъ крученный съ кистями,
Сапоги, какъ жаръ на немъ.
На бекрень картузъ гвоздемъ,
На гармошкѣ чортъ играетъ,
Лихо пѣсни распѣваетъ:
„Сторонись честной народъ,
Добрый молодецъ идетъ“,
Мелетъ дѣвкамъ прибаутки.
Ѳеньки, Машки и Марфутки
— Экій, думаютъ, „ловкачъ“
И краснѣютъ какъ кумачъ.
Пѣснѣ въ ладъ тряхнетъ кудрями
И притопнетъ каблуками
Ухмыльнется, подмигнетъ,
Козырь козыремъ идетъ.

* * *

Вѣтеръ дуетъ и свиститъ,
Вѣтеръ мельницу вертитъ.
Въ той ли мельницѣ веселье
Безпросыпное похмѣлье;
Кто-бъ, когда бы не пришелъ—
Раскошелься и за столъ.
Двѣ хозяйки, двѣ старухи:
Кривобоки, кособрюхи,
По клыку у нихъ во рту
Подъ рубахой по хвосту.
Смерть ихъ знаетъ—не торопитъ,
Страшный кладъ старухи копятъ.
Долго-ль, нѣтъ-ли чортъ гулялъ—
И на мельницу попалъ.
Пьянымъ, чваннымъ притворился,
Середь лавки развалился,
Гаркнулъ „штофъ!“, тряхнулъ мошной
И пошелъ тутъ пиръ горой,
Пьетъ ковшемъ, чертихъ морочитъ,
И горланитъ и гогочетъ.
Что ни есть со всѣхъ дворовъ
Набѣжало мужиковъ.
Крѣпко потчуетъ гуляка—
Гомонъ, пѣсни, плясь и драка.
Перепилъ,—перепоилъ;
Штофъ еще, и съ ногъ свалилъ.
Свистнулъ посвистомъ змѣинымъ,
Гакнулъ голосомъ звѣринымъ—
И вокругъ деревни лѣсъ
Мигомъ выросъ до небесъ.
Сосны, лапчатыя ели,
Долгимъ шумомъ зашумѣли,
Затерялись всѣ пути—
Не проѣхать, не пройти.

* * *

Многоль-ль разъ съ тѣхъ поръ, иль мало,
Солнце красное вставало.

Голь-деревни не узнать,
Не житье, а благодать;
Избы новыя, большія
Окна, крыльца вырѣзныя,
Расписныя ворота.
Въ понадворьяхъ чистота.
Бабы рослы и ядрены,
Ребятенки ихъ драчены
Погремушками трясутъ,
Сладки пряники сосутъ,
Мастерицы на потѣхи—
Дѣвки щелкаютъ орѣхи,
И веселою гурьбой
Водятъ парней за собой.
А на пчельникахъ понурясь,
На пчелиный трудъ прищурясь
Во сто лѣтъ еще крѣпки,
Грѣютъ спины старики;
Всякій празднично рядится
И смѣясь за столъ садится.
Медъ и брага—сокъ земли,
Пироги и кисели.
Все растетъ и зрѣетъ скоро
И кипитъ работа споро,
Голь-деревни не узнать,
Не житье, а благодать.

* * *

Много-ль разъ съ тѣхъ поръ иль мало,
Солнце красное вставало.
Посылаетъ царь дьяковъ
Съ деревень и городовъ.
Присноровя всю смекалку,
А гдѣ надо тамъ и палку,
Собирать злату-казну
Съ бусурманомъ на войну.
Сто мѣшковъ казны собрали
И въ столицу обратали,

Да прослышали о томъ
Что въ запрудищѣ лѣсномъ,
Изъ забытаго селенья:
Выросъ городъ—заглядѣнье,
Что царю на три войны
Въ немъ хватило бы казны.
Допросить рѣшили строго,
И врѣзая путь дорогу,
Среброметны и остры
Застучали топоры.
Проглянули вышки башень
И на диву разукрашенъ
Вскорѣ городъ запестрѣлъ,
Словно море зашумѣлъ.
Зазвенѣли бубенцами
Сто телѣгъ, со ста мѣшками—
Полны золота мѣшки,
Понаѣхали дьяки.
И пошли чинить расправу,—
По какому, дескать, праву
Растакіе-то сыны
Вы не платите казны?
У дьяковъ былъ норовъ пылокъ—
Не пришлось чесать затылокъ.
Побѣжали со всѣхъ ногъ,
Посбирали кто, что могъ
А дьяки рѣшаютъ—„мало“,
Вамъ скупиться не пристало.
Дѣлать нечего, пошли,
Покряхтѣли, принесли,
А дьяки еще грознѣе:—
Все тащи, да поживѣе.
Все стащили до чиста,
До послѣдняго кнута.
Тутъ откудова ни взялся,
Красный пѣтька затесался,
Черезъ улицу бѣжитъ,
Подъ ворота норовитъ.

И дьяки разсвирѣпѣли:—
„Утаить отъ насъ хотѣли?“
Или палокъ нѣтъ для васъ,
Изловить его сейчасъ“,
Только пѣтька подъ ворота—
И пошла за нимъ охота,
Кто полою, кто коломъ,
Брань и давка, пыль столбомъ...
Пѣтька на тынъ, пѣтька выше,
Кукарекнулъ и на крышѣ,
Выросъ, крыльями взмахнулъ
Хитрымъ полымемъ блеснулъ.
Закрутило, затрещало,
Языками побѣжало
Вставши облакомъ густымъ.
Заклубился черный дымъ,
Налетѣлъ тутъ вѣтеръ быстрый,
Закружилъ, понесъ онъ искры...
Сгинулъ городъ подъ золой,
И съ дьяками, и съ казной...
Жарко мельница пылаетъ,
Вѣтеръ пламя раздуваетъ,
Всполошились малъ и старъ,
Всѣ кричатъ: „Пожаръ! Пожаръ!“
Тихо, сыро и тепло...
Солнце въ тучу спать легло.
Сходитъ съ неба позолота,
На пригоркѣ у болота
На горячѣ чортъ сидитъ,
На сопѣлкѣ свириститъ,
А вокругъ чертихи пляшутъ,
Голосятъ, хвостами машутъ;
Чортъ веснѣ веселой радъ,
На Купала новый кладъ.

АЛЕКСАНДРЪ РОСЛАВЛЕВЪ.

СВИДАНІЕ.

ЭСКИЗЪ.

Тихій, нѣжный іюньскій вечеръ.

Огромный садъ засыпаетъ и грезитъ.

По главной липовой аллеѣ сада гуляетъ публика. У входа, за загородкой, на которой громоздится вывѣска съ надписью „ротонда и театръ“, оркестръ, похожій на ярморочный, неустанно и ожесточенно пиликаетъ какой то бойкій мотивъ. Кларнетъ изрѣдка срывается и взвизгиваетъ, какъ испуганная собака... Изъ театра доносится топотъ десятка ногъ, это малороссы-актеры отхватываютъ гопака. На аллеѣ весело. Жени Родиной сегодня нѣтъ на гуляньѣ. У нея сегодня свиданіе. Она сидитъ на скамейкѣ у края сада, тамъ гдѣ сквозь желѣзную рѣшетку пробиваются на улицу могучіе кусты жимолости, махроваго шиповника, желтыхъ акацій и дикой бузины и откуда сквозь широкій просторъ площади, погруженной въ тѣнь отъ огромнаго зданія церкви, вокругъ которой безшумно носятся стрижи, виднѣется внизу рѣка и безконечная степь.

Женя восемнадцатилѣтняя барышня, блондинка. Она еще въ коричневомъ гимназическомъ платьицѣ съ чернымъ передникомъ. Вотъ уже нѣсколько дней, какъ она имѣетъ полное право сбросить его навсегда и замѣнить „вольнымъ“ лѣтнимъ платьемъ, такъ какъ на-дняхъ она окончила гимназію и въ ея маленькомъ рабочемъ столикѣ лежитъ пестро-разрисованный аттестатъ, въ которомъ значится, что она дочь коллежскаго ассесора, Евгенія Родина, родившаяся въ 1889 году, прошла полный курсъ наукъ и при отличномъ поведеніи, дѣлала такіе то и такіе то успѣхи.

Но она еще иногда надѣваетъ его. Ей почему то жаль этого платья, этого чернаго передника и неуклюжей простенькой шляпки,

также, какъ жаль и этихъ восьми лѣтъ ученья. Жаль, что они ушли куда то одинъ за другимъ, такъ скоро, словно это были не восемь лѣтъ, а восемь дней, слились въ какое то неясное, блѣдное пятно, въ то ничто, которое называется прошедшимъ. Жаль этихъ свѣтлыхъ весенъ послѣ экзаменовъ, этихъ долгихъ зимъ, вставанья на зарѣ, сборовъ при тусклой керосиновой лампочкѣ, жаль старой гимназической сумки, учебника Давыдова, гдѣ между теоремами были нарисованы ею бородатые профили и забавныя рожи, „перемѣнъ“ въ темныхъ корридорахъ, едва освѣщенныхъ блѣднымъ отблескомъ просыпающагося утра, жаль Катю Молостову, жаль самое себя...

Жаль, какъ этого лѣтняго дня, что умираетъ тамъ въ темной дали, какъ этого запаха липъ, что исчезнетъ послѣ первой холодной ночи.

Женя задумалась. Въ полутьмѣ вечера ея маленькая бѣлокудрая головка кажется такою хорошенькою. И блѣдное лицо, обрамленное выбившимися кудряшками, симпатичное доброе лицо простушки, съ темносѣрыми, почти синими глазами глядитъ такъ грустно.

Она смотритъ внизъ, въ степь, за рѣку, гдѣ теперь медленно поднялся, будто изъ земли выползъ, огромный красный серпъ мѣсяца и вода зарябила отъ него кровавыми отблесками, и рука ея, сжимая легкій зонтикъ, разсѣянно рисуетъ на садовомъ пескѣ какія то непонятныя фигуры.

— Нѣтъ, Женя, вы просто не хотите понять этого!—говоритъ около нее мужской голосъ, молодой самоувѣренный девятнадцатилѣтній голосъ; въ немъ слышится что то нѣжное, полудѣтское и въ то же время въ немъ звучитъ торжествующая нотка силы, молодости и здоровья.

Это говоритъ Петя Злобновъ,—товарищъ по гимназіи брата Жени, котораго слушаетъ она вотъ уже цѣлый часъ, задумавшись, затаивъ дыханіе.

И его голосъ, милый, дорогой ей голосъ будитъ въ ней что то знакомое, но дремавшее до сихъ поръ, мучительно сладкое и до того трогательное, что хочется плакать. И она съ трудомъ удерживается отъ слезъ и нарочно насильно улыбается, чувствуя что вотъ-вотъ у нея задрожитъ подбородокъ и она разнюнится, какъ маленькая дѣвочка.

Петя Злобновъ, серьезный молодой человѣкъ, у котораго имѣются уже красные ушки и даже крашеная бородка, придающая его мужественному лицу такой сильный, добрый видъ, въ бѣломъ студенческомъ кителѣ съ блестящими пуговицами,—онъ, какъ всѣ новоиспеченные студенты, сшилъ его себѣ заранѣе, еще ранней весною—стоитъ передъ низкою скамейкой во весь свой большой ростъ и говоритъ быстро съ увлеченіемъ, размахивая руками.

— Нѣтъ, вы не хотите понять! Служить другимъ, жить для другихъ, отдать себя обществу—да, вѣдь, въ этомъ цѣль и въ этомъ счастье!.. Неужели вы, Женя, Женя, которую я всегда уважалъ и...—онъ запнулся, а Женя въ эту минуту наклонила голову, такъ какъ чувствовала, что по щекѣ ея протекла слеза.

— ...и съ которой мы вмѣстѣ даже читали Симона и Конта—поправился Петя.—Какъ дѣвушку талантливую, какъ мыслящаго человѣка, у котораго есть запросы, стремленія—вы, Женя, могли бы остаться на всю жизнь здѣсь, въ этой глуши, въ этой дырѣ?.. Да, да, нашъ Новопетровскъ—дыра, вѣдь здѣсь ни одного мыслящаго индивидуума нѣтъ, вѣдь это же все гироглодиты какіе, пещерные люди, здѣсь ничего кромѣ „Свѣта“ и не читаютъ, ничего кромѣ преферанса не знаютъ и не желаютъ знать, на весь городъ одинъ образованный человѣкъ—прокуроръ, да и тотъ пьетъ горькую. Нѣтъ, Женя, я не вѣрю этому, я не допускаю—вы слышите—я не до-пус-каю этого—отчеканилъ онъ.

Женя сдѣлала движеніе, хотѣла отвѣтить. но только вздохнула.

— Нѣтъ, что до меня, — прощайте!.. Прощайте, вы, поля, холмы родные!—иронически произнесъ Петя.—Вы знаете—я ѣду черезъ недѣлю.

— Такъ скоро?—тихо спросила Женя—и замѣтила, что голосъ у нея дрожитъ и прерывается, а пальцы для чего то судорожно стискиваютъ ручку зонтика.

— Да... Поѣду на сѣверъ, къ товарищамъ, прокачусь по Россіи—должны же мы знать свою родину,—почитаю, а тамъ и въ университетъ!.. Ха, ха!.. Погубить здѣсь душу, убить всѣ запросы, похоронить въ себѣ заживо все хорошее, честное, отказаться отъ разумной, высокой борьбы, обрюзгнуть среди всѣхъ этихъ засѣдателей, почтмейстеровъ, экзекуторовъ... Играть съ ними въ

карты, ухаживать за толстой предводительшей, цѣловаться съ попомъ на крестинахъ у слѣдователя и разсказывать грязные анекдоты и пить, пить, пить... потому что не могу же я не запить!.. Какъ честный человѣкъ, не могу же запить тутъ съ ними... Освинѣть, оподлѣть. И, можетъ быть, брать взятки... Да, да, будешь, вѣдь, и взятки брать...

Женя подняла на него глаза.

— Зачѣмъ же... такъ?...—спросила она. Его тонъ былъ въ эту минуту ей непріятенъ, и она хотѣла возразить ему, но Петя опять взмахнулъ рукой и продолжалъ говорить:

— Нѣтъ, нѣтъ!.. Отряхнемъ прахъ отъ ногъ нашихъ! Ѣдемъ! Я, по крайней мѣрѣ, ѣду!.. Въ Питеръ!.. Въ Питеръ и остаться тамъ... Тамъ—все, тамъ свѣтъ, день, тамъ люди, тамъ книги, разумное умѣнье, все полно дѣятельности, хорошей, честной, настоящей... И не вернусь больше сюда... Стану учиться, совершенствоваться, работать... Впередъ. Женя... Насъ ждетъ дѣло!..

И прибавилъ:

— Развѣ потомъ вернусь... Когда стану врачемъ... черезъ нѣсколько лѣтъ, посмотрѣть, что дѣлается въ родномъ болотѣ... Прощайте, прощайте!..

Женя молчала. Въ горлѣ у нея щекотали слезы. Ей хотѣлось броситься къ нему, обнять его и просить, молить его не говорить такъ. Она сказала бы ему давно приготовленную фразу: „Петя, возьмите и меня, возьмите съ собою, мы будемъ вмѣстѣ работать, я поступлю на курсы, буду учиться, помогать вамъ“.

Но этого нельзя было сдѣлать.

Женя хорошо знала, что она никуда не поступитъ и никуда не поѣдетъ—развѣ что осенью въ Воронежъ, къ бабушкѣ, отъ которой мать ея ждала великихъ благодѣяній для Жени въ видѣ приданаго,—что она не можетъ поѣхать, потому что на это нѣтъ средствъ, потому что этого не хотятъ папа и мама, уже теперь прочащая ее въ жены толстому акцизному Ивану Васильевичу, человѣку солидному и пріятному, который всегда ходитъ въ бѣломъ жилетѣ и, желая сказать Женѣ комплиментъ, называетъ ее „мой шерамурчикъ“ и кромѣ того отлично играетъ въ любимую папину игру—на билліардѣ—и по тысячѣ другихъ причинъ, изъ которыхъ слѣдуетъ, что ей, Женѣ, не нужно и нельзя никуда ѣхать.

И Женя молчитъ и вздыхаетъ.

А Петя злобно говоритъ, говоритъ, говоритъ.

И вотъ Женя слушаетъ его уже съ восхищеніемъ и завистью. Глаза у нея блестятъ. Ей представляется то время, когда онъ, Злобновъ, пріѣдетъ къ нимъ сюда, въ родное болото, и будетъ совсѣмъ другой, сильный, знаменитый, непохожій на здѣшнихъ.

Петя внезапно смолкаетъ.

— Женя, что это?.. Вы плачете?..

Женя плачетъ. Слезы быстро катятся у нея изъ глазъ, сбѣгаютъ по пальцамъ рукъ, которыми она закрываетъ лицо, падаютъ на зонтикъ, на землю.

Она всхлипываетъ, какъ ребенокъ, и плечи у нея вздрагиваютъ.

— Ну, Женя, ну зачѣмъ же?.. Что же вы!..—утѣшаетъ ее Петя растеряннымъ тономъ человѣка, непривыкшаго къ подобнымъ вещамъ.—Ну вотъ ужъ это не хорошо... Вотъ ужъ... ну, право... ну, перестаньте... ну, довольно...

Женя плачетъ и испытываетъ странное чувство. Ей кажется, что если бы Петя въ эту минуту сказалъ ей что нибудь хорошее, ласковое, назвалъ бы ее, какъ называетъ ее мама: «милой», «дорогой», «Женюркой», приласкалъ бы ее, то она кинулась бы къ нему на грудь, спрятала бы тамъ свое плачущее лицо и тогда... тогда все было бы по другому, было бы свѣтло, словно и Иванъ Васильевичъ, и бабушка — все бы исчезло и началась бы новая жизнь.

Но Петя продолжаетъ утѣшать.

— Ну довольно... поплакали и будетъ... И отчего это вы?.. Неужели это я на васъ такъ подѣйствовалъ?..

Что то холодное, злое больно стискиваетъ Женино сердце. Она сжимаетъ губы, вздыхаетъ, перестаетъ плакать и долго глядитъ вдаль, мимо Пети, въ потемнѣвшую степь сквозь просыхающія слезы.

Она думаетъ, что въ тотъ день, когда Петя вернется, она будетъ уже замужемъ за Иваномъ Васильевичемъ. У нихъ будутъ мальчики и дѣвочки, и Иванъ Васильевичъ, когда Петя зайдетъ къ нимъ, будетъ расхваливать ему своего «шерамурчика», угощать его листовкой и, напившись, станетъ разсказывать ему анекдоты. Она въ то время будетъ уже постарѣвшая и желтая, какъ помѣ-

щица Клячкина, которая красится, дѣлаетъ мужу сцены, а когда онъ въ отъѣздѣ, бываетъ, какъ говорятъ, въ ресторанахъ съ поручикомъ Красницкимъ.

Оба молчали.

Садъ засыпаетъ и грезитъ. И грезы его грустны, безнадежны. Какой то странный звукъ доносится издали—въ степи какъ будто кто то позвалъ на помощь заглушеннымъ, полнымъ отчаянія крикомъ.

По площади, стуча сапогами по плитамъ панели, проходятъ двѣ темныя фигуры и слышно, какъ онѣ говорятъ.

— Я, Петръ Кузьмичъ, человѣкъ благородный... И ты благородный... И какже это можно: у меня ремизъ и у тебя ремизъ, чего же ты бранишься, словно полицейскій!..

— Ладно, Иванъ Митричъ... Въ жизни я очень слабый, оттого въ проферансѣ очень лютъ бываю... Жизнь то ужъ очень насъ ремизитъ... Шутка ли, Фунтикову вонъ коллежскаго дали...

Шаги смолкаютъ. Бьютъ часы, медленно, лѣниво, грустно. Женя вздыхаетъ и тихо поднимается со скамьи. Они уходятъ. Вдали слышится срывающійся кларнетъ и пиликанье скрипокъ. Садъ засыпаетъ и грезитъ — и шепчетъ что-то грустное, безнадежное.

Т. АРДОВЪ.

НА ФАБРИКУ.

РАЗСКАЗЪ.

Не богато, но и не бѣдно жили крестьяне села Гороховая Горка.

Наступила весна; начинались полевыя работы. Тяжеленько, правда, ходить за сохой, но вѣдь зимой отдыхали. Лѣниться грѣшно! Осенью хлѣбъ снимался, молотился, часть его шла на продажу, другая ссыпалась въ засѣки да амбары.

Подати уплачивались всегда исправно.—Намъ деньги нужны только на соль, на попа, да на подати!—говорили крестьяне.

И это было вѣрно. Хлѣбъ, яйца, крупа, молоко, овощи, одежда,—все было свое—деревенское.

Зимой мужики отъ нечего дѣлать занимались кустарничествомъ. Катали валенки, валяли сукна, выдѣлывали деревянную посуду. Пріѣзжали скупщики—покупали и развозили по другимъ деревнямъ.

Преуспѣянію села много способствовало то, что въ немъ не было кабака.

Старики были противъ него.

Сдѣлалъ было попытку окрестный откупщикъ построить, да неудалось. Собралась сходка и порѣшили, если только это случится, то сжечь кабакъ. Сообщили объ этомъ откупщику, тотъ хотѣлъ пожаловаться начальству на мутьяновъ, но рѣшилъ, что все равно пользы для него изъ этого никакой не выйдетъ. Махнулъ рукой и оставилъ затѣю.

Жилъ въ селѣ бобыль съ сыномъ. Извѣстно какое уваженіе бобылю въ деревнѣ! На пиру—послѣднее мѣсто, при подносѣ—послѣдняя чарка. Исполнилось сыну бобыля семнадцать лѣтъ. Натерпѣлся онъ къ этому времени отъ насмѣшекъ, да презри-

тельныхъ взглядовъ. День и ночь думаетъ парень, какъ бы ему сдѣлаться такимъ же, какъ и всѣ, а если можно, го и богаче. Нелюдимымъ парень сталъ. Цѣлыми днями слова не промолвитъ.

Спитъ и видитъ себя богатымъ съ гордо задраной головой; отовсюду—уваженіе, поклоны.

Прослышалъ какъ то онъ, что въ верстахъ восьмидесяти отъ села фабрика открывается: рабочіе нужны. Подумалъ, подумалъ, да и рѣшилъ отправиться туда на работы, но никому ничего не сказалъ, а сталъ понемногу приготовляться къ отходу изъ родимой деревни. Даже отецъ про приготовленія ничего не зналъ.

Будитъ разъ бобыля сынъ передъ самой зарей.

— Прощай,—говоритъ,—отецъ. Иду попытать счастья. Нѣтъ силъ больше униженіе нести. Довольно ужъ ты ихъ перенесъ. Панъ или пропалъ!

Видитъ старикъ въ полумракѣ что и котомка за плечами у сына виситъ. Оторопѣлъ отъ такой неожиданности.

— Куда ты?—спрашиваетъ.

— На фабрику!—отвѣтилъ сынъ и вышелъ изъ избенки. Узнало объ этомъ населеніе Гороховой Горки. Судятъ—рядятъ. Дѣло то необычное—во всемъ округу на фабрикѣ никто не работаетъ и не работалъ. Старики отнеслись къ такой новости почему-то неодобрительно. „Статочное ли дѣло деревню бросать, отъ земли уходить!“ и простили поступокъ сыну бобыля только потому, что онъ сынъ бобыля.

Молодежь посмѣивается.

— Ишь, что выдумалъ! Прыткій какой. Ужъ если вернется съ фабрики въ деревню опять жить—то-то посмѣемся!

Шутки надъ ушедшимъ такъ и сыпались. Только и разговору было, что про бобылева Ивана.

Вдругъ какъ-то подъ осень приходитъ письмо. Сынъ пишетъ бобылю, что живъ, здоровъ, заработалъ порядочно денегъ и что на престольный праздникъ пріѣдетъ погулять въ деревню. Въ письмо вложено нѣсколько ассигнацій. Обрадовался бобыль. Не утерпѣлъ, похвасталъ сосѣдямъ: „Пусть не смѣются“.

— Что жъ,—говорятъ сосѣди,—все можетъ быть! А сами въ сторону поглядываютъ.

— Еще разбогатѣешь, пожалуй!—думаютъ.

Пришелъ престольный праздникъ. Мужички сходили къ обѣднѣ и засѣли за столы, уставленные явствами. Только принялись за брагу, какъ за оконцемъ раздался звонъ бубенчиковъ. Село стояло на проселочной дорогѣ, проѣзжіе были рѣдки. Крестьяне съ любопытствомъ потянулись къ окнамъ.

Черезъ село проѣхала повозка. Ѣхалъ какой-то „молодецъ“ въ городской одеждѣ. Повозка остановилась около избенки бобыля.

— Иванъ бобылевъ, кажись, пріѣхалъ!—догадался кто-то.

— Значитъ, дѣла хорошо пошли, разъ такъ выфрантился!

— И волосы остригъ,—раздавались восклицанія.

Послѣ обѣда должно было начаться хожденіе другъ къ другу.

Для этого существовалъ такой порядокъ.

Сперва шли „мужики“, т. е. женатые. Они собирались всѣ до одного у „магазеи“ и заходили во всѣ дома по очереди. Придя въ избу они разсаживались—кто постарше да побогаче, тотъ подъ образами, кто побѣднѣе, тотъ у дверей. Хозяинъ наливалъ стаканъ браги, говорилъ привѣтствіе гостямъ и отпивалъ половину. Затѣмъ стаканъ доливался и подавался гостю. Тотъ тоже отпивалъ половину, опять доливали и подавали слѣдующему гостю. Такимъ образомъ онъ обходилъ всѣхъ гостей, иногда по нѣсколько разъ.

Бобыли тоже были обязаны ходить поздравлять. Имъ отводилось всегда мѣсто у дверей и подносили послѣднимъ.

На этотъ разъ обычай пришлось нѣсколько измѣнить. Дѣло въ томъ, что къ „мужикамъ“, одѣтымъ въ домотканныя рубахи, когда они собрались у „магазеи“ явился бобыль, одѣтый въ пиджакъ, подъ которымъ была ситцевая рубаха. Лицо его сіяло отъ радости.

Мужички, увидавъ бобыля въ такомъ костюмѣ, какъ то опѣшили. Когда бобыль сказалъ имъ привѣтствіе, то въ первый моментъ никто даже не отвѣтилъ на него.

— Здравствуй, здравствуй, Сидорычъ!—наконецъ нашелся деревенскій острякъ Кирилло.—Мы братъ тебя не узнали. Думали чухна какой явился. Очень удивились, когда ты заговорилъ по-русски!

Въ толпѣ послышался сдержанный смѣхъ.

— Это сынъ въ подарокъ привезъ! Онъ теперь человѣкъ самостоятельный!—оправдывался бобыль, чувствовавшій себя не совсѣмъ удобно въ новомъ костюмѣ.

Мужики шушукались между собой.

— Что-жъ, ребята, кажись и къ сосѣдямъ идти пора! Или, можетъ быть, по случаю пріѣзда Ивана Сидорычева вы это оставите такъ!—напомнилъ Кирилло. Мужички медленно, пропуская впередъ разодѣтаго въ городское платье бобыля Сидорыча, тронулись.

Хозяева принимая этотъ разъ гостей, были въ большомъ затрудненіи—куда посадить Сидорыча.

Нѣкоторые изъ нихъ, усадивъ почетныхъ гостей, рядомъ съ ними сажали и Сидорыча. Нѣкоторые сажали его подъ самые образа. Всѣ относились къ нему съ нѣкоторымъ подобострастіемъ. Сидорычъ, съ непривычки, отъ такого вниманія терялся и былъ очень смѣшонъ, стараясь не запачкать свой пиджакъ.

— Что же, можетъ быть и человѣкомъ будетъ.

— Парень степенный!—говорили мужички про Ивана.

— Конечно, оно впервые то какъ будто и неловко съ деревни уйти. Все таки извернулся. Молодецъ!

Пошли съ поздравленіями „ребята“. Среди нихъ появился Иванъ въ своемъ городскомъ костюмѣ. Держалъ онъ себя какъ то особенно горделиво. Говорилъ мало и свысока.

— Ты это что-же спинжакъ одѣлъ, такъ становымъ себя чувствуешь?—спрашиваютъ его ребята.

— Становымъ не становымъ, а себѣ цѣну знаемъ! Ты бы и одѣлъ пинджакъ, да одѣть его еще не съумѣешь!—отвѣчаетъ Иванъ.

— Что жъ это ты такой разумный сталъ? Что на фабрику то попалъ?

— Всякому свое: кому навозъ возить, кому на фабрикѣ работать.

Какъ ни какъ, а парнямъ обидно стало отъ такихъ словъ.

Иванъ это замѣчаетъ. „Довольно, думаетъ, вы надо мной поиздѣвались,—теперь и я надъ вами малость попробую!“

Глаза у Ивана становятся хитрыми. Видитъ онъ, что издѣваться одному надо всѣми не такъ то удобно и рѣшаетъ перемѣнить политику.

— Чтожъ, что пинджакъ одѣлъ!—говоритъ онъ. Деньги есть, такъ и пинджакъ и часы купилъ. Слава Богу, теперь человѣкъ самостоятельный. Самъ себѣ голова. Въ деревнѣ бы жилъ, такъ этого не имѣлъ. Если человѣку—счастье, такъ надъ нимъ надо смѣяться!

— Мы не смѣемся,—замѣчаютъ парни,—только говоримъ, значитъ, что ты очень гордый сталъ.

— А вотъ вы поживите, какъ я живу теперь, такъ посмотрю какими будете!

Наконецъ непріятное впечатлѣніе было улажено. Стали говорить по душѣ. Иванъ принялся расписывать житье на фабрикѣ, да такъ расписалъ его, что у парней даже слюнки отъ зависти потекли.

— Вотъ такъ бы пожить!

Заговорились, стоя посреди улицы, даже и про поздравленія забыли.

— Что-жъ это тамъ ребята неидутъ сегодня?—спрашиваетъ дѣдъ Василій съ заваленки.

— Да Иванъ Бобылевъ кажись имъ про свои дѣла разсказываетъ. Стоятъ посреди улицы, слушаютъ!—отвѣчаетъ ему сноха.

— Ахъ, не къ добру это, что онъ на фабрику пошелъ! Собьетъ онъ съ толку ребятъ. Спортитъ ихъ. Ахъ, не къ добру!—ворчитъ дѣдъ.

Наконецъ, парни съ говоромъ вошли въ избу. Хоромъ поздравили хозяевъ съ праздникомъ и съ шутками стали садиться за столы.

— А Иванъ тутъ есть?—спросилъ дѣдъ, не вставая.

— Здѣсь.

— Ну-ка, подойди ко мнѣ, я на тебя погляжу.

Иванъ подошелъ.

— И деревенскую одежду снялъ; стыдиться ее, значитъ, сталъ. Охъ, не къ добру это, парень, не къ добру!—сказалъ разглядывая его, дѣдъ.

— Собственно говоря, я тутъ никакого зла не вижу! Для меня очень даже хорошо!—отвѣтилъ Иванъ.

— Для тебя то конечно,—что! Только вотъ для деревни то ты много зла съ собой принесъ. Вредный ты человѣкъ теперь!—продолжалъ дѣдъ.

Онъ покачалъ сѣдой голой и легъ на печь.

— Чего ты слушаешь его стараго дурака, касатикъ! Ишь ты, старый, до чего дошелъ, что степенныхъ людей ужъ обижать началъ. Ты его не слушай, касатикъ, что старый, то малый—все одно!—вполголоса сказала Ивану тетка Марья, усаживая его за столъ.

Парни на ворчаніе дѣда очень мало вниманія обращали. Есть кого слушать.

Они презрительно улыбнулись въ сторону дѣда и горячо принялись обсуждать разсказы Ивана.

Ихъ уже тянула къ себѣ вольная фабричная жизнь.

* * *

— Никакого сладу съ парнями не стало! Просто изъ рукъ выбились!—разсуждали какъ то мужики между собою въ праздничный день, сидя на заваленкѣ.

— Какъ пріѣхалъ Иванъ бобылевъ съ фабрики, такъ и началось. На фабрику хотимъ, да и баста!

Прямо точно заразу съ собой принесъ. Чего, кажется, имъ надо. Живемъ слава Богу, не бѣдствуемъ. Хлѣба, одежды, довольно!

— А старики то ворчатъ!—сказалъ дѣдъ Василій.—Тамъ вѣдь они сами себѣ господа будутъ. На свободѣ жить станутъ! Вотъ имъ что заманчиво. А не подумаютъ того, кто землю пахать будетъ!

— Одинъ на фабрику, другой на фабрику: въ деревнѣ то кто тогда жить останется!

— Еще въ пьянство ударятся!

— Да ужъ это безпремѣнно. Да не въ одно пьянство, а еще и во многое другое. Я слыхалъ, что на фабрикѣ даже безпаспортные живутъ, такъ тутъ добра ждать нечего!

— Нѣтъ, братцы, пока мы живы, все сдѣлаемъ такое, чтобы на фабрику ребятъ не пускать!—рѣшали старики.

Разъ какъ то на сходку пришелъ Сидорычъ, одѣтый въ „пинджакѣ“, который онъ одѣвалъ теперь всегда въ торжественныхъ случаяхъ. Снялъ шапку и говоритъ:

— Вотъ, братцы, я къ вамъ съ просьбой. Земельки бы въ аренду хотѣлъ взять, домишко построить, да лавочку открыть!

Потолковалъ, потолковалъ сходъ. Нашли, что отказывать въ просьбѣ нѣтъ основаній.

И устроился бобыль, построилъ такой домъ, какого и у богатѣевъ не было. Лавочку открылъ съ ситцами разными да другимъ товаромъ, на всю «округу». На все сынъ денегъ далъ. Иванъ къ этому времени какимъ то чудомъ сдѣлался однимъ изъ довѣренныхъ лицъ у хозяина фабрики. Носъ задралъ такъ, что и близко не подходи. Во всей губерніи сталъ извѣстнымъ, чиновники руки подавали. Въ деревню и не заглядываетъ.

— Чтожъ это вы, — какъ то говоритъ проѣздомъ мужичкамъ,—фабрикой то брезгуете. Шли бы работать, деньгу бы зашибили!

Но мужички были противъ этого и на фабрику не шли.

Вдругъ Семена Гаврилова лукавый толкнулъ, зависть опутала. Снялъ разъ онъ хлѣбъ съ полей, и осенью на фабрику отправился. Иванъ бобылевъ ему протекцію составилъ. Нажилъ Семенъ денегъ, нарядовъ женкѣ привезъ, даже въ полѣ работать ей запретилъ. Тутъ и остальныхъ потянуло. Не смотря на ворчаніе стариковъ, одинъ за другимъ, они отправлялись на фабрику, оставляя землю заростать лебедой. Черезъ нѣсколько лѣтъ въ деревнѣ одни бабы остались. Изрѣдка, изрѣдка по большимъ праздникамъ къ нимъ заглядывали мужики. Къ этому времени порядки на фабрикѣ измѣнились. Цѣну за работу сбавили и работа стала тяжелѣе, но возвращаться въ деревню было стыдно, да и приниматься по старому за земледѣліе не хотѣлось.

* * *

Прошло нѣсколько лѣтъ. У фабриканта дѣла пошли плохо. Стали высказываться опасенія, что, пожалуй, фабрика можетъ перестать работать. Но бѣда пришла куда скорѣй, чѣмъ думали фабричные. Какъ то поздней ночью, крѣпко-спящій измученный рабочій людъ былъ разбуженъ звуками набата и криками пожаръ. Загорѣлось въ зданіи фабрики. Пламя огненными языками рвалось изъ оконъ. Пожарные средства фабрики состояли всего изъ одной, да и то испорченной, трубы. Въ ближайшемъ городѣ дѣла въ этомъ отношеніи были не лучше, такъ что рабочимъ пришлось быть безучастными свидѣтелями гибели того, что давало имъ возможность зарабатывать свой хлѣбъ. Кое-кто поговаривалъ, что

фабрику поджегъ самъ фабрикантъ, чтобы не открылись кое-какія прорѣхи. Истинную же причину пожара фабрики такъ и не удалось узнать.

Собрались на пепелищѣ кучками рабочіе, обсуждаютъ, что дѣлать, какъ быть?

Въ деревню возвращаться никто и не думаетъ. Что тамъ въ деревнѣ? Запущенныя поля. Да и за крестьянскую работу считаютъ приниматься неудобнымъ! Рѣшили отправиться по другимъ фабрикамъ искать работы. И потянулись по дорогамъ кучки рабочихъ. Сколько лишеній, сколько страданій.

Иванъ отъ пожара фабрики очень мало пострадалъ. Онъ успѣлъ набить карманы и теперь жилъ припѣваючи. Открылъ нѣсколько кабаковъ, харчевень и сдѣлался форменнымъ кулакомъ-міроѣдомъ.

— И какъ только такая язва общественная, какъ Иванъ Сидоровъ, объявиться можетъ! Вотъ ужъ Іуда то!—говорили про него въ окрестностяхъ.

Услышитъ про такіе толки Иванъ, усмѣхнется и скажетъ:

— Въ наказаніе за грѣхи ваши Господь такихъ, какъ я, посылаетъ. Былъ бы я не тѣмъ, чѣмъ есть сейчасъ, какъ бы вы надо мной не издѣвались да не насмѣхались. Вотъ ваши насмѣшки да издѣвки и создаютъ такихъ, какъ я. Терпите, за грѣхи ваши терпите!

Набожнымъ сталъ Иванъ, колокола на церкви жертвуетъ, вклады дѣлаетъ. Хотя свои грѣхи и сознаетъ, но считаетъ, что онъ долженъ быть такимъ. Пусть люди, глядя на него, исправляются. Зачѣмъ ихъ жалѣть, когда они никого не жалѣютъ.

ДИВЕНСКІЙ.

ТРИ ВСТРѢЧИ.

НАБРОСКИ.

I.

Въ роскошно убранной комнатѣ, на софѣ, лежала молоденькая женщина. Заплаканные свѣтло-голубые глаза ея смотрѣли съ такимъ отчаяніемъ и такъ безпомощно, какъ будто у ребенка. Время отъ времени она тяжело вздыхала и судорожно вздрагивала. Прошло нѣсколько минутъ, а женщина не перемѣняла своего положенія. Изъ груди ея вмѣстѣ съ мучительнымъ стономъ вырвался глубокій вздохъ: «Нѣтъ, нѣтъ, онъ ее не любитъ! Несчастная, бѣдная она женщина. Онъ забылъ ее, а она забыла его? Нѣтъ, онъ такой хорошій, милый, добрый, какъ онъ клялся ее любить! Обѣщалъ любить, любить вѣчно».

Глазки ея мечтательно остановились на разукрашенномъ потолкѣ и она вся предалась воспоминаніямъ. Она вспомнила чудную майскую ночь. Деревья испускали ароматъ. Кругомъ было тихо-тихо. Звѣзды ярко мигали на темномъ небѣ. Они шли вдвоемъ съ Петромъ Николаевичемъ; она робко прижалась къ нему и чувствовала что-то радостное, бодрящее. Какое-то невѣдомое, жгучее счастье охватывало ее тогда. Онъ говорилъ ей о своей любви и что-то теплое, хорошее, никогда еще неиспытанное проникало въ сердце и постепенно разливалось въ немъ. «Боже, какъ было тогда хорошо! А теперь»? Надя привстала и сѣла на софу. «Вотъ уже сколько времени прошло, какъ онъ уѣхалъ и не знаетъ она, гдѣ онъ и что съ нимъ? Правда, онъ могъ заболѣть и она это хорошо понимаетъ; но почему же онъ тогда не пишетъ? Нѣтъ, онъ ее больше не любитъ! Въ этомъ она твердо убѣждена. О! она несчастная, всѣми покинутая! Боже, Боже мой, за что же я такъ несчастна»?

Она почувствовала къ себѣ такую жалость, что опять бросилась на подушку и разразилась тѣмъ мучительнымъ рыданіемъ, отъ котораго сердце, кажется, готово разорваться на части.

Шорохъ отворяемой двери заставилъ ее вздрогнуть. Что-то какъ будто толкнуло ее и она приподнялась на софѣ. Въ комнату входилъ высокій, стройный брюнетъ. Красивое утомленное лицо его носило явный слѣдъ недавно перенесенной тяжелой болѣзни. Надя глазамъ своимъ не вѣрила. Широко открытымъ взоромъ смотрѣла она на входившаго Петра Николаевича. Густыя рѣсницы ея поднялись, большіе голубые глаза остановились на красивомъ его лицѣ. Надя приподнялась и пошла къ нему навстрѣчу.

— Петя, милый, дорогой, неужели это ты, неужели здѣсь?—и она упала въ его объятія. Сердце учащено забилось, кровь приливала къ головѣ и она упала бы, если бы ее не поддержалъ Петръ Николаевичъ. Онъ усадилъ ее на софу, сѣлъ съ нею рядомъ и старался ее успокоить:—Надя, радость моя, счастье мое—тихо проговорилъ онъ.—Надя, родная, любишь? Ну, скажи, любишь? Я люблю, люблю тебя; я всю жизнь свою отдамъ за тебя. — И онъ началъ разсказывать ей о томъ, какъ въ дорогѣ на командировку онъ заболѣлъ тяжелою болѣзнью. Онъ самъ вызвался утѣшать страданія тѣхъ людей, которые гибли въ деревнѣ отъ недорода и другихъ болѣзней. Три мѣсяца онъ пролежалъ больной, но молодой организмъ выдержалъ—онъ выздоровѣлъ. Сердце его изстрадалось отъ разлуки съ Надей; все время онъ помнилъ о ней, о дорогой, и все ждалъ, когда можно будетъ увидаться съ нею. Онъ не писалъ ей о своей болѣзни и не хотѣлъ разстроить ее своею вѣстью. Теперь онъ только пріѣхалъ и будетъ ждать, пока Надя станетъ его Надей. Надя спокойно слушала Петра Николаевича. Да, это былъ тотъ самый дорогой Петя, котораго она такъ нѣжно любила! Что-то теплое, ласковое блеснуло въ ея глазахъ и густая краска залила ея лицо. Сердце радостно забилось и она почувствовала въ груди прежнее счастье. Все ея существо потянулось къ доброму, горячо любившему ее человѣку.

— Родная, жизнь моя—повторяла она его слова.—Да, я твоя и навсегда вся, вся твоя.—Она прижалась къ его плечу и тихо заплакала.

То были слезы радости.

II.

Старый служака, чиновникъ, всталъ очень рано. Сегодня ему не спалось; что-то во снѣ словно толкнуло его въ бокъ и онъ проснулся. На службу было идти рано и онъ ходилъ по комнатѣ. Случайно взоръ его упалъ на пустой приборъ за столомъ и онъ глубоко задумался. Давно-ли она была здѣсь, сидѣла вотъ напротивъ, а теперь ея нѣтъ!..

Вотъ на этомъ самомъ столѣ онъ увидѣлъ письмо его Сони, въ которомъ она писала ему, что не сходится съ нимъ во взглядахъ и ѣдетъ облегчать страданія тѣхъ самыхъ людей, которые проливаютъ кровь свою на полѣ битвы. Онъ какъ будто предчувствовалъ это; всегда ласковая, добрая съ нимъ, она съ нѣкоторыхъ поръ перемѣнилась къ нему. Она стала удаляться отъ него, просиживала вечера съ подругами и даже, съ его разрѣшенія, поступила на курсы. Но почему же произошла въ ней такая перемѣна?

Правда, онъ былъ строгъ съ подчиненными и это она понимала. Но развѣ могъ онъ, воспитанный въ аккуратности, не требовать отъ подчиненныхъ того-же? Отъ отца онъ остался безъ средствъ къ жизни и даже съ его долгами. Благодаря содѣйствію знакомыхъ онъ получилъ хорошее мѣсто, а его аккуратность и честность создали ему положеніе по службѣ и онъ смылъ съ отца темное пятно. Съ недавняго времени онъ сталъ замѣчать неаккуратность одного чиновника и не смотря на просьбы послѣдняго и Сони, попросилъ его подать въ отставку. Только послѣ узналъ онъ, что у того была больная жена, но было уже поздно. Старикъ поникъ головой. Призракъ приближающейся старости удручающе дѣйствовалъ на него. Почему онъ теперь одинъ; зачѣмъ ему жизнь? Для чего онъ трудился всю жизнь?

Вся жизнь его была для Сони, которую онъ любилъ больше и выше всего на свѣтѣ; весь свой умъ, всѣ чувства онъ вкладывалъ въ нее. Она была дорогимъ подаркомъ горячо любимой имъ жены, и она его покинула. Слезы закапали изъ глазъ старика.

— Баринъ, вамъ телеграмма,—просовываясь сквозь двери, сказала прислуга. Старикъ дрожащими руками развернулъ телеграмму и вотъ что прочелъ онъ въ ней: „Дорогой папочка! Я ѣду съ войны

съ отрядомъ сестеръ милосердія. Сегодня въ четыре часа приходи на вокзалъ встрѣчать. Твоя Соня.

Старикъ выронилъ изъ рукъ телеграмму. Соня пріѣдетъ къ нему; милая, хорошая Соня; она еще не забыла меня!

Чувство глубокой радости охватило его; онъ не могъ успокоиться и нервно ходилъ по комнатѣ. На службу онъ въ этотъ день впервые не пошелъ. Онъ предался своимъ воспоминаніямъ. Вспомнилъ онъ, какъ познакомился съ молоденькой хорошенькой женщиной, какъ объяснился ей въ любви, и она вышла за него замужъ. Хорошо и счастливо жилось ему съ этой женщиной. Онъ страстно любилъ ее и она его тоже. Но судьба судила иное.

Тяжелая болѣзнь похитила ее и эта утрата горько отозвалась въ его сердцѣ. Всѣ работы, всю любовь къ женѣ онъ перенесъ на Соню. Какъ онъ счастливъ, какъ онъ радъ, что она, наконецъ, пріѣдетъ.

Пробило три часа. Съ лихорадочною поспѣшностью, свойственною только молодому, онъ одѣлся и отправился на вокзалъ. Сердце замирало и учащенно билось.

Поѣздъ, гремя буферами, плавно подошелъ къ вокзалу. Пассажиры спѣшно высыпали на платформу.

— Папа, дорогой, здравствуй!—закричала молоденькая женщина, выходя изъ вагона. Ея раскраснѣвшееся личико дышало неподдѣльною искренностью, темные глубокіе глазки широко смотрѣли на старика.—Какъ ты постарѣлъ, папа?—говорила, она, горячо цѣлуя его.

— Милая, дорогая Сонечка, тебя ли я вижу? Я все время скучалъ безъ тебя. Жизнь моя, радость моя!

— Папа, папочка, прости меня; я виновата предъ тобою,— говорила она и на ея густыхъ рѣсницахъ повисли крупныя капли слезъ.

III.

— Станція Сиротина, поѣздъ стоитъ десять минутъ—выкрикивалъ кондукторъ, проходя по платформѣ мимо вагоновъ. Онъ сердито посматривалъ кругомъ и, видимо, былъ чѣмъ-то недоволенъ. Пассажиры спѣшно выходили изъ вагоновъ и торопливо шли въ вокзалъ. Изъ послѣдняго вагона въ черныхъ, лохматыхъ

шапкахъ выходила группа солдатъ. Сгибаясь подъ тяжестью багажа, они медленно шли по платформѣ.—Эй! землячекъ,—кричалъ мужикъ одному солдату съ георгіемъ на груди, — подвезу, что-ли.—Не надо,—отвѣчалъ тотъ,—мы и сами дойдемъ недалече тутъ.—Онъ махнулъ рукою и отправился по дорожкѣ, которая вилась въ родное село. Солнце ярко сіяло на небѣ и золотистыми лучами пригрѣвало землю. Снѣгъ весело трещалъ подъ ногами; морозный вѣтеръ пахнулъ ему въ лицо и онъ почувствовалъ радостную дрожь въ груди.

Все ему здѣсь знакомо; вотъ рѣка, въ которой ловилъ онъ рыбу съ другими мальчишками. Боже, Боже, какъ все это хорошо. Онъ снова въ родныхъ краяхъ. Почти два года онъ не былъ здѣсь и какъ хочется скорѣе домой. Скоро онъ увидитъ своихъ родителей; живы-ли они и что съ ними. При воспоминаніи о нихъ, сердце радостно забилось и ему захотѣлось ближе прижать ихъ къ груди. Онъ вспомнилъ, какъ провожали они его на войну. Старикъ-отецъ благословилъ его иконой, старуха-мать залилась слезами, жена лежала безъ чувствъ, только маленькій сынишка весело возился въ избѣ, играя въ лошадки.

Онъ смахнулъ слезы рукой. Вдали завиднѣлась высокая бѣлая колокольня. Солдатъ снялъ шапку и перекрестился. То было родное село. Сердце забилось сильнѣе и онъ прибавилъ шагу. Всѣ мысли, всѣ чувства его летѣли туда, къ ветхой, полуразвалившейся, занесенной снѣгомъ избушкѣ, которая такъ дорога была его сердцу.

— Господи, хотя бы скорѣе,—проговорилъ онъ про себя.

Какъ-то встрѣтятъ его, больного, разбитаго, родные. Правда, онъ боленъ, но вѣдь дастъ Богъ онъ выздоровѣетъ и будетъ помогать имъ. Не все же онъ будетъ болѣть. Скоро онъ снова будетъ работать на своей нивѣ; и солнышко также будетъ сіять надъ нимъ и пригрѣвать его пашню. Вотъ подростетъ его сынъ и будетъ помогать ему; вѣдь на отца-то надежда плоха. И весело и хорошо ему будетъ работаться, онъ заживетъ мирною трудовою жизнью и забудетъ о невзгодахъ, какія пришлось перетерпѣть ему теперь. Мысли его уносились далеко-далеко и спокойнѣе и радостнѣе становилось на душѣ. Онъ и не замѣтилъ, какъ дошелъ до родного села.

— Боже мой, какъ оно перемѣнилось.—А кругомъ тихо и спокойно, какъ будто все вымерло. А давно-ли это было, когда все

здѣсь кипѣло жизнью, все говорило о радости и довольствѣ. Ноги подкашивались, сердце готово было выскочить, когда онъ подходилъ къ родному дому. Что-то ожидаетъ его тамъ. Собравшись съ духомъ, онъ вошелъ въ избу. Старикъ-отецъ сидѣлъ на лавкѣ и сѣдая голова его рѣзко выдѣлялась въ наступающихъ сумеркахъ.

— Здравствуй, отецъ?—сказалъ солдатъ и подошелъ къ нему. Старикъ медленно поднялъ глаза. Тяжелое горе наложило на лицо его свою печать; онъ еще болѣе посѣдѣлъ и согнулся.

— А гдѣ же матушка и жена?

Старикъ склонилъ сѣдую голову и изъ глазъ его закапали слезы. Солдатъ понялъ все. Полураскрытыя избы, тощія лошаденки, исхудалыя лица мальчишекъ говорили о томъ тяжеломъ горѣ, которое похитило не одну жертву изъ родного села. Мрачно и пусто показалось ему въ родномъ домѣ, а призракъ далекой ночи гнетуще давилъ его. Зачѣмъ онъ вернулся домой? Что ему дома? Не лучше ли было умереть на полѣ битвы. Вотъ онъ теперь больной, а было время, когда онъ былъ здоровъ и работалъ съ утра до вечера и работа спорилась въ его рукахъ.

День смѣняла ночь, а ночь день и такъ все текло изо дня въ день, изъ года въ годъ. И не зналъ онъ никого и ничего кромѣ своей деревни и своихъ сосѣдей. Онъ не зналъ, что какія-то японцы затѣяли войну и что нужно воевать съ ними. Но вотъ пришли и взяли его, а потомъ повезли куда-то и везли долго; онъ ничего не помнилъ. Все въ немъ какъ-то отупѣло и застыло. Онъ помнилъ, какъ въ бою онъ былъ раненъ и упалъ; опомнился только въ госпиталѣ. Долго онъ лежалъ тамъ, а потомъ его больного, разбитаго отпустили домой.

Слезы потекли изъ его глазъ. На лицѣ его было написано столько горя, столько отчаянія, что страшно и мучительно становилось за человѣка.

Огонекъ погасъ давно и въ избѣ наступила темнота. Только неутомимый сверчекъ завелъ свою однотонную пѣсню. А онъ все сидѣлъ.

Скоро ли пройдетъ ночь...

В. ПОПОВЪ.

СИРЕНЬ ЦВѢЛА.

ФАНТАЗІЯ.

Луна манила. Ея лучи будто серебряныя полосы дробились на груди рѣки.

Свѣтлые, зеленоватые блики прыгали по дорожкѣ, забираясь сквозь листву, игриво перекидываясь другъ съ дружкой.

Гдѣ то пѣли птицы. Соловей заливался и волны бились, плакали и стонали у его ногъ.

Сирень цвѣла.

Кругомъ распространялся прянный запахъ, отъ котораго становилось тяжело.

Жалобно тянулась пѣснь изъ-далека.

Въ ней были печаль и безумный призывъ.

Тоскующее сердце просило любви и счастья.

Больно и страстно отозвалось его тревожное сердце на далекую пѣснь и захотѣлось ему безумно, мучительно любить.

Онъ жаждалъ огромнаго, невѣдомаго счастья.

Грудь ширилась, требуя чего то могучаго, непонятнаго. Любить! Но любить безпредѣльно, мощно, горѣть и сгорать отъ любви, но сгорая чувствовать всю боль страданья, всю сладость муки. И хочется ему прикоснуться изсохшими губами къ влагѣ жизни и пить, пить не отрываясь.

Сирень цвѣла.

Она стояла, словно объятая страстью, и тихо шептала.

Пышныя грозди посыпали его душистыми цвѣтами. Она распространяла истому, она дышала на него своимъ жгучимъ дыханьемъ и шелестѣла тихо, тихо.

Ея вѣтви нѣжно цѣловали его разгоряченное лицо. Ему стало душно. Луна обливала его стройную фигуру, склоненную голову

съ безумно устремленными глазами на пышную сирень, которая вся жила, вздрагивала, будто отъ страсти.

Сладкая истома, безумный трепетъ овладѣли имъ. Люблю!— шепталъ онъ дико, осыпая ее знойными поцѣлуями, дрожа, сильно прижимаясь къ цвѣтамъ.

Люблю! Люблю!

Она мягко поддавалась его ласкѣ и онъ все крѣпче и крѣпче сжималъ ее въ своихъ объятіяхъ.

Въ немъ все дрожало, охватывая все его существо, притоками могучаго счастья.

Онъ чувствовалъ, какъ вянутъ лепестки подъ его поцѣлуями, какъ осыпаются нѣжные цвѣты, но онъ изступленно цѣловалъ, цѣловалъ, высасывая всю жизнь, впитывая весь ароматъ, всю прелесть ихъ души.

Пѣснь прервалась.

Онъ очнулся, вздрогнулъ и застоналъ.

Дерево стояло бездушно, а вокругъ валялись измятые, истоптанные цвѣты.

Пѣлъ соловей. Волны, журча, напѣвали пѣснь любви, цѣлуя берега.

Было душно. Онъ зарыдалъ.

Сирень цвѣла и вздрагивала, словно отъ страсти.

ЗОЛУШКА.

РАЗСКАЗЪ.

I.

До шестнадцати лѣтъ она была «Дашкой» горничной на побѣгушкахъ въ барскомъ помѣщичьемъ домѣ. Маленькая, ловкая, быстрая—она цѣлый день бѣгала по лѣстницамъ и корридорамъ, поминутно призываемая рѣзкими звонками, и боязливо пряча свои громадные каріе глаза подъ длинными рѣсницами, выслушивая приказанія. Господа, у которыхъ жила Дашка, были строгіе и требовательные. На верху обитала «старая барыня» восьмидесятилѣтняя старуха, хилая, больная, вѣчно брюзжащая и всѣмъ недовольная. Въ первомъ этажѣ жили ея сынъ и невѣстка, которую прислуга называла «молодой барыней», хотя этой молодой барынѣ ужъ давно перевалило за пятьдесятъ.

Между старой и молодой барынями отношенія были самыя натянутыя. Ссоры длились по мѣсяцамъ, и тогда всѣ необходимые переговоры велись черезъ Дашу, которая то и дѣло бѣгала внизъ заявлять, что молъ «барыня проситъ прислать того-то и того-то» и обратно относить требуемое.

Дашка была круглой сиротой. Мать ея прачка Анна, красивая, энергичная женщина, которую всѣ почему-то считали «зазнобушкой» барина, умерла когда дѣвочкѣ было пять лѣтъ. Маленькая Дашка такъ и осталась при домѣ господъ Охлестышевыхъ, незамѣтно выросла въ кухнѣ среди кастрюль и горшковъ, съ раннихъ лѣтъ исполняя разныя порученія прислуги. Потомъ, когда она подросла, ее взяли въ комнаты, и здѣсь она водворилась окончательно.

Потекли дни, мѣсяцы, годы — Дашка и не замѣчала какъ идетъ время. За цѣлый день она едва-едва успѣвала справиться

со своими обязанностями. Дѣла у нея было много спѣшнаго, мелкаго, незамѣтнаго дѣла. А вечеромъ, свалившись на свою постель, дѣвочка засыпала моментально и спала, какъ убитая, до шести часовъ утра, когда вставала вся прислуга.

Обѣ барыни, и старая, и молодая, любили погорячиться, покричать, разнести кого-нибудь и чаще всего отъ нихъ доставалось Дашкѣ. Кричали на нее и кухарка, и старшая горничная, и прачка, словомъ всѣ, кому было не лѣнь. Всѣ знали, что Дашка стерпитъ, потому что она одна «какъ перстъ». Не кричалъ никогда на дѣвочку только одинъ баринъ Николай Васильевичъ Охлестышевъ, но его значеніе въ домѣ было вообще очень не велико.

Дашка терпѣла. Часто въ глазахъ ея вспыхивали какіе-то недобрые огоньки, особенно, когда одна изъ барынь награждала ее пинкомъ или пощечиной, но длинныя рѣсницы хорошо скрывали эти огоньки. На людяхъ Дашка никогда не плакала; только, улучая свободную минуту, она забиралась въ свою каморку и заливалась тамъ горькими слезами, проклиная свою жизнь и мысленно жалуясь «покойницѣ-маменькѣ».

Такъ прошло дѣтство и ранняя юность Дашки. Такъ прошла бы, вѣроятно, и вся ея жизнь.

II.

Это случилось на святкахъ. Въ «Отраду» — имѣніе Охлестышевыхъ, какъ всегда къ праздникамъ, съѣхалась молодежь: двѣ дочки-институтки, сынъ-студентъ, другой сынъ-кадетъ, подруга старшей дочери по институту и племянникъ «молодой» барыни-офицеръ. Домъ сразу ожилъ, открылись двери пустовавшихъ комнатъ; смѣхъ, говоръ, музыка и пѣнье съ утра до вечера раздавались безъ отдыха. Ожили и старики Охлестышевы: старая барыня, Ольга Афанасьевна, стала меньше брюзжать, молодая — Вѣра Сергѣевна умѣрила свое хозяйственное рвеніе, а тихій и обыкновенно ко всему равнодушный баринъ Николай Васильевичъ, повеселѣлъ, подбодрился и цѣлые дня проводилъ съ молодыми людьми, принимая участіе во всѣхъ ихъ затѣяхъ.

Ожило старое мрачное гнѣздо. Ожила и Дашка—послѣдняя спица въ колесѣ. Хотя и теперь никто ею не интересовался, все

же пріѣздъ гостей внесъ нѣкоторое разнообразіе въ ея тусклую жизнь.

Съ какой-то безсознательной завистью глядѣла Дашка на изящныхъ тоненькихъ барышень, одѣтыхъ въ красивыя платья, завитыхъ, надушенныхъ. Иногда, тайно забравшись въ ихъ комнаты, она съ наслажденіемъ притрагивалась руками къ привезеннымъ ими бездѣлушкамъ и, качая головой, разсматривала ихъ. Когда же барышни выѣзжали въ гости къ сосѣдямъ, Дашка давала волю своему влеченію: она надѣвала на себя ихъ воротнички, бантики, дѣлала модную прическу и, счастливая, вертѣлась передъ зеркаломъ, не узнавая сама своего разгорѣвшагося отъ радости, похорошѣвшаго лица.

Одинъ разъ ее поймалъ на мѣстѣ преступленія молодой баринъ, студентъ Николай Николаевичъ. Вернувшись невзначай домой изъ поѣздки въ городъ и не зная, что сестры уѣхали, онъ направился въ ихъ комнаты.

Когда онъ, быстро отворивъ дверь, вошелъ въ комнату старшей сестры, передъ зеркаломъ стояла молодая дѣвушка и старательно расправляла пышный бантъ на головѣ.

— Лидочка, дай-ка мнѣ пожалуйста...—но вдругъ студентъ остановился.

Увлеченная туалетомъ, Дашка не замѣтила приказа барина, только звонкій голосъ его заставилъ дѣвушку оглянуться.

— Господи! Да это Дашка!—воскликнулъ студентъ наконецъ.— Ха-ха-ха!.. Такъ вотъ ты чѣмъ занимаешься... Мило, очень мило...

Дашка, опустивъ руки, стояла неподвижно; румянецъ исчезъ, смѣнившись мертвенной блѣдностью. Она вся дрожала. Нѣсколько минутъ Дашка казалось не могла опомниться. Потомъ быстрымъ движеніемъ сдернувъ съ себя бантъ и воротникъ, она упала на колѣни.

— Баринъ, голубчикъ, ради Бога...—бормотала она, ловя руки студента.

Студентъ сконфузился.

— Полно, полно, что ты! Встань же, глупая...

— Бога ради, не говорите, баринъ,—твердила Дашка дрожащими поблѣднѣвшими губами, стараясь поймать и поцѣловать его руку.

— Да перестань же!—убѣждалъ ее студентъ.—Смѣшно...—а

у самаго тоже дрожалъ голосъ отъ какого-то смутнаго овладѣвшаго имъ чувства.

— Иди... иди!.. никому я не скажу... Ничего не бойся, я не скажу...

И слова замерли у него на губахъ. Онъ поспѣшно ушелъ къ себѣ и нѣсколько минутъ не могъ опомниться отъ этой сценки.

— Чортъ знаетъ, какъ глупо!—твердилъ онъ, чувствуя снова приливъ какого-то мучительнаго стыда при воспоминаніи объ испугѣ Дашки и о мольбахъ ея.—Несчастная дѣвченка... Изъ-за какой-то тряпки!..

Съ этихъ поръ Дашка ужъ не заглядывала въ комнаты барышень, какъ ни велико было искушеніе. По отношенію къ студенту у нея осталось чувство глубокой признательности и благодарности.

Между тѣмъ Рождество приближалось. Къ новому году молодежь готовилась устроить домашній спектакль. Почти каждый день происходили репетиціи старой, но вѣчно милой любителямъ пьесы «Сорванецъ». Всѣ роли были уже распредѣлены, оставалась только одна роль Маланьи, которую некому было играть. Но любители утѣшались тѣмъ, что найдутъ исполнительницу гдѣ-нибудь въ сосѣднихъ усадьбахъ и начали репетировать. Репетиціи были шумныя, нескладныя. Всѣ ссорились, злились, дѣлали другъ другу сцены, режиссеръ Николай Васильевичъ разрывался на части. Словомъ, дѣло кипѣло.

Но болѣе, чѣмъ самихъ любителей, занималъ спектакль Дашку. Она пряталась за портьерами, за дверьми и съ наслажденіемъ слѣдила за отрывочно-разыгриваемыми сценами. Она восторгалась неумѣлой игрой любителей безъ обстановки, безъ костюмовъ, а глаза у нея такъ и сверкали яркимъ огонькомъ.

Иногда ее ловили въ этомъ подслушиваніи, шутили надъ нею.

— Глупая, ну что ты въ этомъ понимаешь?—милостиво говорили барышни.

— Этакая лѣнтяйка!—возмущалась барыня Вѣра Сергѣевна.—Чѣмъ бы дѣло дѣлать, она только ушами хлопаетъ!

Дашка ничего не возражала, но при первой возможности повторяла то же преступленіе, пряталась и слушала, слушала, затаивъ дыханіе. Часто, убирая поутру залу, Дашка находила эк-

земпляръ пьесы и зачитывалась имъ, забывала обо всемъ на свѣтѣ. Грамоту она давно уже изучила подъ руководствомъ Вѣры Сергѣевны и читала довольно бѣгло.

III.

Къ концу репетицій Дашка знала нѣкоторыя мѣста изъ пьесы почти наизусть, лучше самихъ исполнителей. Иногда, разглаживая юбки и воротники барышень, она произносила про себя монологи Любы, которые чрезвычайно ей нравились. Произносила въ полъ-голоса, соблюдая, однако, всѣ тѣ указанія, которыя дѣлалъ при ней Николай Васильевичъ барышнѣ, игравшей роль.

Ей страшно хотѣлось присутствовать на спектаклѣ.

— Господи, только бы тогда никуда не посылали, дали бы все увидѣть!—чуть не молилась бѣдная дѣвушка.

А, между тѣмъ, спектаклю грозила опасность совсѣмъ не состояться. Исполнительницы для роли Маланьи все не могли найти, времени до новаго года оставалось очень мало и чувствовалось общее охлажденіе къ дѣлу. Другую пьесу разучить было уже некогда; спектакль видимо разстраивался.

Но въ одинъ прекрасный день, когда всѣ были въ сборѣ и на тысячу ладовъ обсуждали тотъ же вопросъ, въ гостиную вбѣжалъ кадетикъ Ваня, задыхаясь отъ смѣха.

— Пойдемте скорѣе, я вамъ покажу!

— Да что такое? Въ чемъ дѣло? — раздавался вопросъ за вопросомъ, но всѣ послѣдовали за нимъ по лѣстницѣ во второй этажъ.

— Тсс... Тише, тише! Не кричите!—Ваня остановился у слегка пріотворенной двери, за которой слышался голосъ Дашки. Съ увлеченіемъ она читала монологъ Любы — „сказку“ которую та разсказываетъ князю...

— Тсс... тсс... шепталъ кадетикъ.—Смотрите по одному въ щелку, только тихонько...

Первый заглянулъ студентъ. Посреди большой комнаты на столѣ было разложено бѣлье, иголки, нитки, стояла машина—очевидно Дашку засадили чинить бѣлье. Сама же Дашка съ развернутой кофточкой въ рукахъ ходила по комнатѣ и, жестикулируя декламировала:

„Жилъ былъ мужикъ и было у него три дочери“...

— Пусти же, Коля! Меня, меня!..—шептали сзади и всѣ заглядывали въ дверь, едва удерживаясь отъ смѣха. Наконецъ кто-то не выдержалъ и громко расхохотался, за нимъ разсмѣялись остальные. Двери распахнулись и передъ глазами испуганной Дашки выросли „господа“...

Хохотъ усилился, когда Дашка уронила свою работу и остановилась посреди комнаты, съ открытымъ ртомъ, въ жалкой растерянной позѣ.

— Ай-да актриса!

— Рашель!

— Сарра Бернаръ!

Дашка еще разъ обвела всѣхъ испуганными глазами, стремглавъ бросилась къ другой двери и исчезла.

— Охъ-охъ-о! не могу!—задыхаясь отъ смѣха, произнесъ Николай Васильевичъ.—А вѣдь не дурно, ей-Богу не дурно! Съ искоркой дѣвочка...

Барышня игравшая роль Любы презрительно усмѣхнулась.

— Ну, ужъ и недурно! Развѣ она понимаетъ какъ надо играть!—кисло замѣтила она.

— А все таки, Сашенька, она очень недурно произноситъ этотъ монологъ, не многимъ хуже тебя!—вмѣшался студентъ.

— Неужели?

— Разумѣется. И по моему, господа, намъ слѣдуетъ немедленно отдать роль Маланьи Дашѣ. Тогда спектакль нашъ спасенъ!—рѣшительно заявилъ студентъ.

— Что?.. Дашкѣ?.. Роль?..

— Нѣтъ, Коля, ты съ ума сошелъ!—закричали удивленные любители.

— Ничуть. Что она можетъ сыграть эту роль, за это я ручаюсь,—возразилъ студентъ,—а унизительнаго въ томъ, что она участвуетъ, тоже ничего не вижу!

— Ну, нѣтъ! Ни за что! Ни за что!—заволновались барышни.

Студентъ пожалъ плечами.

— Какъ хотите. Только иначе спектакль не можетъ состояться—объявилъ онъ.

Споры и разговоры по этому поводу длились весь день и кончилось тѣмъ, что роль Маланьи рѣшили поручить Дашкѣ.

Больше всѣхъ противилась этому Вѣра Сергѣевна, горячо увѣрявшая, что участіе въ спектаклѣ горничной—величайшее неприличіе. Но всѣмъ такъ хотѣлось, чтобы спектакль состоялся, что мать позволила Дашкѣ участвовать.

И Дашка стала изображать Маланью. Не помня себя отъ радости, она скоро выучила всю роль на зубокъ. Сначала на репетиціяхъ насмѣшки сыпались градомъ—она робѣла, забывала, что ей нужно дѣлать, но мало по малу смущеніе и неловкость исчезали. Дашка становилась все смѣлѣй и смѣлѣй, и дѣло быстро пошло у нея на ладъ.

IV.

Насталъ, наконецъ, день спектакля. Съѣхалось много гостей изъ города и уѣзда. Между ними былъ пріятель Николая Васильевича, извѣстный провинціальный комикъ Нелединскій.

Этотъ гость былъ особено интересенъ молодымъ исполнителямъ. Играть при немъ было и страшно, и заманчиво. Заманчиво потому, что въ глубинѣ души каждый, особенно барышни, надѣялся заслужить милостивое одобреніе „извѣстнаго актера“.

Большая часть гостей съѣхалась къ обѣду. Двери въ большую залу были заперты и украшены громадной афишей. Конечно, всякій спѣшилъ прочесть эту афишу, но дѣйствующія лица скрывались подъ громкими псевдонимами и узнать, кто какую роль играетъ оказывалось невозможнымъ.

Обѣдъ прошелъ шумно, весело, но только не для юныхъ актеровъ. Охваченые волненіемъ, они не могли ни ѣсть, ни говорить, и то и дѣло со страхомъ поглядывали въ сторону Нелединскаго. А онъ, казалось, и не думалъ о предстоящемъ важномъ событіи. Громадный, грузный сидѣлъ онъ за столомъ, усердно пилъ, ѣлъ и еще усерднѣе острилъ. Раздававшійся время отъ времени смѣхъ его совершенно заглушалъ болтовню обѣдавшихъ.

— Боже, какой страшный!—шептали другъ другу барышни.— Что-то онъ о насъ скажетъ.

Обѣдъ окончился въ шесть часовъ и немедленно всѣ участвующіе въ спектаклѣ удалились „за кулисы“. Гости расположились въ гостиной, мирно бесѣдуя за кофе.

Между тѣмъ исполнители лихорадочно готовились къ спектаклю, одѣвались, причесывались, кое-какъ гримировались. Одна только Дашка до послѣдней минуты должна была всѣмъ прислуживать и для того, чтобы одѣться, у нея осталось очень мало времени. Она спѣшно стала заканчивать свой туалетъ уже послѣ того, какъ дѣйствіе началось. У дѣвушки сильно стучало сердце, когда она подойдя къ зеркалу, оглядѣла себя въ костюмѣ Маланьи. Сарафанъ, бусы, а въ особенности ярко-розовая лента, данная ей одной изъ барышень, очень красили Дашку. Она казалась себѣ въ этомъ костюмѣ гораздо лучше, чѣмъ въ обыкновенномъ темномъ платьѣ. Мысль о томъ, что она тоже актриса, что сейчасъ она появится на подмосткахъ и будетъ играть „передъ господами“ кружила ей голову.

— Дашка, твой выходъ!—крикнулъ ей Ваня.—Иди же. Да, смотри, не сглупи какъ-нибудь.

Дашка ничего не отвѣтила и, затаивъ волненіе, рѣшительно пошла на сцену.

V.

Спектакль оконченъ.

Занавѣсь опустился.

— Всѣхъ, всѣхъ! Браво!—раздались крики и апплодисменты въ зрительной залѣ.

Исполнители, раскланиваясь во всѣ стороны, появились на сценѣ. Одна Дашка нерѣшалась выйти. Она стояла за кулисами, вся покраснѣвшая отъ пережитаго волненія, и съ наслажденіемъ прислушивалась къ шуму зрителей въ залѣ. Что-то новое невѣдомое просыпалось у нея въ душѣ.

Бѣдная Дашка, столько лѣтъ слышавшая одни только окрики, да выговоры, ничего не видѣвшая, кромѣ деревенскаго дома господъ Охлестышевыхъ, лѣса, да поля—совсѣмъ растерялась отъ наплыва новыхъ впечатлѣній, отъ проснувшагося, еще неяснаго, но уже мучительнаго стремленія къ иной лучшей долѣ.

Исполнители, веселые, довольные, собрались за кулисами. Они на перерывъ передавали другъ другу свои впечатлѣнія. На Дашку по прежнему никто не обращалъ вниманія. Одинъ только студентъ Коля подошелъ къ ней.

— Молодецъ, Даша!—ласково сказалъ онъ.—Очень, очень недурно сыграла. И какъ ты похорошѣла въ этомъ нарядѣ, просто не узнать.

— Коля, Коля! Папа идетъ сюда съ Нелединскимъ!—позвала студента одна изъ сестеръ.

— Ай-ай-ай, что-то онъ намъ скажетъ! — засуетились барышни.

За кулисами дѣйствительно появился Николай Васильевичъ въ сопровожденіи комика. Нелединскій шелъ медленно, тяжело неся свою грузную особу.

Взволнованные любители столпились и со страхомъ ждали, что онъ скажетъ. Комикъ оглянулъ ихъ своими быстрыми смѣющимися глазками и прямо направился къ Дашкѣ.

— Ну, милая барышня, утѣшили вы меня!—заговорилъ онъ.— То-есть, одно могу сказать—великолѣпно! Я и не ждалъ, право, отъ любительницы и при томъ такая маленькая роль!.. Есть, есть огонекъ. Эту роль и на сценѣ актрисы всегда шаржируютъ, а у васъ сколько жизни, правды, юмора! Восторгъ, восторъ! Позвольте въ знакъ моего уваженія...

И комикъ, взявъ руку растерявшейся Даши, поднесъ ее къ губамъ. У всѣхъ окружающихъ отъ неожиданности вытянулись лица. Барышни переглядывались съ недоумѣніемъ. Николай Васильевичъ молчалъ.

— Прелестно, прелестно! — продолжалъ Нелединскій. — Отъ души желаю вамъ дальнѣйшихъ успѣховъ. Если ужъ въ этой ролькѣ видѣнъ талантъ, то онъ несомнѣнно есть!—Комикъ повернулся къ другимъ исполнителямъ. — И васъ, господа, похвалю. Мило, очень мило. Но все же пальма первенства принадлежитъ этой барышнѣ. Это, конечно, твоя дочь, Николай Васильевичъ?

Наступило неловкое молчаніе.

— Нѣтъ... то-есть...—забормоталъ Николай Васильевичъ.

Въ эту минуту за кулисами показалась разсерженная Вѣра Сергѣевна.

— Дашка! — набросилась она на дѣвушку: — ты что же это совсѣмъ одурѣла! Знаешь, что сейчасъ надо накрывать на столъ, и хоть бы тебѣ что! Еще и раздѣваться не думала. Ступай сейчасъ же въ столовую...

Дашка поспѣшно исчезла.

А удивленный комикъ Нелединскій съ раскрытымъ ртомъ неподвижно замеръ на мѣстѣ.

— Батюшки,—мысленно ужаснулся онъ.—Ну и влопался же я, на старости лѣтъ. Ай да барышня!

VI.

Спустя нѣсколько дней Дашка исчезла изъ усадьбы. Какъ она ушла, никто не видѣлъ, но цѣлый день ее нигдѣ не могли отыскать. Только на другое утро вернувшійся изъ города приказчикъ разсказалъ, что верстъ за пять отъ усадьбы, онъ нагналъ Дашку, которая шла по дорогѣ съ маленькимъ узломъ вещей. Она долго упрашивала его довезти ее до города, такъ что въ концѣ концовъ ему пришлось согласиться. Куда и зачѣмъ она отправляется, такъ онъ и не могъ добиться. Она показала ему свои вещи, чтобы господа не подумали, что она что-нибудь украла. Господамъ Дашка прислала записку, написанную круглымъ почеркомъ и довольно безграмотно составленную. Въ запискѣ она просила прощенія за то, что оставляетъ ихъ, не сказавъ ранѣе, и извѣщала, что судьба ея другая.

Долго никто не могъ понять, въ чемъ дѣло. Наконецъ, Коля догадался, что Дашка рѣшила поступить на сцену.

По этому поводу много было и смѣха, и негодованія. Одинъ Коля отнесся къ поступку Дашки съ искреннимъ сожалѣніемъ и жестоко упрекалъ себя за неумѣстную затѣю привлечь дѣвочку къ участію въ спектаклѣ.

— Пропадетъ дѣвчонка, погибнетъ ни за грошъ!—мрачно думалъ онъ, шагая по своей комнатѣ.—Чортъ знаетъ какая отрава эти спектакли!

А Дашка между тѣмъ явилась въ городъ, розыскала адресъ Нелединскаго и прямо отправилась къ нему.

Комикъ, по обыкновенію отдыхая послѣ обѣда, лежалъ на диванѣ и курилъ, когда кухарка объявила ему о приходѣ какой-то неизвѣстной дѣвушки.

— Зови!—приказалъ комикъ.

Дашка вошла и молча упала на колѣни. Изумленный комикъ быстро приподнялся на диванѣ.

— Что ты голубушка? Что съ тобою?

— Баринъ, дорогой,—прошептала Дашка.—Я къ вамъ, какъ къ Богу пришла... Однимъ словомъ, вы вся моя надежда...

— Да кто ты? Что такое?

Дашка напомнила ему предствленіе «Сорванца» и со слезами умоляла взять ее «на выучку» въ актрисы.

Нелединскій понялъ, наконецъ, въ чемъ дѣло.

— Такъ на сцену, а?—улыбнулся онъ.

Дашка снова упала ему въ ноги.

— Одно слово, баринъ, или въ актрисы или жизни себя рѣшу!—объявила она, заливаясь слезами.

— Что же дѣлать? право не знаю! Оставайся пока у меня, помогай моей старухѣ... А тамъ мы что-нибудь придумаемъ!..

VII.

«Многоуважаемый Николай Николаевичъ! Не откажите въ слѣдующемъ антрактѣ зайти ко мнѣ въ уборную».

Нелединская.

Николай Охлестышевъ десять разъ перечиталъ эту записку, все еще не вѣря своимъ глазамъ.

Въ зрительномъ залѣ гремѣли аплодисменты, и на галлереѣ молодые голоса, надсаживаясь, кричали:

— Нелединская, Нелединская!

Охлестышевъ, стоя въ проходѣ между креслами, переворачивалъ на всѣ стороны карточку Нелединской, переданную капельдинеромъ.

— Неужели это не мистификація? Откуда же она можетъ знать меня?—ломалъ онъ голову.

Въ С. онъ пріѣхалъ всего двѣ недѣли назадъ и былъ увѣренъ, что здѣсь у него совершенно нѣтъ знакомыхъ. Съ особеннымъ чувствомъ легкости и свободы ходилъ онъ по улицамъ, не встрѣчая ни одного знакомаго лица. И вотъ оказывается, его знаетъ примадонна театра. Откуда же?

Когда поднялся занавѣсъ, Охлестышевъ сталъ внимательно вглядываться въ лицо Нелединской, прислушиваться къ ея голосу.

И минутами какое-то смутное воспоминанье, еще неясное,

таинственное, выглядывало изъ прошлаго. Гдѣ-то, давнымъ давно, онъ видѣлъ это лицо, эти черные глаза, эту улыбку. Но гдѣ?

На сценѣ шла новая пьеса—комедія полная пѣсенъ и смѣха. Нелединская играла роль простоватой, искренней и жизнерадостной вдовушки, кружащей всѣмъ головы.

По тому, какъ принимала публика молодую актрису видно было, что ее здѣсь любятъ и знаютъ. Въ каждомъ движеніи, въ каждомъ словѣ актрисы чувствовалась жизнь, сила и любовь. И своимъ чистымъ смѣхомъ, своими звонкими пѣснями она воодушевляла зрителей.

— Но гдѣ же, гдѣ я ее видѣлъ?—думалъ Охлестышевъ.

Опустился занавѣсъ. Умолкъ смѣхъ, затихли пѣсни. Въ залѣ поднялся невообразимый шумъ. Бурные аплодисменты по адресу Нелединской не умолкали.

Она выходила на вызовы и съ веселой довѣрчивой улыбкой кланялась на всѣ стороны. Охлестышевъ, стоя, продолжалъ вглядываться въ лицо актрисы; внезапно она устремила на него свои живые черные глаза, улыбнулась и поклонилась ему.

— Нѣтъ, это не мистификація! — думалъ онъ, отправляясь за кулисы.

Онъ постучалъ въ дверь уборной. За дверью раздавались голоса, смѣхъ—и на стукъ никто не отвѣтилъ.

Охлестышевъ нерѣшительно пріоткрылъ дверь. Уборная была полна народу. Здѣсь сидѣли и стояли актеры, актрисы, студенты, какіе-то солидные господа въ сюртукахъ. Въ глубинѣ уборной на креслѣ сидѣла Нелединская. Черные глаза ея весело сверкнули на встрѣчу Охлестышеву.

— Здравствуйте, Николай Николаевичъ, сколько лѣтъ, сколько зимъ!—заговорила она.—Узнаете меня?

Охлестышевъ растерянно улыбался.

— Неужели нѣтъ?—развела руками актриса.—Господа, смотрите, встрѣтила стараго знакомаго, земляка, можно сказать, да вотъ не признаетъ.

Охлестышевъ ужъ не сомнѣвался въ томъ, что онъ видѣлъ это лицо и видѣлъ много разъ. Но гдѣ, когда?

— Мы всей братіей—вотъ она тутъ у меня въ полномъ составѣ—ѣдемъ сегодня кататься по первопутку. Хотите, и васъ возьмемъ, чтобы больше времени было вспоминать?..

Дорога, залитая луной, блестящей бѣлой лентой тянулась вдаль.

Нелединская къ величайшей досадѣ всей своей «братіи» поѣхала съ Охлестышевымъ.

Она лукаво взглянула ему въ глаза.

— Помните, а?

Глаза Охлестышева испуганно расширились.

— Помню, но вы...—пробормоталъ онъ.—Даша! Неужели вы Даша?

Нелединская разразилась звонкимъ, радостнымъ смѣхомъ.

— Вспомнили? Наконецъ-то! Ну не правда развѣ, что мы старые знакомые! Ой, голубчикъ, какое-же лицо у васъ смѣшное! Не ожидали, что придется когда-нибудь съ Дашкой-судомойкой на рысакахъ кататься.

— Это на сонъ похоже! — все еще изумленно бормоталъ Охлестышевъ.

Лицо Нелединской внезапно стало серьезнымъ.

— Нисколько!—отвѣтила она.—Это на жизнь похоже, а не на сонъ. Помните Нелединскаго, комика? Къ нему-то вѣдь я тогда кинулась. Онъ меня пріютилъ, и, какъ родного ребенка, берегъ, воспитывалъ, училъ. Такихъ людей я больше не встрѣчала.

— Вотъ неожиданная встрѣча!—сказалъ Охлестышевъ.—Теперь то я узналъ и глаза ваши, и лицо, и улыбку; раньше вспомнить никакъ не могъ.

Нелединская улыбнулась.

— Зато я васъ съ перваго взгляда узнала. Хоть и постарѣли вы... правда, вѣдь? Ужъ слишкомъ врѣзался у меня въ памяти спектакль нашъ... и ваши хлопоты за меня... Помните? Господи! Да вѣдь, какъ говорилъ мой учитель и благодѣтель Нелединскій, благодаря вамъ россійская сцена новый талантъ обрѣла! Вѣдь это вы съ вашей Маланьей толкнули меня на сцену. Дай же вамъ Богъ за это здоровья! Она крѣпко пожала руку Охлестышева и неожиданно крикнула кучеру:

— Гони! Совсѣмъ ужъ отстали!..

Сани понеслись.

О. СНѢГИНА.

ПУТНИКЪ.

Небо въ звѣздахъ, поле въ росахъ,
Вѣтеръ шуменъ и сердитъ.
Бродитъ путникъ... ветхій посохъ
Пыль дороги бороздитъ.

—

Съ юга дальняго на сѣверъ
Чуть замѣтно вьется слѣдъ,
А кругомъ хлѣба и клеверъ.
Ихъ тревожный шопотъ-бредъ...

—

Звѣзды по-небу застыли,
Утомленный вѣтеръ стихъ...
Бродитъ путникъ... Братъ мой, ты-ли
Окрылилъ мой скорбный стихъ?...

И. ГУРВИЧЪ.

ЛЕГЕНДА.

(СЛОВА КЪ „ЛЕГЕНДѢ" ВЕНЯВСКАГО).

Высокій, худой и длинноволосый человѣкъ, въ лицѣ котораго странно соединялась блѣдность голодной и нечистой жизни со строгой глубиной плачущаго вдохновенія, заигралъ на скрипкѣ. Это былъ торжественный, сказочный мотивъ—то жалобно-прекрасный въ верхнихъ нотахъ, то звучавшій мрачной скорбью въ басахъ. И было въ немъ что-то средневѣковое, безнадежное, изысканно-слащавое, жестокое, длительное и страшное.

Меценатъ, хозяинъ дома, въ красномъ халатѣ, съ блуждающими безумными, огромными, свѣтлыми глазами всталъ и, притворяясь озареннымъ восторгомъ творчества, началъ импровизировать. И при этомъ разсчитанно-невѣрными, широкими, капризными движеніями рукавовъ, онъ опрокидывалъ на мокрую скатерть бокалы и рюмки.

— Это было давно...—говорилъ онъ, закрывая глаза, тряся головой и подымая подбородокъ вверхъ, и у него выходило: эття былля дэвно... хотя онъ былъ русскій, изъ хорошей дворянской фамиліи, изъ правовѣдовъ.

— Это было давно!.. О, какъ давно это было! Много вѣковъ прошло... О, какъ много вѣковъ... И объ этомъ забыли. Это было страшно давно...

Тогда вдругъ всталъ человѣкъ, до сихъ поръ молчавшій, почти никому не знакомый; кто то привелъ его и даже не позаботился назвать его фамилію. Онъ былъ плохо одѣтъ, широкоплечъ, малъ ростомъ, вульгаренъ, со смѣшной конторской прической ежикомъ.

— Позвольте мнѣ,—сказалъ онъ умоляющимъ голосомъ.

И меценатъ, паясничая, пятясь назадъ, согнувшись въ поясницѣ, размахивая руками отъ груди къ землѣ и назадъ, отвѣтилъ клоунски-вѣжливымъ тономъ.

— О, пожж-ж-жалуйста...

— Начните сначала,—строго сказалъ вульгарный человѣкъ скрипачу.

Только однимъ взглядомъ обмѣнялись они со скрипачомъ и незнакомецъ началъ вмѣстѣ съ первыми звуками скрипки.

— Это было давно. Много съ тѣхъ поръ погибло старыхъ родовъ и много разрушилось замковъ.

— Тогда старый замокъ стоялъ еще на скалѣ среди озера. И знали всѣ вокругъ, что озеро это бездонно, замокъ неприступенъ, а длинный, желѣзный мостъ, на огромныхъ блокахъ, подымается на ночь.

— Король изрѣдка писалъ письма владѣльцу замка, называлъ его кузеномъ и предлагалъ ему титулы и почести. Но гордый князь, вмѣсто благодарности, вѣшалъ королевскихъ пословъ на зубцахъ своихъ башенъ. Онъ никого не боялся. Замокъ его былъ неприступенъ и припасовъ въ немъ всегда могло бы хватить на десять лѣтъ.

— Князь былъ знатенъ, силенъ и безумно смѣлъ, хотя и было ему шестьдесятъ лѣтъ. Съ веселымъ орлинымъ крикомъ, страшный въ кровавомъ свѣтѣ смоляныхъ факеловъ, мчался онъ впереди своихъ воиновъ ночью черезъ мостъ, и внизу плескались волны, и стукъ лошадиныхъ копытъ раздавался, какъ плескъ. Тогда пылали деревни, плакали женщины и богатые обозы купцовъ брались, какъ добыча.

— Никто не знаетъ зачѣмъ онъ женился. Развѣ мало ему было красивыхъ дочерей его вассаловъ? Развѣ не выдали бы за него любую дочь изъ богатаго, древняго рода? Онъ праздновалъ дикую, кровавую свадьбу, пилъ вино, бросалъ челяди горстями брилліанты и огромными, страшными безцвѣтными глазами глядѣлъ на молодую жену. Она была дочерью скромнаго художника.

— Прошелъ длинный годъ, и еще одинъ, и еще одинъ. Блѣднѣла молодая жена, страшнѣе и безсоннѣе становились глаза князя. Пылали по ночамъ деревни. И у женщинъ, осужденныхъ на смерть, одичалые псы выгрызали внутренности.

— Тысячи глазъ стерегли прекрасную женщину. Но была одна пара глазъ, которая глядѣла на нее съ нѣжной страстью и говорила ей: «вотъ моя жизнь. Возьми, если нужно. Я люблю тебя!..»

— Однажды,—такъ говоритъ темное преданье,—князь возвратился съ охоты и засталъ молодого пажа, стоявшаго на колѣняхъ передъ его женой. Онъ велѣлъ вывести пажа на дворъ и въ упоръ выстрѣлилъ ему въ правый глазъ изъ арбалета.

— Но жены онъ не тронулъ. Онъ собралъ свою буйную, послушную шайку, одарилъ ее золотомъ, какъ царь, и сказалъ:

— Вы всѣ свободны. Уѣзжайте.

— И когда послѣдній изъ нихъ переѣхалъ на тотъ берегъ, князь своими руками поднялъ на визжащихъ блокахъ кверху желѣзный мостъ, оборвалъ цѣпь, обломалъ блокъ и заперъ тяжелыя ворота замка.

— А когда послѣдніе изъ его шайки обернулись назадъ на замокъ, они увидѣли, какъ въ башнѣ, въ самомъ верхнемъ окнѣ, показался князь и какъ онъ бросилъ въ бездонное озеро огромный желѣзный ключъ отъ воротъ замка.

— И проходили годы за годами. Одиноко стоялъ среди озера старый, грозный замокъ. Никто не узналъ его тайны. Теперь тамъ однѣ развалины, мохъ и мусоръ, зеленыя ящерицы, дикія благоуханныя каприфоліи... Что было съ этими людьми? Много ли длились ихъ мученія? Кто мучился больше?

— Никто, никто не узналъ этой тайны. Тихо плещутся волны о каменные своды... Слышится въ этомъ плескѣ давній, страшный топотъ лошадиныхъ копытъ. Никто не узнаетъ тайны.

— Тихо, тихо плещутся волны.

Оба умолкли вмѣстѣ—и скрипачъ, и импровизаторъ. И среди всеобщей чуткой тишины меценатъ сказалъ, презрительно фыркнувъ:

— Все? Н-да-а. Немного, но жалостно.

А. КУПРИНЪ.

КОЛОКОЛЪ.

Вдали, звуча таинственной печалью,
Звонъ сорвался широкою волной—
И дрогнулъ я какъ будто предо мной
Вдругъ кто-то сталъ, грозя холодной сталью.

—

Какой позоръ, безуміе какое!
Вѣдь этотъ звонъ могучій и простой
Зоветъ подъ сѣнь обители святой,
Гдѣ все твердитъ о мирѣ и покоѣ;

—

Гдѣ всѣ равны—нарядный и убогій,
Безсильный рабъ и гордый властелинъ,
Жрецы искусствъ и пахари долинъ—
А я упалъ подъ бременемъ тревоги...

—

Сказались вы, дни ужаса и гнета!
Сказалась ты, жестокая пора!
И вотъ, чуть звукъ—боимся топора,
Чуть тѣнь—бѣжимъ, бѣжимъ отъ эшафота.

И. ГУРВИЧЪ.

ГРАНЬ.

(МУЗЫКА-СМЕРТИ).

Незнакомый городъ, куда мы прошли вчерашней ночью, былъ окутанъ сѣроватой мглой. Еще нигдѣ не было видно огня. Мы ходили и искали работы, но ея не было. „Черствое—нѣтъ!“ встрѣчало насъ всюду.

Мы разбрелись, рѣшивъ искать поодиночкѣ. Я долго шелъ по какой то узкой улицѣ. Меня мучилъ голодъ. Одинокій, усталый я шелъ все дальше съ упорствомъ отчаянія.

Кругомъ,—чужой непонятный языкъ прохожихъ, вывѣсокъ; это все болѣе угнетало меня. Изъ хаоса чуждыхъ звуковъ, окружавшихъ меня, вдругъ ясно выдѣлилась грустная мелодія, тихо несшаяся словно изъ подъ земли. Было что то тревожное въ этой музыкѣ и вмѣстѣ неудержимо влекущее. Чѣмъ больше я вслушивался, тѣмъ дальше уходилъ отъ меня городъ съ его шумными улицами. Что то непонятное подступало къ горлу, и глаза туманились.

Одна тонкая струна что то захватывающе пѣла, говорила, стонала. Я остановился.

Звуки то ослабѣвали на нѣсколько мгновеній, то снова съ большей силой разрѣзали сумерочную мглу.

Вотъ они замолкли. Я снова задумавшись иду и съ тоской почти безнадежно жду ихъ. Нервно стучитъ въ вискахъ, въ напряженной головѣ шумъ стоитъ отъ этихъ ударовъ. Вдругъ остановился почти инстинктивно. Они послышались здѣсь совсѣмъ близко!

Какая то сила влечетъ меня наклониться къ окошку подвала, у котораго, я вижу, сидитъ уже кто то оборванный, грязный. Посинѣвшее отъ холода лицо оборвыша безсмысленно улыбается, а по впалымъ щекамъ медленно ползутъ двѣ холодныя слезы.

Онъ тоже слушаетъ.

Здѣсь грязно, скользко, мокро и холодно сидѣть на каменной плитѣ тротуара. Но намъ обоимъ хорошо. И я, и мой случайный, непонимающій меня, товарищъ, мы сидимъ скорчившись въ неудобной позѣ и слушаемъ.

А музыка все гудитъ и стонетъ, и груститъ.

Тамъ въ глубинѣ подвала, освѣщенной маленькимъ огаркомъ, виднѣется грубо сдѣланная деревянная кровать. На ней лежитъ худой блѣдный старикъ и его глаза, остановившіеся на мнѣ, смотрятъ мучительно строго.

Я стараюсь избѣжать его взгляда, но онъ пронизываетъ меня насквозь, какъ яркіе лунные лучи, и я вздрагиваю. Они словно спрашиваютъ:

— Зачѣмъ ты здѣсь? Что тебѣ?..—Блѣдное лицо, тонкій заострившійся носъ и всклокоченные сѣдые волосы, странно разбросанныя руки—это безпорядокъ послѣднихъ разсчетовъ съ жизнью.

Здѣсь гдѣ то близко она, неумолимая гостья, лихая, могучая. Старикъ словно трупъ, и лишь одни глаза говорятъ о жизни, въ нихъ однихъ собралась вся та энергія, что поддерживала это изнуренное тѣло. Онъ глазами какъ будто даже слушаетъ. Въ нихъ отражается эта музыка.

Вотъ снова запѣла тонкая струна, а рядомъ съ нею гудитъ глухой, стонущій звукъ старой надтреснутой віолончели, какая-то тайна, вѣковое проклятье, безысходная мука сочетались въ этихъ аккордахъ, и жутко становится отъ этихъ звуковъ намъ случайнымъ товарищамъ, бродягамъ по свѣту.

А умирающій старикъ все такъ же пристально смотритъ на меня.

Около кровати, освѣщенные тусклымъ сіяніемъ свѣчного огарка, виднѣются три фигуры въ залатанныхъ костюмахъ—три уличныхъ музыканта. Они странно похожи на умирающаго старика. Какой-то общій типъ у всѣхъ четырехъ, племенная черта, чуждая жителямъ этого города.

Это они играютъ на своихъ старенькихъ инструментахъ. Въ послѣдній разъ для стараго больного товарища. А онъ, увлеченный какою то думой подъ тихій темпъ музыки, унесся далеко въ родную землю и не видитъ ихъ печальныхъ, усталыхъ лицъ. Въ этой музыкѣ онъ слышитъ далекіе, прошлые, старые годы.

На глазахъ у музыкантовъ навернулась слеза. Они играютъ, и въ этихъ звукахъ слышно послѣднее прощаніе странниковъ съ дорогимъ ихъ сердцу товарищемъ. Она вѣдь уже приближается.

Безпокойный взглядъ старика становится все холоднѣе, безстрастнѣе. Віолончель глухо стонетъ похоронный маршъ, она прощается съ нимъ.

Мнѣ чудится, что душа старика вмѣстѣ съ слившимся съ нею дыханіемъ смерти переходятъ понемногу туда, въ надтреснутую грудь старой віолончели.

Ея звукъ тоже словно умираетъ, затихаетъ стонущій откликъ земного страданья.

Намъ жутко и холодно, мы зябнемъ и вздрагиваемъ. Кругомъ насъ—все такіе чужіе, непонятно жестокіе люди. Что имъ до насъ, всесвѣтныхъ бродягъ?

Какое имъ дѣло до того старика, что теперь вздрогнулъ и вытянулся на своей жесткой постели тамъ въ глубинѣ подвала отъ предсмертнаго холода?

Мой случайный товарищъ довѣрчиво придвинулся ко мнѣ плечо о плечо и все что то хочетъ сказать. Но непонятныя слова проходятъ мимо ушей, не возбуждая въ головѣ никакихъ образовъ, не напоминая ничего знакомаго.

Наконецъ онъ кажется нашелъ понятное мнѣ слово. Его рука указываетъ туда въ глубь подвала на трехъ музыкантовъ, которые теперь только молча отираютъ бѣгущія слезы, и говоритъ тихо съ разстановкой:

— In musica... morte...

Да, я его понимаю:

— Смерть въ музыкѣ... Она тамъ. Она пришла туда желанная, могучая гостья...

И. ТИМКОВСКІЙ.

БЕЗЗЕМЕЛЬНЫЙ.

(ОЧЕРКЪ).

— Милый человѣкъ! Прохожій, позволь я, значитъ, не прогнѣвайся, спросить хочу.

Меня остановилъ оборванный и немного хмѣльной мужикъ, ведшій за руку босоногаго мальчика по одной изъ глухихъ и уже уснувшихъ улицъ приволжской слободки.

— Добрый человѣкъ! Гдѣ мнѣ правду найти... Ищу я ее, а она эво... Богъ знаетъ, гдѣ она!.. Мужикъ закинулъ немного назадъ лохматую голову и указалъ въ темное небо. Оттуда накрапывалъ дождь, холодный сиверко, и все небо казалось черной свинцовой плитой.

— Пойдемъ-те сюда, — предложилъ я мужику, указывая на ярко освѣщеныя окна галдѣвшаго трактира. Мужикъ махнулъ рукой, какъ то радостно, точно того и ждалъ и потянулъ мальчишку къ двери.

— Тятька, домой... иди-и!—занылъ мальчикъ.

Но его тихій голосъ тутъ же потонулъ въ вихрѣ буйныхъ голосовъ. Рука мужика уже распахнула дверь. Сквозь сизыя волны въ трактирѣ мы увидѣли лѣсенку, поднялись вверхъ, гдѣ было тише и безлюднѣе, и присѣли за грязный столикъ.

— Не пе-ей! — снова заплакалъ дѣтскій голосъ, и грустные, умоляющіе глаза его остановились на мнѣ, словно прося защиты.

— Нѣтъ, нѣтъ, родной ты мой, тятька дѣло будетъ говорить,— успокоилъ его мужикъ, — тятька не пьяница... н-нѣтъ... я вотъ человѣку разскажу, а онъ пойметъ и посовѣтуетъ...—Черезъ нѣсколько минутъ намъ былъ поданъ чай. Лицо мальчика просвѣтлѣло, въ грустныхъ глазенкахъ мелькнула радость.

— Ищу я правды, потому міръ меня обидѣлъ,—разсказывалъ мой собесѣдникъ,—крѣпко обидѣлъ! Взяли меня мужики и выбро-

сили, какъ полынку... безземельный я теперь, вотъ что... погибать мнѣ приходится. Хоть бы ремеслу какому былъ обученъ. Все бы не то...

— Ты деревню Стойку знаешь? Хорошая деревня — родина моя.

— Выросъ я тамъ, сызмальства по крестьянству жилъ. Каждый кустикъ, каждую полоску любилъ и людей любилъ, только слабость одна была—погуливалъ... И надо сказать правду, крѣпко таки. Ну, пока отецъ-пріемный былъ живъ, держался дворъ, а тамъ, какъ умеръ, и пошла, и пошла разруха. А все-таки, жилъ по Божьи,—земля держала. Ой, крѣпко она держитъ! Кажись, кусокъ послѣдній къ Рождеству доѣдаешь, и вся надежда на нее, матушку. Вотъ, думаешь, зазеленѣетъ травка, дыханье всякое оживетъ, и семьѣ полегчаетъ. А тутъ случилась такая исторія: лошадь у сосѣда свели... Встань бѣда — не лягъ, на меня. Воръ, воръ!.. Ладно, перетерпѣлъ. Потомъ кладовую подломали,—опять на меня. Не стерпѣлъ я такой бѣды, — ну, судите меня, если я пьяница, а только такимъ художествомъ не занимаюсь. Велѣлъ я сходку собрать, да всему міру и высказалъ правду: ищите, молъ, вора то около себя, можетъ воръ то не пьяница, а вродѣ вонъ этого ирода, — указываю на зятя Бурлакова, а Бурлаковъ то у нихъ въ старшинахъ.—Рубите, молъ, мою голову, если у него не найдете... Посмѣялись только надо мной, старшина позеленѣлъ немного, а зятекъ то разокъ-другой ударилъ для безчестья... Всталъ старшина и говоритъ: «худую траву изъ поля вонъ! Сколь за тобой недоимки? Чей ты такой, крапивное твое сѣмя? Вонъ, сію же минуту изъ деревни, всего лишенъ!» И вѣрно, всего лишили! Нашли тамъ, что пріемышъ я, что правовъ никакихъ не имѣю, что худой человѣкъ я, да приговоръ и составили. Вижу, плохо дѣло: пошелъ горе залить. Сижу въ шиночкѣ, приходитъ Васька кривой и суетъ бумагу: «подпишись».

— Что такое?

— А то, что ты на горлапановъ за оклеветанье въ судъ подашь...

— Ну, нацарапалъ я кое-какъ: Иванъ Чудаковъ, а грамоту то и не разобралъ. Анъ, это подвохъ,—вышло по ней, что я отъ земли отказываюсь. Понялъ уже я, что одурачили меня какъ нельзя чище быть, да что подѣлаешь... Владѣетъ моей землей

иродъ этотъ, Бурлакова зять,—залилъ всѣмъ глотки двумя ведрами водки—и все шито... Вотъ теперь, родной ты мой, и скажи—какъ тутъ быть? А — ахъ, ты Боже мой! Ну что я безъ земли за человѣкъ есть? Названье одно, тьфу!

Чудаковъ презрительно сплюнулъ и развелъ безнадежно своими мозолистыми руками.

— Такъ гдѣ она, правда-то? Въ суду, что-ли? Ну ка, скажи?— пыталъ онъ меня надорваннымъ голосомъ.

— Конечно, судъ долженъ разобрать ваше дѣло... — началъ было я.

— Су-удъ!..—лицо Чудакова передернулось отъ сиплаго глухого смѣха:—су-удъ!

И онъ, склонившись въ мою сторону, зашепталъ:

— Три года сужусь... три года...

И вотъ недавно, пробираясь набережной Волги, мимо грязныхъ притоновъ, я запримѣтилъ какъ будто знакомую плечистую фигуру, нетвердо пробирающуюся къ кучкѣ золоторотцевъ. Золоторотцы метали вверхъ деньги и гулко и озлобленно спорили.

— Чудаковъ, выручи! — вдругъ вывернулся къ нему одинъ золоторотецъ,—дай гривенникъ!

— А ну тебя!—отмахнулся тотъ.

— Выручи... аль ты, чертъ косопузый... аль твоя дочка мало даетъ... вонъ она!

Золоторотецъ указалъ по направленію заведенія, на крыльцѣ котораго толпились жалкія раскрашенныя дѣвицы.

Мнѣ хотѣлось спросить у Чудакова о судьбѣ его мальчика съ пытливыми грустными взглядами, но «безземельный» уже потонулъ въ шумѣ и сутолокѣ улицы за пьяной толпой оборванцевъ.

ИЛЬЯ САДОВЪ.

АНАРХИСТЪ.

И я любилъ. И я извѣдалъ.
Бездумный хмель любовныхъ мукъ,
И пораженье, и побѣды,
И имя: врагъ, и слово: другъ.

Ихъ было много. Что я знаю?
Воспоминанье, тѣни сна...
Я только странно повторяю
Ихъ золотыя имена...

Ихъ было много. Но одною
Чертой соединилъ ихъ я—
Одной безумной красотою,
Чье имя: Страсть и жизнь моя.

И страсти таинство свершаю,
И поднимаюсь надъ землей,
Я видѣлъ, какъ идетъ другая
На ложе страсти роковой...

И неизбѣжно—тѣ же рѣчи,
И повторенья тѣхъ же чаръ,
И примелькавшіяся плечи,
И застывающій пожаръ...

Я долго былъ тебѣ покорнымъ,
Тебя я страстью звалъ всю ночь!
Но взорамъ свѣтлымъ, взорамъ чернымъ
Я говорю отнынѣ: прочь!

Высокій храмъ свой обхожу я
Огни очей ночныхъ гашу,
Зане грозу въ себѣ иную
И небывалую ношу.

Судьба! Взнеси еще безмѣрнѣй—
На самый недоступный кряжъ,
Чтобъ каждый лучъ зари вечерней
Мнѣ повторялъ: Ты—нашъ! Ты—нашъ!..

И дай смѣяться! Дай весельемъ
Наполнить грудь, и съ верхнихъ скалъ
Послать осколокъ тѣмъ ущельямъ,
Гдѣ я любилъ и цѣловалъ!

И слушать стоны и проклятья,
И видѣть кровь, и боль, и смерть,—
Чтобъ смѣлъ, жестокій, обладать я—
Тобой одной—Пустая Твердь!

АЛЕКСАНДРЪ БЛОКЪ.

ЦАРЕВНА.

Надъ синимъ моремъ дубъ зеленый,
Подъ дубомъ теремъ златоверхій,
А въ терему краса царевна.

—

И день и ночь глядитъ царевна
На перстень съ камнемъ самоцвѣтнымъ
Глядитъ и горько, горько плачетъ.

—

Принесъ ей перстень воронъ черный,
Взмахнулъ вѣщунъ крыломъ широкимъ,
Взмахнулъ и скрылся въ поднебесьи.

—

Царевна плачетъ, причитаетъ:
Зачѣмъ ты, солнце-ведро, всходишь,
Зачѣмъ ты, вѣтеръ, тучи гонишь?

—

Отъ слезъ не вижу бѣла-свѣта,
А какъ цвѣтокъ въ ненастьѣ вянетъ,
Отъ слезъ краса моя завяла.

—

Очнись мой любый, мой голубый,
Въ чистомъ полѣ конь твой рыщетъ,
Лихого посвиста не слышитъ.

—

Очнись мой любый, мой голубый,
Очнись и встань на рѣзвы ноги,
Сядь на коня, скачи быстрѣй.

—

Ужъ я раскину черны косы,
Возьму тебя на жарки груди
И замилую-зацѣлую.

—

Царевна плачетъ у оконца,
Шумитъ надъ нею дубъ зеленый,
Внизу о камни море плещетъ.

—

Ночной порой по темнымъ волнамъ,
Раскинувъ бороду сѣдую,
Плылъ царь морской считая звѣзды;

—

Онъ изъ-за шума слышалъ голосъ
И видѣлъ старый, какъ царевна
Метнулась съ берега крутого.

—

Рукой чешуйчатой ударилъ,
До дна буруномъ вспѣнилъ волны,
Увлекъ на дно красу царевну.

—

Вставало солнце изъ-за тучи,
Въ царевнинъ теремъ заглянуло,
Былъ тихъ и пустъ царевнинъ теремъ.

—

Царевна дверь не притворила,
Пролетомъ вѣтеръ скрипнулъ дверью—
Былъ тихъ и пустъ царевнинъ теремъ.

—

Дубъ прошумѣлъ зеленымъ шумомъ
И стукнулъ вѣткой надъ оконцемъ.
Былъ тихъ и пустъ царевнинъ теремъ.

—

На днѣ морскомъ дворецъ хрустальный
А во дворцѣ краса царевна,
И царь морской у ногъ царевны.

—

Вверху то прозелень, то просинь,
Вокругъ все чудища да рыбы,
Да дѣвы съ рыбьими хвостами.

—

Царевна спитъ, царевнѣ снится—
Спитъ съ нею соколъ ясный—
Все въ серебрѣ смѣется море.

—

Но лишь пробудится царевна,
На перстень взглянетъ, сонъ свой вспомнитъ,
Слезами жгучими зальется.

—

И въ гнѣвѣ царь окликнетъ вѣтры,
Вздымаетъ волны словно горы.
И корабли за днища ловитъ.

А. РОСЛАВЛЕВЪ.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ
въ книжномъ магазинѣ М. В. Клюкина.
Москва, Моховая, д. 26.

Цѣна 1 рубль.